Юбилею Костромской областной писательской организации посвящается

КОСТРОМА

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кострома, 2006 г.

ББК 84 (2 Рос)6

Ипатьевский монастырь.
Михаил Федорович Романов

Оформление сборника
по гравюрам А.Мариева, В.Сергеева, М.Базанкова

Литературно-художественное издание

Редакционный совет: М.Ф.Базанков, Б.И.Бочкарев, А.В.Беляев, С.В.Виноградова, О.Н.Гуссаковская, А.В.Зябликов, Ю.В.Лебедев, В.В.Пашин, П.Р.Румянцев, В.И.Шапошников

© Составитель М.Ф.Базанков
© Костромская областная писательская организация, 2006

ОТ ЧИСТЫХ ИСТОКОВ

До недавнего времени, пожалуй, до конца восьмидесятых годов прошлого века, книга была надежной связью между людьми, поколениями, народами. У нас богатейшие основания думать о самых прекрасных неувядающих садах на мировом поле художественной литературы, о многовековом духовном и эстетическом значении словесного искусства. Мы гордились вершинными гениальными творениями от самых дальних, доступных нашему знанию столетий. Красота, величие, богатство родного языка, по словам М. В. Ломоносова, явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не только никаких правил для сочинений наши предки не знали, но о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

В почтении к художественному слову воспользуемся мнением Александра Сергеевича Пушкина: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими». За этим утверждением вписывается размышление нашего земляка Павла Катенина о предпочтении поэзии своей, отечественной, народной: «Свое ближе чужого». Удивительное имеем наследство, плодородные поля изящной словесности, неувядающие сады творений. Литература дает ощущение общего пространства и личной близости к всемирной природе. Любовь к планете Земля укрепляется через постоянную сердечную и душевную связь с местом, где родился человек, осознающий принадлежность к общечеловеческому Дому при своей культурной индивидуальности.

Без литературы ни один народ не обходится, потому что она эмоционально, с предчувствиями осмысливает жизнь, способна творить добро по духовным и эстетическим ориентирам, анализировать душевное состояние человека. Люди вновь призваны понимать, что без книги, без возрастания роли родного Слова, без фундамента всего культурного развития — русской литературы страна не сможет выкарабкаться из трагических обстоятельств экономического и нравственного порядка. Все чаще пробивается беспокойство за судьбы детей и внуков, потому что многое в обществе меняется в спешном порядке. Уже и литература выбита из ряда основных учебников жизни. Ни левые, ни правые политики национальную литературу, создаваемую по всей российской периферии, кажется, знать не хотят, даже горделиво признаются: не читаем — есть дела поважнее. Видимо, не обдуманы перспективы, не осмыслены пути. Как же возрождать Россию, выстраивать ее государственную независимость,

если граждане «потребляют» нынче фильмы, книги, спектакли, картины, мелодии вопреки собственному менталитету?

Не потому ли ученые поговаривают о приметах одичания... В суетливом переустройстве на отечественных просторах не первый раз «доброжелатели» пытаются отторгнуть народ от всего родного, самобытного, национального. Есть люди, которые оберегают и выращивают красоту в мире, но есть и те, кто вытаптывает ее ради единообразного цивилизованного пространства. Многие будто бы и не заметили, как ловко была отторгнута русская литература от собственного назначения: сначала упреками за традиционность, обвинениями всякого рода, затем замалчиванием и недопущением. Скоро была возвышена и пригрета всякая развлекательная книга, не имеющая целью доброту, совершенство, мораль, идеал, но принижающая человеческое достоинство, совесть и естественную красоту. Забывается, что в размышлениях о жизни с помощью литературы всегда было принято говорить прежде всего о человеке. И в прошлое мы смотрим через судьбы предшественников, история очеловечивается художественными произведениями.

Отдадим должное сохраненному под давлением шоковых перемен нашему принципу ничего поспешно не охаивать и не отрицать, а только терпеливо осмысливать и учитывать сделанное до нас, не боясь «почти инстинктивного недоверия к истинам авторитарным». История костромской литературы еще не изучена глубоко и всесторонне. По доступным документам начинается она «территориальными» приметами в семнадцатом веке. Составляя именной словник по алфавиту, первым пришлось вписать прозаика и поэта Александра Аблесимова. Удачливые исследователи найдут и другие имена. Наибольшее число талантливых земляков проявилось под влиянием эпохи Пушкина. И теперь широко известны произведения Павла Катенина, Анны Готовцевой, Юлии Жадовской, работает творческое наследие Алексея Писемского, Александра Островского, Сергея Максимова. В этом словнике от семнадцатого века и до наших дней почти сто авторов.

Известны статьи о творчестве поэтов, прозаиков, драматургов. В последние десятилетия появились диссертации, посвященные роли провинциальной творческой интеллигенции в общественной жизни. Имеется достаточно материала для исследования особенностей региональной литературы, ее тематики, разнообразия стилей и богатства языка, эстетической, философской направленности. Но пока основательных обобщающих литературоведческих работ почти нет. Может быть, такие исследования сдерживаются в условиях перемен по вполне понятным причинам. Не принято упоминать о том, что высшие достижения

культуры исходили от живущих на земле людей, нравственно и духовно сформированных в деревенском пространстве. Многие русские писатели, не только наши земляки по происхождению или длительному проживанию, профессионально возрастали от местного бытия, именно на этой основе вносили свой вклад в развитие отечественной культуры, получали широкую известность.

Костромская литература от провинциальных истоков по традициям классики набирала авторитет и в двадцатом веке трудами Розанова, Касаткина, Вс.Н.Иванова, Вяч.Лебедева, а затем — братьев Алешиных, Розова, Маркова и других. Бурные события активизировали интерес к литературному творчеству. Однако в первой трети тридцатых годов литературная жизнь Костромы в связи с переменой административного деления стала замирать, поддерживала ее подготовка к первому съезду советских писателей.

Восстановлением Костромской области был дан импульс новому литературному движению, зазвучали пришедшие с Победой писатели Осетров, Никитин, Волков, Румянцев, Хохлов, Старшинов, Часовников, Зиновьев, Вяч.Смирнов и другие. В 1946 году начало работать областное книжное издательство, вышел первый номер альманаха «Кострома» тиражом 15 тысяч экземпляров. Авторы из Костромы начали печататься в центральных журналах. В 1951 году состоялось областное совещание литературного актива, в новое литературное объединение вошли творческие люди, живущие в районах.

В шестидесятых годах костромские писатели своим творчеством обозначили особенность прозы и поэзии, отмечаемой известными критиками, сотрудниками столичных издательств. По решению секретариата Союза писателей РСФСР в 1961 году была создана областная писательская организация, возглавил ее с этой целью переведенный из Куйбышева В. Г. Корнилов. Организация была еще малочисленна, но в благоприятных общественных условиях при хороших издательских возможностях набиралась творческих сил. Книги по рекомендации организации печатались в местном, региональном (Ярославль) и всесоюзных издательствах. Выходили романы, повести, сборники прозы и поэзии.

После «ласковых» шестидесятых и выжидательных семидесятых с середины восьмидесятых по всей российской периферии литературные судьбы складывались драматически под угрозой «непригодности» по таланту. Вскоре для новой культурной политики творческие союзы оказались обременительными, их перевели в разряд общественных организаций. Издатели вынужденно поспешили в бизнес. Совестливая проза оказалась оттесненной коммерческими бестселлерами, лучшими были объявлены «новые» поэты,

поспешно были отменены мешающие понятия: доброта, совестливость, любовь к родине. Неуместными назывались упоминания о том, что в «несметном нашем богатстве слова драгоценные есть: отечество, верность, братство... и есть еще совесть и честь». Разыгрались другие востребования.

Какие книги нынче обеспечивают связь с общественной жизнью, что они берут в поле зрения? Какие сомнения одолевают уединенных литераторов? В закоулках общественного сознания еще пульсируют совестливые вопросы, так ли надо было вести себя раньше и следует ли уединяться теперь? Не уходит ли человек от самого себя без таких сомнений, когда «все засмеялось и заспешило, завыигрывало миллион и заугадывало мелодию?» (критик Валентин Курбатов). Обережет ли тишина забытой провинции от многих утрат и разочарований, сумеет ли разоряемая природа врачевать наши души? Будут ли услышаны здравые откровения способных беспокоиться не за себя только? Вот уже видные политики забеспокоились. Даже министр обороны главной из трех причин общественного неблагополучия назвал ДЕВАЛЬВАЦИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ИДЕАЛОВ НРАВСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. Это признание очень важно для размышлений о том, что делать дальше.

Вновь необходимо напоминать: родной язык, словесность с древнейших времен — первоэлемент в основе культуры, воспитания, духовности, патриотизма. Глобальные события прошлого и настоящего века уже востребовали особую роль самобытности каждого народа. Без отчетливого понимания роли русской культуры, без внимания к историко-культурному и духовному наследию самопознание не выстраивается. Литература задает вечные вопросы каждому времени и каждому человеку лично, высвечивает нравственные и духовные идеалы. К тому же она еще история и философия жизни в образах. Избранные произведения писателей, судьбами и творчеством связанных с нашим краем, должны быть закреплены в духовном и культурном наследии изданием «БИБЛИОТЕКИ КОСТРОМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Сегодня как раз и необходимо иметь в библиотечных фондах литературу чистой жизненной породы, а не поточные сочинения для прилавков, переполненных «развращающими ужастиками». Чтобы сохранить и приумножить книжные фонды — сам творческий предмет будущих литературоведческих исследований, нужно возвратиться к созданному талантливыми предшественниками, заботливо вписать в историческую последовательность издания лучших произведений современных авторов...

ПОЭЗИЯ

Н.А.Некрасов
(1821-1877)

Возвращение

И здесь душа унынием объята.
Неласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнью,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листы,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

Начало поэмы

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной
Санкт-Петербург, как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой —
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж дерев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги! …

Николай Рубцов
(1936-1971)

«И ромашки белели во мгле…»

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

Скачет ли свадьба...

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится пение детского хора, —
Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!

Вспыхнут ли звезды — я вспомню, что прежде блистали
Эти же звезды. А выйду случайно к парому, —
Прежде — подумаю — эти же весла плескали...
Будто о жизни и думать нельзя по-другому!

Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
Снег освещенный летел вороному под ноги,
Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный,
В поле открытое мчался ты вниз по дороге!

Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
Слушал о счастье младенческий говор природы, —
Что ж, говори! Но не думай, что, если заплачу,
Значит, и сам я жалею такие же годы.

Грустные мысли наводит порывистый ветер.
Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло
Прежде не думал: «Такое, мне помнится, было!»
Прежде храбрился: «Такое ли будет на свете!»

Вспыхнут ли звезды — такое ли будет на свете! —
Так говорил я. А выйду случайно к парому, —
«Скоро,— я думал,— разбудят меня на рассвете,
Как далеко уплыву я из скучного дому!..»

О, если б завтра подняться, воспрянувши духом,
С детскою верой в бессчетные вечные годы,
О, если б верить, что годы покажутся пухом, —
Как бы опять обманули меня пароходы!..

Ферапонтово

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты небывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

Анатолий Передреев
(1932-1987)

Талант поэтический не совпадает с искусством безбедно жить. Николаю Рубцову и Анатолию Передрееву надо было не просто жить, надо было суметь в ы ж и т ь. Они были рыцарями настоящей поэзии, и соседство с рыцарями инвалютных касс их не устраивало. Такое соседство и постоянное безденежье для обоих было глубоко оскорбительным, но они остались верны настоящей поэзии. И оба погибли…

Успели ли они исполнить предназначение? Я думаю, что успели, хотя книги, при жизни изданные, у обоих вмещались в один пиджачный карман.

Впрочем, кто знает? Анатолий Передреев уже совсем близко стоял к тютчевскому восприятию окружающего нас мира:

Когда с плотины падает река,
Когда река свергается с плотины,
И снова обретает берега,
И обнажает медленно глубины, —

Она стремится каждою волной
Туда, где синь господствует неслышно,
Где ивы наклонились над водой
И облака застыли неподвижно...

Она прошла чистилище труда,
И — вся еще дрожа от напряженья —
Готовится пустынная вода
К таинственному акту отраженья.

Двенадцать передреевских строк, всего двенадцать, говорят мне больше, чем целый двухтомник стихотворного публициста, про которого один болгарин сказал: «Он всегда на баррикадах, то с той стороны, то с этой».

Баррикады, однако ж, нужны больше для самоутверждения, чем для самовыражения. Для настоящих поэтов, как мне представляется, баррикады вообще не нужны.

Скорбь, вызванная безвременной смертью подлинного поэта, от времени не стихает. Тепло живого общения ничем не заменишь. Но мы читаем его стихи, и тогда вступает в свои права живая память.

Одна фальшивая, синтетическая, да впридачу еще и денежная, поэзия беспамятна и безблагодатна...

Василий БЕЛОВ

Из юности

Не догорев, заря зарей сменялась,
Плыла большая круглая луна,
И, запрокинув голову, смеялась,
До слез смеялась девушка одна.

Она была веселой и беспечной,
И каждый вечер верила со мной
Она любви единственной и вечной,
В которой мы признались под луной.

...Давным-давно мы навсегда расстались,
О том, что было, не узнал никто...
И годы шли,
И женщины смеялись,
Но так смеяться не умел никто...

Мне кажется, что посреди веселий,
В любых организованных огнях,
Я, как дурак, кружусь на карусели,
Кружусь, кружусь на неживых конях!

А где-то ночь все догорать не хочет,
Плывет большая круглая луна,
И, запрокинув голову,
Хохочет,
До слез хохочет девушка одна...

1961

Поэту

Мы все, как можем, на земле поем,
Но среди всех — великих было мало...
Твоей душе, тяжелой на подъем,
Их высоты прозрачной не хватало.

Ты заплатил в своем начале дань
Набегу разрушительных глаголов,
И лишь полей нетронутая даль
Тебя спасла от них, как от монголов.

Тебе твой дар простором этим дан,
И ты служил земле его и небу
И никому в угоду иль потребу
Не бил в пустой и бедный барабан.

Ты помнил тех далеких, но живых,
Ты победил косноязычье мира,
И в наши дни ты поднял лиру их,
Хоть тяжела классическая лира!

1968

* * *

В. Кожинову

Как эта ночь пуста, куда ни денься,
Как город этот ночью пуст и глух...
Нам остается, друг мой, только песня —
Еще не все потеряно, мой друг!

Настрой же струны на своей гитаре,
Настрой же струны на старинный лад,
В котором все в цветенье и разгаре —
«Сияла ночь, луной был полон сад».

И не смотри, что я не подпеваю,
Что я лицо ладонями закрыл,
Я ничего, мой друг, не забываю,
Я помню все, что ты не позабыл.

Все, что такой отмечено судьбою
И так звучит — на сердце и на слух, —
Что нам всего не перепеть с тобою,
Еще не все потеряно, мой друг!

Еще струна натянута до боли,
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль...

И дорогая русская дорога
Еще слышна — не надо даже слов,
Чтоб разобрать издалека-далека
Знакомый звон забытых бубенцов.

1965

Кладбище под Вологдой

Памяти Рубцова

Края лесов полны осенним светом,
И нету им ни края, ни конца —
Леса... Леса...
Но на кладбище этом
Ни одного не видно деревца!

Простора первозданного избыток,
Куда ни глянь...
Раздольные места...
Но не шагнуть меж этих пирамидок,
Такая здесь — до боли! — теснота.
Тяжелыми венками из железа
Увенчаны могилки навсегда,
Чтоб не носить сюда
Цветов из леса
И, может, вовсе не ходить сюда...

И лишь надгробье с обликом поэта
И рвущейся из мрамора строкой
Еще
Живым дыханием согрето
И бережною прибрано рукой.

Лишь здесь порой,
Как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой.
Быть может, потому,
Что он при жизни
О мертвых помнил, как никто другой!

И разойдутся тихо,
Сожалея,
Что не пожать уже его руки...
И загремят им вслед своим железом,
Зашевелятся
Мертвые венки...

Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер...
Опадает строчка:
«Россия, Русь, храни себя, храни...»

1978

Дни Пушкина

Духовной жаждою томим...
А.С.Пушкин

Все беззащитнее душа
В тисках расчетливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из темной власти барыша.

Все обнаженней его суть,
Его продажная основа,
Где стоит все чего-нибудь,
Где ничего не стоит слово.

И все дороже, все слышней
В его бездушности преступной
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.

Звучи, божественный глагол,
В своем величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...

Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечью,
И мир идет к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим.

1984

Ностальгия

Далекого детства округа,
Златая ее лебеда,
Ее колыбельная вьюга,
Ее голубая звезда!

Далекая улица счастья,
Где долго не длится печаль,
Где все развевает ненастья
Весны лепестковая даль.

Где в лунном таинственном свете
Цветет и любовь, и мечта...
Теперь между нами навеки
Легла роковая черта.

Другие меня окружили
И ночи, и дни навсегда.
Другие меня закружили
Дороги, края, города.

В какую я впутался спешку,
В какие объятья попал
И как я, под чью-то усмешку,
Душою еще не пропал?!

Нельзя ли к стене прислониться,
Забыться нельзя ли?..
И вдруг
Увидеть привычные лица —
Откуда такие вокруг?!

Какая великая дума,
Какая забота у них?..
Спешат среди вечного шума
Вершители судеб своих.

Я с вами, конечно, я с вами,
Другого пути не дано.
Одно у нас время и знамя,
И небо над нами одно.

И в той же безудержной страсти
Я в грохоте дней колесю...
Но помню, как тихое «здрасте»
На улицу слышалось всю.

Где настежь распахнуты окна,
Лучатся глаза из-под век,
Где видит меня издалека,
Навстречу идет человек.

Где все узнавали друг друга,
Где радость — на всех
и беда...
Моя золотая округа,
Святая моя лебеда!

1985

Владимир Костров

«Осталось только поле перейти»

КОСТРОВ Владимир Андреевич родился в 1935 году в деревне Власиха Боговаровского района Костромской области. Окончил химический факультет МГУ и Высшие литературные курсы при СП СССР. Выпустил около 20 книг. Переведен на все крупнейшие иностранные языки. Лауреат Государственной премии России, лауреат премии Москвы, премии им.Твардовского.

Московский дворик

Сварен суп... пора делить приварок...
...Весь заросший, черный, словно морж,
На скамейке возле иномарок,
Холодея, помирает бомж.
Над скамейкою стоит ужасный
Липкий запах грязи и мочи.
И взывать к кому-нибудь напрасно:
Потеряли жалость москвичи.
Телевизор учит выть по-волчьи —
Дикторы бесстрастны и ловки.

Диво ли, что злость в крови клокочет,
Отрастают когти и клыки?
Бомж хрипит от наркоты иль спьяну —
Холодна последняя кровать.
Неужель я оборотнем стану,
Чтобы слабых гнать, и глотки рвать,
И считать, что только в силе право,
Думать: что хочу, то ворочу?
Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

* * *

Феликсу Кузнецову

Если спросишь меня:
— Ты откуда такой?
Я отвечу тебе: там, вдали, за рекой
Деревушка стоит на угоре,
Где хлеба колосят, где хвосты поросят
И веселый петух на заборе...
...Там, вдали, за рекой не слышны голоса,
Не звенит по зеленой отаве коса,
Не шипит молодое варенье,
Не пищит в полусгнившей скворечне скворец,
И в телегу коня не впрягает отец, —
Лишь глухая трава запустенья.
Как расскажешь тебе, что вдали за рекой:
Там любовь, и работа, и вечный покой,
И упавшая наземь ограда,
И заросшие кустики, дивных цветов,
И сухие распятия древних крестов,
И рябина горит, как лампада.
Но мне слышатся скрипы ворот и телег.
И огневка ныряет в нетронутый снег.
И петух гомонит ку-ка-ре-ку.
Вот такие дела, дорогой человек,
Там, вдали, за рекою кончается век.
Только я переплыл эту реку!

* * *

Через окно убегала из дома ты.
Берег крутой. Да зеркальная влага близка.
Как нас с тобой привечали ветлужские омуты —
Темный провал, золотая полоска песка.
К небу бросая свою тесноту сарафанную,
Лодочку-туфельку срывая с ноги,
Ты уплывала дорожкою лунной обманною
В звездную осыпь, в нечастые рыбьи круги.
И возвращалась назад, молодая и смелая,
С темными змейками мокрых волос на висках,
Чтобы забиться, как рыба, могучая, белая,
В жадных моих, ошалелых от счастья руках.
Слышу плескание, вижу мерцание,
По берегам огоньки деревень,
Слышу коня одинокое ржание,
Шорох Ветлуги, наполненный всклень.
Ох, глубоки моей памяти темные омуты,
Годы и воды бегут чередой.
Если ко мне убежать соберешься из дома ты,
Не поскользнись на росистой дорожке крутой!

Литинститут

Свернем, прохожий, с улицы шикарной,
Пройдем по скверу под прямым углом —
Там, оградив, решеткой шум бульварный,
Еще стоит старинный этот дом.
Там во дворе, как кадр на киноленте,
Овеществляя просвещенный ум,
О будущем грустит на постаменте
Певец былого и властитель дум.
У прозы и стихов свои законы,
Свои масштабы, как и судный час.
И две доски страдальцев, как иконы,
Глядят со стен внимательно на нас.
Здесь и сейчас, как и во время оно,
Порой звучат наречья всех земель,
Или стрела сверкает Аполлона,
И плачет Пана сельская свирель.

Кругом Москва. Развалины Союза,
Где нынче бьют и плакать не дают.
И Родины страдающая муза
Сегодня здесь нашла себе приют.
Пойдем со мной, одушевимся снова,
И, может, боль утишится, в груди.
Поверим, что в начале было Слово,
И светлый храм увидим впереди.

* * *

Вл. Соколову

Ты сказал, что от страшного века устал.
И ушел, и писать, и дышать перестал.
Мне пока помогает аптека.
Тяжело просыпаюсь, грущу и смеюсь,
Но тебе-то признаюсь: я очень боюсь,
Да, боюсь двадцать первого века.
Здесь бумажным рулоном шуршит Балахна,
На прилавках любого полно барахла,
И осенний русак не линяет,
И родное мое умирает село,
И веселая группа «Ногу свело»
Почему-то тоску навевает.
Знать бы, как там у вас?
Там, поди, тишина,
Не кровит, не гремит на Кавказе война.
И за сердце инфаркт не хватает.
Здесь российская муза гитарой бренчит
Или матом со сцены истошно кричит.
Нам сегодня тебя не хватает.
Я почти не бываю у близких могил,
Но друзей и родных я в душе не избыл.
Мне они как Афон или Мекка.
Я боюсь, чтобы завтра не прервалась
Меж живыми и мертвыми вечная связь,
Я боюсь двадцать первого века.

* * *

Спят депутаты, и спят депутатки.
Лунное золото капает с крыш.
Чу! Над столицею в черной крылатке
Гоголь взошел, как летучая мышь.

Нос крючковатый. Глаза, как у Вия.
Веко слезою висит на краю.
Молит он, чтоб осадила Россия
Осатанелую тройку свою.

Не усидел в своем сумрачном сквере,
В небе парит, не таясь никого.
— Перекрестите все окна и двери, —
Шепчут разбитые губы его.

— Плохо, видать, вы друг друга любили,
Мало просили «прости и спаси!».
Бричка разбита, и лошади в мыле,
Срезало напрочь чеку на оси.

Все забери, только душу не трогай.
Все прокляни, но конца не желай.
Гоголь проснулся. Да здравствует Гоголь!
Не улетай из Москвы, Николай.

* * *

Я знаю — тяжелы мои грехи
Пред теми, кто любил меня так нежно.
За невниманье к другу, за стихи,
Написанные шустро и небрежно,
За то, что не берег родных могил,
Был слишком к самому себе привязан,
А Родину не жертвенно любил —
Уже сейчас жестоко я наказан.

* * *

Овеянный имперской славой
На полотняных плоскостях,
Куда летит орел двуглавый
С звездой рубиновой в когтях?
Зачем на площади великой
Румяные, как кирпичи,
Вновь Александровской музыкой
Тревожат небо трубачи,
Полков парадная подкова
По бедрам тянет рукава,
И хор выводит Михалкова
Полузнакомые слова?
Но сердце ввысь уже не рвется,
Глаза слезами не полны...
Когда же гордость к нам вернется,
России верные сыны?

* * *

В темнеющих полях еще белеют лица,
И смертная на них уже упала тень.
Нам не в чем упрекнуть солдат Аустерлица,
Но завтра, Бонапарт, настанет новый день.

Еще стоит разрыв бризантного снаряда,
Но гамбургский счет уже один-один.
Еще теплы тела в окопах Сталинграда,
Но в стеклах мертвых глаз уже горит Берлин.

И рано, господа, нам подбивать итоги —
Не нами этот мир вращать заведено,
В морях или горах, дворце или остроге,
Но завтра новый день наступит все равно.

* * *

Что делать! Тело и душа простятся
В урочный час...
Я ухожу в свободное пространство,
Я жить устал.
Мне наплевать на вас.

Я ухожу к равнинам и рябинам,
Еще не позабывшим Божий глас.
Я уношусь в полете голубином
Под небеса. Мне наплевать на вас.
Я отрешусь от наглых генералов,
От подлых репортеров и хлюстов,
Вступая в класс стабильных минералов,
В круг бабочек; бактерий и кустов.
Отрину плоть. И не боясь давлений,
Неподотчетный датам и годам,
Я растворюсь в среде простых явлений
И реплики оттуда не подам.
И общему злословью неподвластный,
Исчезну, как слезинка на лице.
Ну, может быть, у женщины прекрасной
Сверкну рубином в золотом кольце.
Я ухожу. И не вернусь обратно.
И буду жить средь хлада и огня,
Пока архангел, протрубив трикратно,
На Божий суд не призовет меня.
Срастутся кости. Кровь вскипит, стекаясь.
Я снова стану хрупок и раним.
И стану на колени и раскаюсь,
Но только там.
Но только перед Ним.

* * *

Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх и боль не бередят меня.
В черемуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света, радости и воли,
Так бьется сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
И солнышко на небе златооко,
И дышится привольно и легко.
И прошлое как будто недалеко.
И будущее так недалеко.
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита. Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.

Виктор Лапшин

«И на сердце печаль — почему?»

Соловей

Вот стезею неисповедимою
В славе торжествующей своей
Снова на березу на родимую
Прилетел из рая соловей.

За сараем с древнею скворешнею,
Дремлющими листьями укрыт,
Несказанной песнею нездешнею
Он глубоко память бередит.

Встрепенется вещее, далекое,
Но понятной мукою не вдруг
Отзовется сердце одинокое
На таинственно знакомый звук...

Холода

Что морозу нанесло!
Пучит мерзлое стекло,
Выворачивает раму.
Лезвиями из щелей
Прыщет ветер-снеговей,
И сквозняк — родня тарану.

Боже мой, как тяжело —
Одиноко и тоскливо!
Всю Россию замело,
Онемела сиротливо,
Душу холодом свело.

В свист продуты все края,
Не найти норы укромной.
Исчезающе огромна
Нынче Родина моя.

Уход

Душа моя верить не смеет,
Что в мире тепло и светло:
Да солнце ли пламенеет,
Не адское ли жерло?

О совести, о стыде ли
Поют в кабаках соловьи?
Глаза бы мои не глядели,
Не слушали б уши мои!

Закатною мглой или ложью
Проникнута праздная ширь —
Дороги моей бездорожье
И неба заветный пустырь.

За маской кривляется маска...
Забудь меня, вшивый вокзал!
Россия, ты страшная сказка,
Которую Бог рассказал.

Покой

И ты мой друг,
и я твой друг, —
Гульливы мы на диво.
Трепещут голуби вокруг
И сизо, и ворчливо.

Преснее пресного слова, —
Ни меду в них, ни соли.
Без ветерка дрожит листва,
При ветерке тем боле.

Над головой и гул, и вой,
И гром, и рев — меж нами;
Что было некогда землей,
Трясется под ногами.

И небо зыблется, и свет
Волнуется лучами.
И только в нас движенья
нет
Отрады иль печали.

Спокойно мы на мир глядим,
Нам и без скуки скучно,
Отечества и славы дым
Вдыхаем равнодушно.

Под вопли «Бей! Насилуй!
Грабь!»
Мы сами вьемся дымом,
И наша поступь только рябь
На зеркале незримом.

Старики

Муж и жена. То в ласке, то в обиде,
Друг друга и любя, и ненавидя,
Вдали от Маркса и других Сенек
Уединенно коротали век.

Дед вглядывался в меркнущее небо,
Молился у бузинного куста:
«Карай меня, о Боже, но без гнева!»
В слезах его мерцала высота.

Бессонной ночью на скрипучем ложе
Ворчала баба: «Стряпай да стирай...»
Спохватывалась: «Милосердный Боже,
Прогневайся, но только не карай».

Не думали они о веке грозном —
Перемежали в мыслях дождь и снег,
И тихо плыл, кренясь, в просторе звездном
Трухлявый их бревенчатый ковчег.

Предатель

Все замерло, все сникло в зале,
Когда плешивейший сатир
Воззрился честными глазами
В грядущий благодатный мир.

Молчал минуту величаво...
Вверх подбородок, вниз в, то рой...
И кто-то процедил: «Волчара!»
И кто-то выдохнул: «Герой!»

Молчал, важнел, не торопился,
Избытком власти упоен.
В трибуну красную вцепился
Обеими руками он,

О, сколько перед ним хваленых
И пресловутых без затей!
И брызнула из-под холеных
Кровь черная из-под ногтей!

И, обдирая полировку,
За ногтем ноготь проскрипел.
С бумагами наизготовку
Внезапно он рассвирепел.

Зад Афродиты, торс Геракла!
Язык — судьбы веретено.
Побагровело и набрякло
На лбу лиловое пятно.

Зал бешеным окинул взглядом,
Нос ястребино заострил
И папку отшвырнул с докладом,
И яростно заговорил.

Заразевал он зев безгубый
И языком он зашуршал, —
Своею болтовней сугубой
Как будто подвиг совершал.

Он словно выполз из-под спуда,
Извилист и витиеват.
И кто-то проронил: «Иуда!»
И кто-то прошептал: «Виват!»

Он прохрипел: «Прощай,
Держава!
Другую сотворит народ».
И челюсть у него дрожала,
И дергался в усмешке рот.

В рукоплескании напрасном
Уж чудился прибой беды...
О, белоснежные на красном
Кривых его ногтей следы!

Облако

В ясном небе, по лазури,
Мчится облако в тиши —
То ль гонец далекой бури,
То ли бред моей души.

Вмиг, косматое, седое,
Пронеслось оно, клубясь.
Вихрем в безмятежном зное —
Войлочных волокон вязь!

Только в сердце след остался
Иль оно тому виной...
Уж не демон ли промчался
Над родною стороной?

Тает память понемногу
И немотствуют слова,
Но таит мою тревогу
Светлых высей синева.

Благая весть

Давным-давно Благая Весть
Была земле дарована,
И быть должна людская честь
Всегда на ней основана.

Но мир осатанел в огне
И к благу не торопится,
В житейском море лишь на дне
Заветный жемчуг копится.

Сон

Приснился мне город громадный
Там жизнь разудалая шла.
Люд суетный, алчный и жадный
Ее прожигал дотла.

Огни безмятежно сияли,
Как звездное небо в ночи,
Витрины победно пылали,
И жрали бензин лихачи.

Хозяевами чужеземцы
Взирали на люд свысока,
Восторженно пялили зенки
Юнцы на них... Боже, тоска!

Бдуждали панельные павы,
Губами, как ведьмы, кровавы,
Ватагой, оравой, гурьбой —
И нагло гордились собой.

Невольно я вдруг содрогнулся,
И всхлипнул, и тотчас проснулся
Под зычный будильника звон.
...А что если это не сон?

Огонек

Где-то там, на задворках Вселенной,
Просиял огонечек мгновенный
И навек закатился во тьму.
И на ноготь не стало мне хуже,
Не идется домой — почему же?
И на сердце печаль — почему?

ПРОЗА

ИМЕНИ ПИСЕМСКОГО

Впервые высказал эту идею в мае 1986 года на открытии памятника Алексею Феофилактовичу Писемскому возле дома, где он жил. Я предполагал продолжение литературных праздников, происходящих от значимости этого культурного события и связанного с ним появления литературного музея в Костроме. Наивно верилось в уважение костромичами собственных достоинств, в последовательное почтение к богатому культурному наследию, в проснувшееся желание администраторов поддерживать талантливых современников, по причине замалчивания еще неизвестных широко в России. Пришлось утверждать, что у нас есть произведения высокого художественного звучания, в них виден естественный человек — не супермен, не исполнитель разрушительных заказов, а душевный и сочувствующий брат всего живого, способный в меру сил создавать порядок на родной земле, творить добро и красоту. Появилась тогда же мысль о создании музея Писемского, об учреждении ежегодной областной литературной премии за наиболее значительные произведения художественной прозы. Были подготовлены письма, начались хождения по инстанциям и даже появился пункт в одном из постановлений областной администрации. Но... скоро сказка говорится — дело мешкотно творится.

Через десять лет настойчиво повторяю: подготавливая предложения в концепцию целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2020 года)», без внимания к литературе нельзя обойтись. Перечитываю биографию «одного из самых последовательных, типичных и в то же время оригинальных русских писателей-реалистов. Алексей Писемский (1821-1881) в истории литературы обозначен особыми темами, своими художественными приемами, богатым и разнообразным языком. Житейские обстоятельства в его судьбе, глубокие и серьезные причины «спокойно существующих пакостей» не позволяли писателю верить в скорые проекты общественных реформ, в рассудочные рецепты переустройства провинциальной жизни, потому не приходил «в восторг от характера того совершающегося на наших глазах движения, в которое вовлечены все действующие силы нашей страны» (Об этом он писал в объявлении об издании журнала «Библиотека для чтения» в 1861 году — Санкт-Петербургские ведомости», 1860, №248.)

Творческая личность сложна, многогранна. Нередко искренний талант оказывается под давлением современников, если мнение и дела его чего-то значат, не удается избежать придирок и

претензий. Но рано или поздно находятся здравомыслящие люди, способные оценить достоинства писателя, критика, художника, композитора. На литературном юбилее А.Ф. Писемского при Московском университете ораторы говорили о незаурядности и самобытности таланта, о его заслугах перед русской литературой. Обращаю внимание на слова из ответной речи юбиляра: «Пройденый путь, как и путь товарищей моих, был нелегок...». Единственной путеводной звездой для него было желание сказать стране, может быть, несколько грубую, но все-таки правду.

Мастерство повествователя удивляло И.С. Тургенева, он назвал Писемского профессором литературного рисунка (в письме П.В. Анненкову). Эта «живопись» создавала мозаику повседневной жизни. Писатель видел в народе воплощение лучших качеств нации и твердо знал, что внутреннюю независимость личности дает труд, сам процесс работы, в котором человек познает свою душевную силу. В жизни и в творческой реализации нашего земляка, по свидетельствам его современников, сочетались черты крестьянской, грубоватой простоты и чисто дворянской изнеженности. Поклонник, почитатель Пушкина, пламенный последователь Гоголя испытал «убийственную жизнь провинциального чиновника», но не утратил энергию духа, способность видеть жизнь народа в непосредственности, сохранил в литературной работе эпический тон.

Выход романа «Взбаламученное море» в 1863 году переменил к нему отношение. И последний роман «Масоны» повлиял на «внимание» к автору из глухого захолустья. В нашем времени такие перемены тоже не кажутся случайными: к творцу нередко относятся не по главным его достоинствам, а по задетому у кого-нибудь самолюбию. Нам же и нынче следует ценить художественные достоинства земляка, его человечность, искренность, правду, умение при любых обстоятельствах оставаться самим собой.

Учреждение премии имени А.Ф.Писемского явится последовательным шагом, свидетельствующим о почтении к талантливым землякам, и благотворно впишется в областную целевую программу «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области», которая предполагает нашу гражданскую обязанность выстраивать на культурной и духовной основе государственное самосознание с пониманием родной словесности, как основы патриотического воспитания. Литература передает из поколения в поколение национальные особенности, нравственные и духовные идеалы. Она — философия жизни в образах. Богатое костромское литературное наследие от восемнадцатого века и до наших дней позволяет укреплять любовь к родному краю на основе знаний истории, быта, обычаев, говоров, этики поведения, отношений между людьми, жизненного лада.

Среди многих талантливых земляков выходец из костромской глубинки (Писемский родился в сельце Раменье Чухломского уезда 23 марта 1821 года) выделялся оригинальной художественной разработкой цельных образов, был силен знанием провинциальной жизни, народного быта, народной речи, явил особое эпическое дарование. В январе 1845 года, после окончания Московского университета пожив в Раменье, он поступил на службу в костромскую палату государственных имуществ и все годы в Костроме много писал, не имея возможности печататься. Основное вдохновение и материалы для творчества он черпал именно на костромской земле. С помощью А.Н. Островского была опубликована повесть «Тюфяк», отмеченная дружным хором похвал. Автора провозгласили одним из основателей «чистого и независимого творчества». Сочинение «Горькая судьбина» было признано одним из лучших произведений русской драматургии. А «Очерки крестьянской жизни», романы «Тысяча душ», «Люди сороковых годов», «Мещане», «Масоны» и многие другие работы обозначили его одним из самых последовательных, типичных и в то же время оригинальных русских писателей-реалистов...

Желая быть последовательными, мы должны помнить, что наш земляк, явившись из провинции в столичное общество, не принарядился морально кому-то в угоду, ни в чем не изменил обычной своей физиономии, как писали тогда, а сохранил верность самому себе и оказался в ряду лучших писателей, потому что был одарен способностью душевно проникать в самые затаенные уголки жизни и вскрывал при этом общие ее закономерности. Самые требовательные критики ставили его в один ряд с Тургеневым, Гончаровы, Островским. Значение лучших произведений А.Ф.Писемского не ограничено эпохой создания. Он с любовью воспроизводил характеры деятельных, правдивых и честных людей, работал с мечтой о хорошем человеке. И эта его человечность дорога каждому наследующему лучшее в литературе предшественников. Учрежденная премия его имени за наиболее значительные художественные произведения может акцентировать внимание на особенностях современной провинциальной жизни, на сохранении словесности, как основы культуры.

Алексей Писемский

ПРИЗНАНИЕ

Отрывок из романа «Тысяча душ»

Между тем у Годневых ожидали Калиновича с нетерпением и некоторым беспокойством. В урочный час уж капитан явился и, по обыкновению, поздоровавшись с братом, уселся на всегдашнее свое место и закурил трубку.

— Настя, а Настя! — крикнул Петр Михайлыч.

— Что, папаша? — отозвалась та.

— Поди сюда, друг мой.

Настенька вышла в новом платье и в завитых локонах. С некоторого времени она стала очень заниматься своим туалетом.

— Да что Калинович, придет к нам сегодня или нет? Здоров ли он? Не послать ли к нему? — сказал Петр Михайлыч.

— Я посылала к нему, папаша: придет, я думаю,— отвечала Настенька и села у окна, из которого видно было здание училища.

С некоторого времени всякий раз, когда Петр Михайлыч сбирался послать к Калиновичу, оказывалось, что Настенька уж посылала.

Часа в два молодой смотритель явился наконец мрачный. Он небрежно кивнул головой капитану, поклонился Петру Михайлычу и дружески пожал руку Настеньке.

— Что вы такие сегодня? — сказала она, когда Калинович сел около нее и задумался.

— Мальчишки, верно, рассердили! — подхватил Петр Михайлыч.— Они меня часто выводили из терпенья: расстроят, бывало, хуже больших. Выпейте-ка водочки, Яков Васильич: это успокоит вас. Эй, Палагея Евграфовна, пожалуйте нам хмельного!

Водка была подана, но Калинович отказался.

— Отчего вы не хотите сказать, что такое с вами? Это странно с вашей стороны,— сказала ему Настенька.

— Что ж вам так любопытно? Очень обыкновенный случай: новая неудача! — проговорил он как бы нехотя.

—Что такое? — спросила Настенька с беспокойством, но Калинович вздохнул и опять на некоторое время замолчал.

— Хоть бы один раз во всю жизнь судьба потешила! — начал он.— Даже из детства, о котором, я думаю, у всех остаются приятные и светлые воспоминания, я вынес только самые грустные, самые тяжелые впечатления.

Калинович прежде никогда ничего не говорил о себе, кроме того, что он отца и матери лишился еще в детстве.

— Сколько я себя ни помню,— продолжал он, обращаясь больше к Настеньке,— я живу на чужих хлебах, у благодетеля (на последнем слове Калинович сделал ударение), у благодетеля,— повторил он с гримасою,— который разорил моего отца, и когда тот умер с горя, так он, по великодушию своему, призрел меня, сироту, а в сущности, приставил пестуном к своим двум сыновьям, болванам, каких когда-либо свет создавал.

— А! скажите пожалуйста! — произнес Петр Михайлыч.

— И между тем, — продолжал Калинович, опять обращаясь более к Настеньке,— я жил посреди роскоши, в товариществе с этими глупыми мальчишками, которых окружала любовь, для удовольствия которых изобретали всевозможные средства... которым на сто рублей в один раз покупали игрушек, и я обязан был смотреть, как они играют этими игрушками, не смея дотронуться ни до одной из них. Мной они обыкновенно располагали, как вещью: закладывали меня в тележку, которую я должен был возить, и когда у меня не хватало силы, они меня щелкали; и если я не вытерпливал и осмеливался заплакать, меня же сажали в темную комнату, чтоб отучить от капризов. Лакеи и те находили какое-то особенное удовольствие обносить меня за столом кушаньями и не чистить мне ни сапогов, ни платья.

— Это ужасно! — проговорила Настенька.

— Господи помилуй! — воскликнул Петр Михай-лыч.

— Интереснее всего было, — продолжал Калинович, помолчав, — когда мы начали подрастать и нас стали учить: дурни эти мальчишки ничего не делали, ничего не понимали. Я за них переводил, решал арифметические задачи, и в то время, когда гости и родители восхищались их успехами, обо мне обыкновенно рассказывалось, что я учусь тоже недурно, но больше беру прилежанием... Словом, постоянное нравственное унижение!

Петр Михайлыч только разводил руками. Настенька задумалась. Капитан не так мрачно смотрел на Калиновича. Вообще он возбудил своим рассказом к себе живое участие.

— Я, по крайней мере, Яков Васильич, радуюсь, — заговорил Петр Михайлыч, — что бог привел вас кончить курс в университете.

Калинович горько улыбнулся.

— Курс кончить! — произнес он.— Надобно спросить, чего это мне стоило. Как нарочно все случилось: этот благодетель мой, здоровый как бык, вдруг ни с того ни с сего помирает, и пока еще он был жив, хоть скудно, но все-таки совесть заставляла его оплачивать мой стол и квартиру, а тут и того не стало: за какой-нибудь

полтинник должен был я бегать на уроки с одного конца Москвы на другой, и то слава богу, когда еще было под руками; но проходили месяцы, когда сидел я без обеда, в холодной комнате, брался переписывать по гривеннику с листа, чтоб иметь возможность купить две, три булки в день.

— Ужасно! — повторила Настенька.

— Именно ужасно! — подхватил Петр Михайлыч. Калинович вздохнул и продолжал:

— Отстрадал наконец четыре года. Вот, думаю, теперь вышел кандидатом, дорога всюду открыта... Но... чтоб успевать в жизни, видно, надобно не кандидатство, а искательство и подличанье, на которое, к несчастью, я не способен. Моих же товарищей, идиотов почти, послали и за границу и понаделили бог знает чем, потому что они забегали к профессорам с заднего крыльца и целовали ручки у их супруг, немецких кухарок; а мне выпало на долю это смотрительство, в котором я окончательно должен погрязнуть и задохнуться.

— Да, да, какое уж это для вас место! — подтвердил Петр Михайлыч, — сколько я сужу, оно вам не по характеру, да и мало по вашим способностям.

— Грустно и тошно становится! — почти воскликнул Калинович, ударив себя в грудь.— Наконец злоба берет, когда оглянешься на свое прошедшее: хоть бы одна, осуществившаяся надежда! Неблагодарные труды и вечные лишения — вот все, что дала мне жизнь!.. Как хотите, с каким бы человек ни был рожден овечьим характером, невольно начнет ожесточаться!.. И вы, Петр Михайлыч, еще часто меня укоряете за бессердечие! Но, боже мой! как же я стану питать к людям сожаление, когда большая часть из них страдает или потому, что безнравственны, или потому, что делали глупости, наконец ленивы, небрежны к себе. Я ни в чем этом не виноват и все-таки страдаю... я хочу и буду вымещать на порочных людях то, что сам несу безвинно.

При последних словах лицо молодого человека приняло какое-то ожесточенное выражение.

— Вы совершенно правы в ваших чувствах,— сказала Настенька.

— Я, сударь, не осуждаю вас, а желаю только, чтоб господь бог умирил ваше сердце, — только! — проговорил Петр Михайлыч.

Калинович встал и начал ходить по комнате, ни слова не говоря. Хозяева тоже молчали, как бы боясь прервать его размышления.

— Что ж вас так сегодня именно встревожило? — проговорила Настенька голосом, полным участия»

— То, что я не говорил вам, но, думая хоть каким-нибудь путем выбиться, — написал повесть и послал ее в Петербург, в одну

редакцию, где она провалялась около года, и теперь получил назад при этом письме. Не хотите ли полюбопытствовать и прочесть? — проговорил Калинович и бросил из кармана на стол письмо, которое Петр Михайлыч взял и стал было читать про себя.

— Читайте, папенька, вслух! — проговорила с досадою Настенька.

Петр Михайлыч начал:

«Любезный друг.

Ты, я думаю, проклинаешь меня за мое молчание, хоть я и не виноват: повесть твою я сейчас же снес по назначению, но ответ получил только на днях. Мне возвратили ее с таким приговором, что редакция запасена материалом уж на целый год. Не огорчайся этой неудачей: роман твой, по-моему, очень хорош, но вся штука в том, что редакции у нас вроде каких-то святилищ, в которые доступ простым смертным невозможен, или, проще сказать, у редактора есть свой кружок приятелей, с которыми он имеет свои, конечно, очень выгодные для него денежные счеты. Они наполняют у него все рубрики журнала, производя каждого из среды себя, посредством взаимного курения, в гении; из этого ты можешь понять, что пускать им новых людей не для чего; кто бы ни был, посылая свою статью, смело может быть уверен, что ее не прочтут и она проваляется с старым хламом, как случилось и с твоим романом».

Старик не в состоянии был читать далее и бросил письмо.

— Как же редактор может не прочесть? — воскликнул он с запальчивостью,— в этом его прямое назначение и обязанность.

— Его назначение и обязанность набивать свой карман,— сказал Калинович.

— Именно! — подтвердил Петр Михайлыч. — После этого они не проводники образования, а алтынники; после этого им бы в лавке сидеть, а не словесностью заниматься!.. Возбранять ход новым дарованиям — тьфу!

Калинович продолжал ходить взад и вперед.

— Послушайте, вы прочтете нам ваш роман? — сказала Настенька.

— Пожалуй, как-нибудь выберем время, — отвечал Калинович.

— Чего тут выбирать!.. откладывать нечего: извольте сегодня же нам прочесть. Я вот немного сосну, а вы между тем достаньте вашу тетрадку,— подхватил Петр Михайлыч.

— Я за тетрадью, папенька, пошлю Катю,— сказала Настенька, — а сами вы не должны ходить, без вас найдут, — прибавила она Калиновичу.

— Хорошо,— отвечал тот.

После обеда Петр Михайлыч тотчас отправился в свой кабинет, а Настенька села рядом и довольно близко около Калиновича.

— Вы давно написали ваш роман? — сказала она.

— Года полтора, — отвечал тот.

— А нынче вы пишете что-нибудь?

— Пишу и нынче, — отвечал Калинович с расстановкой.

— Что ж вы нынче пишете?

— Знакомое вам.

— Знакомое мне? — повторила Настенька, потупившись. — Вы и это должны нам прочесть: это для меня еще интереснее, — прибавила она.

— Оно еще не кончено.

— Отчего?

— Оттого, что не от меня зависит: я не знаю, чем еще кончится.

— А я думаю, что вы должны знать.

— Нет, не знаю...— отвечал Калинович.

Такими намеками молодые люди говорили вследствие присутствия капитана, который и не думал идти к своим птицам, а преспокойно уселся тут же, в гостиной, развернул книгу и будто бы читал, закуривая, по крайней мере, шестую трубку. Настенька начала с досадою отмахивать от себя дым.

— Ваш страж не оставляет вас, — сказал Калинович по-французски.

— Несносный! — отвечала она тихо и с маленькой гримасой, а потом, обратившись к дяде, сказала:

— Что вы, дяденька, за охотой не ходите! Мне очень хочется дичи... хоть бы сходили и убили что-нибудь.

— Ружье в починку отдал... попортилось... — отвечал капитан.

— Возьмите у Лебедева.

— Их дома, кажется, нет-с; они верст за тридцать на облаву пошли.

— Нет, он дома: сегодня был в училище, — возразил Калинович.

Капитан покраснел.

— К ихним ружьям я не привык-с, мне из них ничего не убить-с! — отвечал он, заикаясь.

Понятно, что капитан безбожно лгал. Настенька сделала нетерпеливое движение, и когда подошла к ней Дианка и, положив в изъявление своей ласки на колени ей морду, занесла было туда же и лапу, она вдруг, чего прежде никогда не бывало, ударила ее довольно сильно по голове, проговоря:

— Ваша собака, дяденька, вечно измарает мне платье.

— Венез-иси! — сказал капитан. (Поди сюда от фр. venez-ici.)

Дианка посмотрела с удивлением на Настеньку, как бы не понимая, за что ее треснули, и подошла к своему патрону.

— Иси, куш! — повторил строго капитан, и Дианка смиренно улеглась у его ног.

Напрасно в продолжение получаса молодые люди молчали, напрасно заговаривали о предметах, совершенно чуждых для капитана: он не трогался с места и продолжал смотреть в книгу.

— Есть с вами папиросы? — сказала наконец Настенька Калиновичу.

— Есть,— отвечал он.

—Дайте мне. Калинович подал.

— А сами хотите курить?

— Недурно.

— Пойдемте, я вам достану огня в моей комнате,— сказала она и пошла. Калинович последовал за ней.

Войдя в свою комнату, Настенька как бы случайно притворила дверь.

Капитан, оставшись один, сидел некоторое время на прежнем месте, потом вдруг встал и на цыпочках, точно подкрадываясь к чуткой дичи, подошел к дверям племянницыной комнаты и приложил глаз к замочной скважине. Он увидел, что Калинович сидел около маленького столика, потупя голову, и курил; Настенька помещалась напротив него и пристально смотрела ему в лицо.

— Вы не можете говорить, что у вас нет ничего в жизни! — говорила она вполголоса.

—Что ж у меня есть? — спросил Калинович.

— А любовь,— отвечала Настенька,— которая, вы сами говорите, дороже для вас всего на свете. Неужели она не может вас сделать счастливым без всего... одна... сама собою?

— По моему характеру и по моим обстоятельствам надобно, чтоб меня любили слишком много и даже слишком безрассудно! — отвечал Калинович и вздохнул.

Настенька покачала головой.

— Так неужели еще мало вас любят? Не грех ли вам, Калинович, это говорить; когда нет минуты, чтоб не думали о вас; когда все радости, все счастье в том, чтоб видеть вас, когда хотели бы быть первой красавицей в мире, чтоб нравиться вам, — а все еще вас мало любят! Неблагодарный вы человек после этого!

Капитан покраснел, как вареный рак, и стал еще внимательнее слушать.

— Любовь доказывается жертвами, — сказал Калинович, не переменяя своего задумчивого положения.

— А разве вам не готовы принести жертву, какую вы только потребуете? Если б для вашего счастья нужна была жизнь, я сейчас отдала бы ее с радостью и благословила бы судьбу свою... — возразила Настенька.

Калинович улыбнулся.

— Это говорят все женщины, покуда дело не дойдет до первой жертвы, — проговорил он.

—Зачем же говорить, когда не чувствуешь? С какою целью? — спросила Настенька.

— Из кокетства.

— Нет, Калинович, не говорите тут о кокетстве! Вы вспомните, как вас полюбили? В первый же день, как вас увидели; а через неделю вы уж знали об этом... Это скорей сумасшествие, но никак не кокетство.

Проговоря это, Настенька отвернулась; на глазах ее показались слезы.

— Помиримтесь! — сказал Калинович, беря и целуя ее руки. — Я знаю, что я, может быть, не прав, не благодарен, — продолжал он, не выпуская ее руки, — но не обвиняйте меня много: одна любовь не может наполнить сердце мужчины, а тем более моего сердца, потому что я честолюбив, страшно честолюбив, и знаю, что честолюбие не безрассудное во мне чувство. У меня есть ум, есть знание, есть, наконец, сила воли, какая немногим дается, и если бы хоть раз шагнуть удачно вперед, я ушел бы далеко.

— Вы должны быть литератором и будете им! — проговорила Настенька.

— Не знаю... вряд ли! Между людьми есть счастливцы и несчастливцы. Посмотрите вы в жизни: один и глуп, и бездарен, и ленив, а между тем ему плывет счастье в руки, тогда как другой каждый ничтожный шаг к успеху, каждый кусок хлеба должен завоевывать самым усиленным трудом: и я, кажется, принадлежу к последним.— Сказав это, Калинович взял себя за голову, облокотился на стол и снова задумался.

— Послушайте, Калинович, что ж вы так хандрите? Это мне грустно! — проговорила Настенька, вставая. — Не извольте хмуриться — слышите? Я вам приказываю! — продолжала она, подходя к нему и кладя обе руки на его плечи.— Извольте на меня смотреть весело. Глядите же на меня: я хочу видеть ваше лицо.

Калинович взглянул на нее, взял тихонько ее за талию, привлек к себе и поцеловал в голову.

С лица капитана капал крупными каплями пот; руки делали какие-то судорожные движения, и, наконец, голова затекла, так что он принужден был приподняться на несколько минут, и когда потом

взглянул в скважину, Калинович, обняв Настеньку, целовал ей лицо и шею...

— Анастаси... — говорил он страстным шепотом, и дальше — увы! — тщетно капитан старался прислушиваться: Калинович заговорил по-французски.

— Зачем?..— отвечала Настенька, скрывая на груди его свое пылавшее лицо.

— Но, друг мой... — продолжал Калинович и опять заговорил по-французски.

— Нет, это невозможно! — отвечала Настенька, выпрямившись.

— Отчего же?

— Так... — отвечала Настенька, снова обнимая Калиновича и снова прижимаясь к его груди. — Я тебя боюсь, — шептала она, — ты меня погубишь.

— Ангел мой! сокровище мое! — говорил Калинович, целуя ее, и продолжал по-французски...

Настенька слушала его внимательно.

— Нет! — сказала она и вдруг отошла и села на прежнее свое место.

Лицо Калиновича в минуту изменилось и приняло строгое выражение. Он начал опять говорить по-французски и говорил долго.

— Нет! — повторила Настенька и пошла к дверям, так что капитан едва успел отскочить от них и уйти в гостиную, где уже сидел Петр Михайлыч. Настенька вошла вслед за ним: лицо ее горело, глаза блистали.

— Где же наш литератор? — спросил Петр Михайлыч.

— Он, я думаю, сейчас придет, — отвечала Настенька, села к окну и отворила его.

— Полно, душа моя! Что это ты делаешь? Холодно, — заметил ей Петр Михайлыч,

— Нет, папаша, ничего, позвольте... мне душно... — отвечала Настенька.

Вошел Калинович.

— Милости просим! портфель ваша здесь, принесена. Извольте садиться и читать, а мы будем слушать,— сказал Петр Михайлыч.

— Нет, Петр Михайлыч, извините меня: я сегодня не могу читать, — отвечал Калинович.

— Это что такое? Отчего не можете? — спросил с удивлением Петр Михайлыч.

— Что-то нездоровится; в другое время как-нибудь.

— Полноте, что за вздор! Неужели вас эти редакторы так опе-

чалили? Врут они: мы заставим их напечатать! — говорил старик.— Настенька! — обратился он к дочери, — уговори хоть ты как-нибудь Якова Васильича; что это такое?

Настенька ничего не сказала и только посмотрела на Калиновича.

— Решительно сегодня не могу читать, — отвечал тот и, взяв портфель, шляпу и поклонившись всем общим поклоном, ушел.

— Вот тебе и раз! — проговорил Петр Михайлыч, — что с ним сделалось! Настенька, не знаешь ли ты, отчего он не хотел читать?

— Он на меня, папенька, рассердился: я сказала ему, что он не может быть литератором, — отвечала Настенька.

При этом ответе ее капитан как-то странно откашлянулся.

— Экая ты, душа моя! зачем это? Он и так расстроен, а ты его больше сердишь!

— Очень нужно! Пускай сердится! Я сама на него сердита, — сказала Настенька и, напоив всех торопливо чаем, сейчас же ушла к себе в комнату.

Два брата, оставшись вдвоем, долго сидели молча. Петр Михайлыч, от скуки, читал в старых газетах известия о приехавших и уехавших из столицы.

— Где Настенька? — спросил он наконец.

Капитан молча встал, вышел и тотчас же возвратился.

— У себя в спальне, — проговорил он.

— Что ж она там делает? — спросил Петр Михайлыч.

— Лежат вниз лицом в постельке, — отвечал капитан.

Петр Михайлыч покачал головой.

— Рассорились, видно. Эх, молодость, молодость! — проговорил он.

Капитан в продолжение всего вечера переминал язык, как бы намереваясь что-то такое сказать, и ничего, однако, не сказал.

Олег Каликин

ДОЛГОЕ МОЛЧАНИЕ

Повесть

1

По разделу имущества бывшему мужу отошла половина дома, на которую Сания имела право… Вот и вернулась в родной городок на собственных «Жигулях» вишневого цвета.

И с работой здесь повезло.

Заведующей РОНО оказалась бывшая однокурсница, двухметроворостая Ирина Журавлева, вместе с которой кончила физмат.

— Ого! Вон кто объявился! А я думала, наша Сания навеки сгинула из Приозерска. Ну, здравствуй,— располневшая Ирина встала из-за стола, крепко тиснула Сание руку.

Предложила сесть и опустилась в свое кресло. Пытливо взглянула на гостью:

— Ну, слушаю тебя. Выкладывай, с чем пожаловала. Ведь не с одним намерением проведать меня?

— Нет, конечно,— Сания смиренно опустила слегка раскосые глаза.

— Рублю напрямик, Соня! Плохо у нас сейчас с работой. Навряд ли смогу что-нибудь сделать даже для тебя. Все школы укомплектованы учителями под завязку. Супруге второго секретаря не смогла нагрести больше шестнадцати часов в двух школах.

— Да, конечно. Я все понимаю. Мне бы куда-нибудь на первое время сунуться. Хоть воспитателем в школу-интернат. — Сания просяще уставилась на бывшую однокурсницу, а та уловила в узких прорезях глаз упорный блеск.

— Кем до этого работала?

— Последнее время консультпунктом заведовала, — Сания гордо выпрямилась.

— Трудовая с собой? Дай-ка сюда,— протянула руку заведующая.

Сания щелкнула сумочкой. Подала. Ирина долго изучала записи в трудовой книжке приятельницы. Покусывала губы, щурила глаза, что-то обдумывая. Потом захлопнула, припечатала вместе с ладонью к столу:

— Ладно! В деле проверю! На руководящую пойдешь?

— Могу! — дернулась Сания, и сердце радостно застучало.

— В вечернюю директором? — заведующая впилась глазами в побледневшее лицо приятельницы.

— Хоть в ночную! — засмеялась Сания.

— Учти: там все запущено, ремонт придется сразу начинать. Дровами запасаться. Справишься?

— Постараюсь.

— Потом на успеваемость нажмешь. Коллектив учителей там старомодный. К требованию времени не прислушивается. Восемьдесять процентов из года в год дают. А средний в области по вечерним — девяносто пять! Надоело мне за них нагоняи получать. Надеюсь, при тебе такого не будет? — заведующая строго посмотрела на Санию.

— Я тоже надеюсь,— выдержала ее взгляд Сания.

— Ну, ступай. Приказ сегодня будет. Да, минуточку. С какого числа тебя назначать?

— Да хоть с сегодняшнего! Разберусь, дело сразу делаю,— тряхнула головой Сания.

— Ну добро. Вижу, такая же отчаянная осталась, как была. Только дров не наломай, пожалуйста. Укрощай темперамент, — напутствовала нового директора заведующая РОНО.

От нее Сания вышла сияющая. С высокого крыльца райисполкома спускалась неторопливо. На каждой ступеньке задерживала ногу. На нижней остановилась и достала из сумочки ключ от зажигания. Все так же неторопливо и с достоинством двинулась к поставленной у обочины машине.

Теперь, когда она сделалась директором, ее гордыни не было предела. Прежде, чем отпереть дверцу, она постояла, наслаждаясь этим чувством, входя в роль энергичной, волевой женщины-руководителя.

Затея подкатить к школе с шиком сорвалась: улицу возле нее пересекла свежевырытая траншея.

— И что вы тут делаете? — выйдя из машины, спросила Сания у рабочего, несшего на плече трубу.

— Как чего? Паровое тянем! Вон от гостиницы в Дом пионеров. Чтобы детки зимой не мерзли, — объяснил пожилой мужчина и стряхнул с плеча трубу на вынутый песок.

Сания перешла траншею по доске. Остановилась у Дома пионеров, двухэтажного, белокаменного, с высокими круглыми колоннами. Напротив через улицу в старинном кирпичном особняке, тоже двухэтажном, размещалась гостиница. А позади нее, где улица круто начинала забирать в гору, скромно пряталось в тени удлиненное одноэтажное здание, обшитое тесом, с широкими светлыми окнами — бывшая начальная, а теперь вечерняя школа.

Об этом здании теперь должна заботиться и печься Сания. Ее глаза устремились на крышу, пробежались по выставлявшимся печным трубам.

— Пять, — насчитала она..— Да и с другой стороны столько. Получается, десять печей. Дров прорву, поди сжирают. Не напасешься.

К тому же сырьем придется топить, почти с корня. Да жди, когда привезут. Это нам не подходит, — твердо решила Сания и перевела взгляд на гостиницу. Между нею и школой расстояние было метров десять — не больше. Легкий реечный забор разделял хозяйственные дворы.

— Вот с чего надо начать... Где, наша не пропадала! — тряхнула головой Сания и пересекла улицу.

Во дворе гостиницы стоял голубой трактор-канавокопатель, прорывший траншею. Мотор стучал, и кабина тряслась, как в лихорадке. Возле трактора прохаживался чумазый паренек. Поглядывал по сторонам, словно был неуверен, что свое дело сделал. Ждал, заставят где-нибудь еще копать.

— Твой машина? — Сания, когда сильно волновалась, начинала путать род существительных.

— Ну? — взглянул на нее с опаской паренек и принялся тщательно вытирать руки о комок ветоши, которую до этого сжимал в кулаке.

— Сколько возьмешь до школы прокопать? — Сания сделала шаг к трактористу, вцепилась цепкими глазами в юное со следами моторной копоти лицо.

—Разрешение мастера надо! А то иначальника по благоустройству,— отвернулся паренек.

— Будет! Все будет, дорогой! Но позднее. Я тебе гарантирую. А сейчас нельзя такого удобного момента терять. Тут и работы всего на час, верно? — Сания потянула паренька за рукав, заглянула в ускользающие глаза.

— Тут?—встрепенулся тракторист и повел взглядом до школы. — На полчаса — не больше! — Посмотрел на Санию внимательней: — А вы кто такая будете?

— Директор школы! Новый! Меня недавно назначили,— выпрямилась Сания.

— Заместо Николая Геннадьевича что ли?

—Заместо, заместо. Все-то он знает! — удивилась Сания.

— А как же? Я ведь, чай, тоже учусь здесь,— кивнул паренек на школу. — Второй год пойду.

— А раз учишься — тем более должен меня слушаться. И помогать ради своей школы. Самому, дурачок, в холодном классе

сидеть не захочется. Давай начинай, дорогой! Я в долгу не останусь. Скоко тебе? Пятерки хватит? — Сания щелкнула сумочкой.

— Да ладно! Чего там. Чай сам учусь,— сконфузился юный тракторист и полез в кабину. Прежде чем захлопнуть дверцу, крикнул:

— Забор ломать прикажете?

— Чего его ломать? Он сам повалится! — Сания шагнула к реечной изгороди, толкнула, и та, хлипкая, закачалась. — Видишь?

На треск забора, протараненного трактором, выбежала с черного хода школы женщина в синем халате. Замахала на водителя руками:

— Куда? Куда прешь, бесстыжая рожа? Что он тебе помешал?

— Помешал, дорогая техслужащая, если не ошибаюсь — подошла к женщине Сания.— Мы паровое отопление собираемся проводить в школу. Я — ваш новый директор.

— Прислали что ли? Наконец-то,— рослая, дородная техничка спокойно и даже чуточку пренебрежительно посмотрела на приземистую Санию. Повернулась к ней спиной,величаво поплыла к крыльцу.

— Постойте! — окликнула ее Сания. — Вы, кажется; чем-то недовольны?

Женщина остановилась, повернула немолодое своенравное лицо:

— А что, иль радоваться прикажете? Набезобразничают тут, потом нам убирать...

— Дорогуша! Для вас же стараюсь! Паровое проведем — вам, техслужащим, легче будет работать. С дровами, наверное, достается? — напустила сочувствия в голос Сания.

— Знамо! Еще как! Вечно сырые. Не дрова — одно мучение. Намаешься, пока десять печей растопляешь, — вздохнула женщина.

— Ну вот видите, от такой обузы я вас освобожу,— сказала Сания и повернулась к натуженно зарычавшему трактору. Опущенный ковш уже зацарапал стальными зубами землю, сдирая с нее траву и оставляя глубокие борозды.

—Пойдемте. Покажите, где кабинет директора. Мне надо срочно позвонить, — Сания уверенной походкой направилась к школьному крыльцу.

В этот и следующий день телефонные звонки раздавались в кабинетах почти всех руководителей городских предприятий, требовательный женский голос спрашивал:

— С кем имею честь беседовать? С каким начальником? Очень хорошо! Здрасте, товарищ Петров. Директор вечерней школы вас

беспокоит... Ах, не знаете такую! Ну, скоро узнаете. Почти уже узнали. Ближе к делу. Я слышала, у вас на складе масляная краска имеется, салатного цвета... От кого? Ну это сейчас не имеет значения. Вы не могли бы уделить нам килограмм восемьдесят на панели. Как раз для школы цвет самый подходящий. С какой стати, говорите? А вот с какой... Вы наши шефы! Как первый раз слышите? Я список нашла у прежнего директора... Ваше предприятие там числится... Сколько ваших рабочих у нас учится? Ах, не знаете точно! Тогда я вам точно скажу: сорок человек! Так неужели вы ради них, своих кровных тружеников, сочетающих упорный каждодневный труд на производстве с учебой краски пожалеете? Я думаю, после этого, в глаза им стыдно будет смотреть. Не так ли? Да и на ковер вас могут вызвать. Куда? Сами хорошо знаете, куда. Давайте лучше не ссориться... Жить в мире и согласии. Когда за краской можно приехать? После обеда? Это другой ответ. Настоящего руководителя!

Вишневые «Жигули» нового директора вечерней школы метались целыми днями по городку.

Ученики, вызванные повестками в школу, рушили по вечерам старинные, дореволюционной кладки печи, дивясь литой спаянности кирпичей, не поддающихся ни ломам, ни киркам.

2

Иван Иванович Должиков, учитель литературы вечерней школы, все лето работал над исторической поэмой о своем родном городе, которому в будущем году исполнялось 800 лет.

В школу не заглядывал. Сегодня направился в книжный магазин проведать, не было ли привоза. Проходя мимо школы, увидел: коричневая пыль клубами валила из распахнутых настежь окон, в ней мелькали кирпичи, со стуком падали на тротуар, перегороженный досками.

— Ремонт затеяли. Неужели Галина на директорство согласилась? А может, нового назначили? — заволновался Иван Иванович и, перейдя на другую сторону улицы, хотел пройти мимо школы: возможно, издали в окна удастся высмотреть, кто там командует парадом.

Из-за пыли никого не высмотрел. Повернул обратно и услышал знакомый голос:

— Эй, здорово живем! Почему вдруг мимо-то? Грязи напугались? Может, все-таки остановитесь на минутку? Мы не гордые — сами подойдем.

Иван Иванович остановился. Зашарил глазами по окнам школы. Из крайнего перестали лететь кирпичи. На подоконник легла широкая доска, выдвинулась на улицу, уперлась концом в землю.

Техничка Анна Михайловна показалась на подоконнике и на четвереньках, пятясь, стала спускаться по доске на тротуар.

Видя такую настырность немолодой женщины, Иван Иванович поспешно пересек улицу. Подал Анне Михайловне руку.

— Ишь ты мне! Какие вы шустрые! Благодарствую! — поклонилась ему женщина. Одни глаза, опушенные по ресницам рыжей пылью, виднелись на ее лице, обмотанном платком. Проворным движением Михална быстро размотала его и, открыв потное улыбчивое лицо, проговорила задушевно, с мягким укором в голосе:

— Здравствуйте, Иван Иваныч. Куда это вы так разбежались? Видать, и про нас, и про школу забыли, все в своих думах ходите?

— Здравствуйте, Анна Михална. Извините, сразу вас не заметил, — смутился Иван Иванович и отвел взгляд от светившихся интересом и лаской глаз техслужащей.

— Да, конешно. Я ведь пошутила.В такой пылище разве кого усмотришь. — Анна Михайловна отыскала на платке местечко посвежее, утерла распаренное лицо, белую шею, тронутую морщинами. — Я вас вот почему окликнула... Может, не слыхали — директор у нас новый.

— Да? Что вы говорите? Действительно, не слыхал. Спасибо, что остановили, — поблагодарил Иван Иванович, а у самого сердечко екнуло: как-то все сложится по работе с новым-то?

— Не на чем, — нахмурилась Анна Михайловна. — Такой настырной я сроду не видывала. Занятия на носу, а она, накось, что удумала. Паровое отопление от гостиницы тянет. Все печки велела посшибать. Вот теперь мы грязь-то и вывозим. Правда, одну печь я все же отстояла. В учительской. Мало ли что может случиться .Вдруг да паровое не задастся? Намерзнемся в холоде. Я, грешным делом, и в вашем литературном кабинете уговаривала ее не ломать, погодить — ведь самая жаркая печка была. Да она ни в какую. Так на дыбы и поднялась: какое право ты имеешь мне указывать? А я не указывала, по-доброму советовала. Пришлось отступиться. Шут с тобой, думаю, мели, Емеля — твоя неделя, — Анна Михайловна тяжело вздохнула, посмотрела на Ивана Ивановича опечаленными глазами.

— Кто такая? Вы главного не сказали, Анна Михална,— спросил он, чувствуя, как заныло сердце.

— Приказала себя Санией Владимировной величать. А сама поди никакая не Владимировна. Я-то сразу ее раскусила. Меня не проведешь. Вот такую штучку директором назначили, милок, — заключила Анна Михайловна и посмотрела на Ивана Ивановича жалеющими глазами:— Не знаю, как вы, учителя, с ней уживаться

будете. Вон Галина Николаевна уже лыжи навострила, из завучей уходить собирается.

— А вы откуда знаете? Она же в отпуске! — вырвалось у Ивана Ивановича.

— Да приходила недавно ко мне домой. Справлялась о новом директоре. Я все ей рассказала. Она шибко расстроилась. Говорит, если на нее кричать станет да приказывать, сразу заявление подаст, — поведала техничка и заботливо посмотрела на учителя. — Что мы все про школу. Как отдыхается-то? Вроде ничего выглядите, посвежели с лица. Сердечно не беспокоит?

— Не очень. Давление, правда, несколько раз подскакивало, — вздохнул Иван Иванович.

— Ну, ничего. Скоро на работу выйдите. Опять я вас чаем с медом поить буду. Оно, глядишь, и поможет, — с доброй улыбкой проговорила женщина.

—Должно, — усмехнулся Иван Иванович и почувствовал, пора уходить. — Извините. Пожалуй, я тронусь. В магазин насчет книжек надо...

— Да, да, конешно. Простите меня, дуру непутевую. Задержала вас с разговорами,— зарделась Анна Михайловна и стянула с головы платок. Отвела руку с ним далеко в сторону и хлопком стряхнула пыль.

Иван Иванович попрощался и стал переходить на другую сторону улицы. Увидел, к школе подкатили вишневые «Жигули». Из них вышла низкорослая женщина в черной кожанке, скуластое лицо было суровым, выражало деловую сосредоточенность. Узковатые глаза поблескивали остро и властно. Женщина на всю улицу стрельнула гулкой дверцей машины и твердой походкой направилась к крыльцу. Когда школьная дверь захлопнулась за ней, Иван Иванович оглянулся на Анну Михалну.

— Она, она,— покивала техничка.

— Да. Что-то теперь будет со всеми нами,— тоскливо подумал Иван Иванович и торопливо зашагал от школы. Прежний директор Николай Геннадьевич Соболев, был человек старой закалки. Фронтовик, он держался с начальством независимо, не выслуживался, за показухой не гнался, успеваемость всеми средствами не повышал, полагаясь на совесть учителей, доверял им во всем. Два года переработал, не уходя на пенсию, а в этом году ушел: не захотел связываться с большим ремонтом школы да попреки и перекания за низкую успеваемость надоело выслушивать.

— Надо и мне уходить на пенсию по выслуге лет. Маленькая правда, всего пятьдесят два рубля, но ничего не поделаешь, с больным сердцем шутки плохи. Сбережения небольшие имеются, с ними

до настоящей пенсии дотянуть можно. Всего четыре года осталось. А то и по инвалидности получать больше буду, если первую группу дадут, — рассудил Иван Иванович.

3

Сания заметила из машины, что Михална разговаривала у школы с посторонним мужчиной. Ей захотелось узнать, кто это был, а заодно воспользоваться случаем и решить с техничкой деловой вопрос.

Едва успела Михална снова забраться в класс и втянуть с улицы доску, как в коридоре раздался голос директора:

— Анна Михайловна! Попрошу ко мне в кабинет! Дело до вас имеется!

— Фу, ты, черт бы тебя побрал и,с делами твоими! Только увязалась хорошенько! — ругнулась вполголоса Михална и, слегка ослабив платок, спустила его на подбородок, чтобы не мешал разговаривать. Поплыла на зов.

По дороге заглянула в соседний класс, где ворочалась с кирпичами другая техничка — щупленькая, верткая Таисья, лет на десять моложе Михалны:

— Девк, а тебя пошто не кличут? На равных правах мы тут обе пачкаемся. Иль я чем провинилась — не пойму?

— Может, и провинилась. А может, наоборот,— выдвигать тебя в начальство над нами хотят, — подкусила кое-что пронюхавшая Таисья.

— Это надо же! Смотри ,как бы тебя не выдвинули,— осерчала на нее Михална.

— Я не такая гонористая. Меня не выдвинут. Да и работой своей довольная,— не осталась в долгу Таисья.

— Перестань, Тайк, прежде времени завидовать. Я еще не округовела, чтобы менять конька на воронка. Я тоже своей работой довольна. А чего сделают не по мне — на пенсию быстренькомогу умотаться. Слава богу выработала свое. Еще в позапрошлом годе, — положила конец перепалке Михална и пошла дальше, малость взвинченная.

Директор сидела в кабинете за большим полированным столом. Вскинула на техничку глаза:

— Садись, Михална! Или нет, ты в грязном халате — лучше постой. С кем это ты сейчас у школы беседовала? С какимтаким симпатичным мужчиной у тебя свидание было?

— Вы что? Какое свидание? Подумайте, что говорите! Это наш учитель литературы Иван Иваныч ко мне подходил. Насчет

ремонта расспрашивал. А вы — свидание! — лицо технички запылало, глаза сделались жесткими, неподступными.

Сания, дивясь такому яростному отпору, поспешила на попятную:

— Да я шучу, не понимаешь что ли? Я тебя совсем по другому делу вызвала. Хочу тебя своим заместителем сделать... По хозяйственной части. В РОНО мне посоветовали. Пойдешь?

Сания, не спуская с технички пытливого глаза, откинулась на спинку кресла, выбросила на стол правую ладонь, застучала в ожидании ответа по столешнице перстнем, надетым на средний палец. Попав в солнечный луч, он отсверкнул Михалне в глаза. Она прижмурилась и, не долго думая, ляпнула:

— Это чтобы у вас на побегушках-то быть? Ни в жись не пойду, хоть вы меня золотом осыпьте.

— А ты подумай, дорогуша. С ответом я тебя не тороплю. И запомни: нам с тобой вместе не один год работать, а характер у меня тоже крепкий. А если учесть еще мое положение — директорское, то тебе лучше не упрямиться, сразу принимать мое предложение.

Представь себя на моем месте: мне сейчас до зарезу в школе нужен завхоз такой, как ты. Чтобы все знал. А то директор новый, да завхоз со стороны — плохо у нас получится.

— Да оно это все так, конечно. Я понимаю, — Михална на минуту растерялась, но тут же нашлась: — А вы знаете, почему у нас завхоза нет?

— Ну? — насторожилась Санйя.

— Да увольняют их через каждые полгода. Как и лаборантку. Наберут вначале уйму учеников, а к новому году половина разбежится. Вот нас и лишают завхоза и лаборантки. С таким числом классов, какие остаются на второе полугодие, говорят не положено иметь ни того, ни другого,— поведала истину Михална директору.

— Это раньше так было. До меня. Отсев в школе большой допускался. При мне этого не будет! — Сания прихлопнула по столу ладонью.

— Наперед сказать все можно, а как оно получится, никто не знает,— вздохнула Михална и переступила с ноги на ногу — устала стоять.

— Ты плохо меня знаешь! Мое слово железное. Сказала не допущу отсева — и не допущу! В этом деле можешь на меня положиться. Я не привыкла в плохих ходить. Меня к вам назначили выправлять положение с этим отсевом — и выправлю! Такой я. человек, Михална. Пишу завхозом тебя! — Сания дернула ящик стола, чтобы достать книгу приказов.

— Нет уж, увольте. Я не согласная. — Михална высоко подняла голову и поплыла из кабинета.

— У, какая! Ну, смотри! Смотри у меня: добрыкаешься. Говорю, со мной шутки плохи! — Сания изо всех сил стукнула ящиком. Михална повернулась, смерила директора недобрым взглядом.

— Ты меня не стращай, пожалуйста. Правов таких не имеешь. Я законы тоже не хуже тебя знаю.Да хоть и уволишь — не боюсь. Не многое потеряю. Не портфель министерский... Вот он, мой портфель... Завсегда со мной останется. С ними я везде такую-то работу сыщу. — Техничка шагнула к столу, вытянула над его зеркальной полировкой большие, тяжелые, жиловатые руки. — Куда угодно меня возьмут. Как говорится, оторвут.

— Ладно, ладно, ступай, матушка... А то и я взбешусь. Закачу выговор с предупреждением за срыв работы,— замахала на техничку Сания.

Когда та вышла, откинулась на спинку кресла, забросила ногу на ногу, выгнув ладонь, застучала кольцом по столу. Немного успокоилась и потянулась к телефону.

4

Вид нового директора, суровый и властный, напугал Ивана Ивановича:

— Не дай бог, придираться к мелочам начнет, голос повышать на учителей. Вон Анна Михална сказала, Галина Николаевна из завучей уходить собирается.

Прошлое встало в памяти свежо и живо.

Много, много лет назад это случилось. Пришел после летнего отпуска в школу и увидел в учительской незнакомую девушку. Она скромно стояла в углу. На его приветствие молча кивнула, не подняв глаз. Что-то детское, трогательное было в тонкой шее, в светлом платье с короткими рукавами, и он принял ее за ученицу, спросил:

— Вы к нам поступать? В какой класс, простите?

Девушка гордо выпрямилась, сверкнула черными обиженными глазами:

— Я — работать! Учительницей. На уроки литературы.

— Ой, как замечательно! — вырвалось у него.

— Почему замечательно? — краска смущения опалила ее смуглое лицо.

— Потому, что у нас в школе будет второй постоянный учитель литературы. Я правильно вас понял? — улыбнулся девушке Иван Иваныч, которому надоело долгое время работать с

совместителями, прибегавшими из других школ только для того, чтобы дать уроки.

— Да, я к вам в штат направлена,— кивнула она и замолчала.

— Ну вот. Это самое главное, — сказал Иван Иванович. Новая учительница ему нравилась, в ней, искренней и миловидной, не было ни на волос кокетства.

—Только.должен вас огорчить: часов у нас немного, едва на ставку наскребется,— заметил Иван Иванович и пристально посмотрел на девушку.

— Ну и что же? Я знала, на что шла. Для меня главное не заработок.

— А что же? — хотелось спросить Ивану Ивановичу. Но он встретил ее прямой откровенный взгляд и все-все понял.

— Тогда молчу,— сказал тихо, с тайным ликованием.

Галина Николаевна,— так звали молодую учительницу — стала вести уроки русского языка и литературы в пятых — восьмых классах. Иван Иванович преподавал в старших. По средам и субботам в школе занятий не было, но проводились консультации. Ученики ходили на них неохотно. Особенно в субботу, отведенную словесникам. Частенько никто не являлся. Это огорчало Галину Николаевну. А Иван Иваныч к этому привык. Прождав напрасно полчаса, собирался домой.

— Шли бы и вы, Галина Николаевна, — предлагал молодой учительнице.

— Нет... Что вы! Разве можно? А вдруг кто придет] — она с испугом и осуждением смотрела на него.

— Ну, как хотите. Я пойду. Может, в кино соберемся сегодня, — отводил он взгляд и прощался.

Через полчаса шагал под руку с женой мимо школы к кинотеатру. Видел в окнах учительской свет и удивлялся:

— Одна сидит. Надо же! — А на душе становилось отрадно и чуточку совестливо.

Иногда ученики к Галине приходили. Она радостно выбегала на стук двери в коридор, громко восклицала:

— Смирнов Коля? Здравствуйте! Как хорошо, что вы пришли! Вы и сами не знаете, какой вы молодец! Проходите, пожалуйста в кабинет литературы. Я сейчас... — Врывалась в учительскую счастливая. Выдыхала торжествующе: — Ко мне пришли! — И, подхватив учебники, тетради, уносилась заниматься с учеником.

Иван Иванович, провожал ее умиленным взглядом. Радовался вместе с ней, завидовал ее наивному вдохновению. Подходил к двери учительской, приоткрывал и с наслаждением слушал, как дрожит

и западает от нетерпения и ликования негромкий голос учительницы в первые минуты диктовки.

В такие вечера не хотелось покидать школу, и он садился проверять тетради.

Со временем стал замечать за собой привычку, приходя в школу, бросать нетерпеливый взгляд на вешалку: там ли пальто Галины. Если не было, ощущал под сердцем мгновенный холодок, настроение портилось. И наоборот, когда взгляд натыкался на ее светло-коричневое пальто, пронизывала глубокая радость. Он часто ходил к Галине на уроки, чтобы кое-что подсказать. Она — к нему, чтобы поучиться.

Книги, художественные и методические, по мере возможности стал покупать в двух экземплярах: для себя и для Галины. Принимая, она горячо благодарила, а лицо вспыхивало румянцем смущения под любопытными взглядами других учительниц.

Одна из них однажды пошутила:

— Что он все вам да вам покупает, Галина Николаевна? Хоть кому-нибудь из нас разок купил.

Галина потерялась, выкрикнула в отчаянии:

— Да поймите, мне это все как литератору необходимо! Правда, Иван Иванович?

Она взглянула на него с испугом.

— Ну, разумеется. Я о вас как о молодом коллеге забочусь,— поспешил он ей на выручку.

Кругом засмеялись.

После этого случая Иван Иваныч купленные для Галины книги стал класть в ее стол, когда никого не было в учительской. Она благодарила и расплачивалась наедине. Один раз он попытался отказаться от денег. Галина посмотрела на него с такой подозрительностью, что он пожалел о своей затее. Поспешно протянул руку:

— Давайте, давайте. Я пошутил.

Накануне Октябрьских праздников стали собирать деньги на традиционное чаепитие. Клали их на стол профорга и сами отмечали в списке, за сколько человек внесено. Уплатив за себя и за жену, Иван Иванович пробежал по списку глазами и подметил, что Галина внесла тоже за двоих.

— А вроде говорили, она не замужем,— засаднило под сердцем. Быстро взял себя в руки, но продолжал думать о Галине:

— Всего скорее, это ее жених. Очень интересно будет взглянуть на избранника.

Иван Иванович с нетерпением стал ждать праздничного чаепития. Явился на него с женой пораньше. Пристроился в дальнем углу учительской на диване и ловил себя на том, что с нетерпением

ждет прихода молодой учительницы с своим избранником, вздрагивает и напрягается при каждом стуке двери.

Галина пришла с подругой. Представляя ее, взглянула на Ивана Ивановича. И он покраснел от внезапной радости, быстро отвернулся.

За столом наблюдал за Галиной, сидевшей напротив. Она больше молчала, прислушивалась к разговору коллег.

Ивану Ивановичу нравилась эта скромная сдержанность девушки. И еще казалось, когда говорил он, Галина настораживалась, поглядывала на него с большим вниманием. Взгляд этот радовал и тревожил его.

Поставили пластинку, Иван Иванович посмотрел на Галину и сказал нерешительно, больше для вежливости:

— Может, мы, литераторы, откроем танцы?

Она вскочила, радостно закивала, отодвигая стул:

— Конечно, конечно, мы должны во всем быть первыми.

И только когда опускала руки ему на плечи, пугливо оглянулась на его жену.

— Ничего, ничего, мы ведь как коллеги танцуем, — успокоительно проговорил Иван Иванович, а сам подумал: — Зря все это я затеял.

Больше он не приглашал Галину да и сам не танцевал.

Девушки первыми стали прощаться.

— Так рано? Побыли бы еще,— пытался удержать их Иван Иванович.

— А мы не домой! Вы не думайте! Мы на танцы в Дом культуры торопимся. Там кавалеров всегда полно! — бойко, с вызовом, словно поддразнить хотела, выпалила подруга Галины.

— Да-а? — удрученно произнес Иван Иванович.

Галина быстро повернулась к нему и виновато улыбнулась, словно утешая:

— Не верьте ей, Иван Иваныч. Никуда мы больше не пойдем.

Когда пришли с вечера домой, жена взяла его за плечи и повернула лицом к себе:

— Ну-ка, посмотри мне в глаза. Это что у вас там за молодая учительница появилась, Галина Николаевна?

— Нового литератора назначили, а что? — Иван Иванович почувствовал, что краснеет.

— Давно? — спросила жена.

— Что давно?

— Прислали, спрашиваю, давно?

— Перед началом учебного года. Только зачем тебе это, не понимаю, — пролепетал Ивам Иванович, опуская глаза.

— Зато я теперь поняла, почему ты так следить за собой стал. Что ни день, то чистая рубашка! Галстуки полчаса завязываешь перед зеркалом. Раньше не бывало такого.

— Перестань! Как ты смеешь выдумывать всякую чушь несусветную! Стыдно! — закричал Иван Иванович, оттолкнул жену и убежал в свой кабинет.

Успокоившись, вышел мириться.

— Давай не будем об этом больше, а? Я ведь сам не маленький, все понимаю. Для меня она просто коллега, — он взял жену за руки, привлек к себе.

— Ладно. Не будем... Возможно, я ошиблась. Ох, как бы я хотела этому верить! Ты не представляешь себе, — выдохнула она и обняла его.

После Октябрьских праздников Иван Иванович стал вести себя с Галиной в школе несколько суше, сдержанней. Избегал оставаться с ней наедине в учительской. Она заметила перемену в нем. Когда разбирали ее урок, на котором побывал Иван Иванович, спросила:

— Скажите, а почему вы изменили свое отношение ко мне в последнее время?

— Я? Это вам показалось, — потерялся он.

— Да нет, не показалось, Иван Иванович. Разве я не вижу. Вы стали совсем., совсем другим. Мне очень жаль, — проговорила она грустно, с упреком.

— Мне тоже, — вырвалось у него.

— Так в чем же дело, Иван Иваныч? — Она посмотрела на него в большом недоумении.

— Только не в вас! И не во мне, естественно, — смешался он и вскочил, ринулся к двери, бормоча: — Извините меня, пожалуйста. Извините.

— За что, Иван Иваныч? — голос ее напрягся.

Иван Иванович не оглянулся. Пропаще махнул рукой и вышел.

Больше они не говорили об этом. Но что-то росло и крепло между ними помимо их воли и сознания. По крайней мере так ему показалось. И высказать это было невозможно.

Незадолго перед Новым годом профорг, зная, что Иван Иванович грешит стишками — некоторые публиковались в районной газете, попросила его сочинить поздравления учителям-пенсионерам. Он согласился. Составляя строфы одиноким пожилым женщинам, невольно вспомнил, как Галина в разговоре с учительницами, когда речь зашла о встрече Нового года, невесело обронила, что будет встречать дома, вдвоем с мамой.

— Ну,может, Нелька-подружка забежит поздравить. В компанию потащит. Только я никуда не пойду от мамы, — добавила и

при этих словах посмотрела на Ивана Ивановича. Он подумал: это сказано для него. И теперь не удержался, сочинил пылкое новогоднее поздравление молодой учительнице. Боясь, что струсит, передумает отправлять, тут же сунул открытку в конверт, запечатал, написал адрес, выбежав из школы, бросил в почтовый ящик, висевший поблизости.

В дни зимних каникул приходя в школу, здоровался с Галиной, не поднимая на нее глаз, ощущая неприятный пугливый холодок. Ожидал с нетерпением, что она скажет. А Галина молчала, ничего не говорила. Иван Иванович продолжал мучиться. То ему казалось, своим легкомысленным посланием он оскорбил молодую учительницу, и она рассердилась на него, поэтому молчит. То вдруг думалось, открытка не дошла по адресу, потерялась, и тогда сердце ожигала обида на нерасторопных почтовых работников.

И только в последний день каникул, когда они оказались вдвоем в кабинете литературы, Галина, стоя к учителю спиной, тихо и трудно выговорила:

— Иван Иваныч, большое спасибо вам за новогоднее поздравление. — И передохнув, добавила еще тише, труднее: — Ничего лучше, приятнее в жизни я не получала. Даю вам честное слово...

— Пожалуйста, — сказал Иван Иванович. Вышел в пустой коридор, потом на улицу, на мороз. Попросил сигарету у прохожего, хотя сам не курил.

Часто, задержавшись в школе допоздна, они выходили на крыльцо вдвоем. Пока он запирал дверь и прятал ключи в условленное с техничками место, Галина стояла у крыльца, ждала. Но стоило ему подойти к ней, бросала отрывисто: «До свидания, Иван Иваныч!».

И срывалась с места, спешила уйти одна. Им было не по дороге, но метров тридцать они могли бы идти вместе. Галина, видно, боялась, что он пойдет с ней дальше.

Он шел эти тридцать метров один медленно-медленно и смотрел на убегавшую от него девушку.

Однажды ему надо было после уроков идти встречать жену с поезда. Он догнал Галину и пошел рядом.

— Зачем вы это делаете? — спросила она взволнованно.

— А что я делаю?

— Да вот идете со мной. Провожать, видно, вздумали.

— Не беспокойтесь так. Я жену встречать иду. Через пятнадцать минут поезд приходит.

— А-а-а, — протянула она с облегчением, но похоже, и сожалея. А может быть, это просто показалось тогда Ивану Ивановичу.

На втором или третьем году работы Галины в школе как-то за чаем жена посмотрела на Ивана Ивановича, зорко прищурясь:

— Говорят, твоя Галочка замуж собирается, уезжать надумала из города....

Жар кинулся в лицо Ивану Ивановичу.

—Какая моя? Думай, что говоришь? — закричал он на жену, пытаясь за криком спрятать то смятение, которое охватило его.

— Я хотела сказать, твоя коллега. Извини, — обидчиво поджала губы жена, и в ее глазах промелькнуло что-то презрительно-насмешливое. — Только ты мне врал все это время. Неравнодушен ты к ней. Это уж точно.

Жена встала из-за стола, не допив чашку, и вышла в соседнюю комнату, где сын делал уроки.

Иван Иванович убежал в свой кабинетик, забился в угол дивана, частенько служившего ему постелью, спрятал лицо в ладонях. Припомнил, что учителя в последнее время как-то пытливо, с улыбочками посматривают на Галину, а когда она выходит из учительской, о чем-то шепчутся между собой.

— Все ясно: жена сказала правду, — заключил он и ощутил под сердцем тоску неимоверную. Вознегодовал на себя: — Чучело! Эгоист несчастный! Радоваться должен, что у Галки личная жизнь сложится наконец. А ты только о себе думаешь.

Постепенно, понемногу у него отлегло от души, он успокоился и незаметно уснул, не раздеваясь, на диване.

На другой день была суббота. Он пришел на консультацию и удивился, что Галины еще нет. Обычно она приходила раньше его. Сегодня почему-то изменила своему правилу. — «Возможно и совсем не придет, коли замуж засобиралась», — подумалось ему, и в школе оставаться расхотелось. Не снимая плаща, Иван Иванович подошел к окну и отшатнулся: к школе приближалась Галина с молодым человеком в военной форме; он нес ее портфель. Как ни готовил себя Иван Иванович к этому, ударило крепко. Он опомнился, метнулся к вешалке, срывая с себя плащ.

Галина задержалась ненадолго с провожатым на крыльце школы и вошла в учительскую в большом смущении. Поздоровалась и, шурша пыльником, торопливо прошла к окну. Проследила, куда направился молодой военный, и покачала головой:

— Какой упрямый! Ведь сказала...

Повернулась и, гневно сведя брови, пошла к вешалке, сняла и повесила пыльник. Забирая оставленный на окне портфель, посмотрела на Ивана Ивановича, сидевшего за своим столом с, низко опущенной головой:

— Если кто меня спросит, я в классе буду. Там подожду учеников.

— Хорошо, — тихо выговорил Иван Иванович и поднял голову. Взгляд учительницы показался ему сострадательным.

— Нет, лучше здесь подожду, — сказала она с раздражением и пересекла учительскую, опустилась на стул возле окна. Поставила портфель у ноги. Стала смотреть на улицу.

Мимо школы парами и поодиночке шли люди в кинотеатр на семичасовой сеанс. Поток их с каждой минутой становился гуще.

— Сегодня все как с ума посходили с этим итальянским фильмом. Прямо валом валят, — заметил Иван Иванович.

— Не говорите-ка, Иван Иванович. Хорошо бы билетов не достал! — с надеждой воскликнула Галина.

— Кто? — не удержался Иван Иванович.

— Бывший мой одноклассник... Приехал в отпуск и надумал поухаживать, — Галина стыдливо засмеялась, нагнула голову, заводила пальцем по крышке стола.

— Холостой?

— Кто? Он? Да-а, — Галина перестала смеяться, медленно повернула от окна голову, с недоумением посмотрела на Ивана Ивановича. Лицо сделалось растерянным.

— Вот и сходите с ним в кино, развлекитесь, — робко произнес Иван Иванович, отводя взгляд.

— У меня консультация! Забыли? — Она гордо выпрямилась, с обидой взглянула на Ивана Ивановича.

— Я останусь. Позанимаюсь с вашими учениками, — выдохнул он через силу.

— Спасибо! Вы очень великодушны! Только ничего-ничего не поняли. К сожалению, — Галина порывисто встала со стула.

В это время мимо окон промелькнула военная фуражка.

— Достал-таки, наверное. Это надо же! — по лицу Галины скользнула досадливая гримаса. Она замерла возле окна.

Входная дверь школы громко хлопнула, по коридору прогремели крепкие уверенные шаги, и в учительскую без стука влетел молодой военный.

— Билеты прибыли! — доложил и, протопав к столу Галины, припечатал к полированной крышке:

— Это вам на семь! Это на девять! Любой сеанс выбирайте! Какой удобней... Сверкнул белозубой улыбкой и отступил на шаг от стола, застыл перед учительницей по стойке «смирно» — подтянутый, ладный в новенькой парадной форме с погонами старшего лейтенанта, с молодецким румянцем во всю щеку на потном довольном лице.

— Интересно, как тебе удалось? — не отрывая удивленных глаз от билетов, спросила Галина.

— Авиация все может! — щелкнул каблуками летчик и весело подмигнул Ивану Ивановичу, внимательно наблюдавшему за ним.

— Знаешь что, Игорь... Большое спасибо тебе за старание, но понимаешь, я не смогу пойти сегодня в кино. Ни на тот, ни на другой сеанс. Прости меня, пожалуйста.

— Почему? На девять-то, наверно, можно? —оторопел молодой человек и в растерянности посмотрел на Ивана Ивановича, ожидая сочувствия и поддержки. Тот отвернулся.

— А я сказала, нельзя! — повысила голос Галина. — И я тебе сто раз объясняла, почему...

Она вскинула глаза на летчика. Взгляд был жесткий, неуступчивый.

— Ну, хорошо... Еще подождем.... С годик! — заносчиво выкрикнул молодой человек и, четко развернувшись, вышел из учительской, забыв про билеты в кино.

— Какой самоуверенный! Глядите, — покачала головой учительница и подняла с пола портфель, застучала каблуками к двери. Взялась за ручку и оглянулась на Ивана Ивановича. Сказала с упреком:

— А вы, Иван Иванович, больше никогда не говорите неправды. И того, чего не думаете, а вернее, не чувствуете. У вас в лице совсем другое написано.

Дверь за молодой учительницей захлопнулась. Иван Иванович продолжал сидеть в той же позе — пристыженный и счастливый.

Да, тогда, много лет назад, он был счастлив, убедившись, что Галина никуда не уезжает.

Теперь стало грустно и досадно, что она уходит из завучей: при ней работалось ему хорошо, легко. Да не одному ему, всем учителям, наверное.

4

Первый педсовет в должности директора Сания проводила за день до начала занятий, когда все учителя вышли из отпуска. Здание к этому времени было полностью отремонтировано, паровое отопление от гостиницы подведено.

Учителя по старой привычке расположились в учительской, где у каждого имелся свой стол. Сания предложила перейти в кабинет истории и обществоведения, наиболее удачно отделанный: ей не терпелось узнать, какое впечатление произведет на учителей школа, преображенная ее стараниями.

Она первой вышла в коридор и неторопливой походкой направилась к лучшему, на ее взгляд, кабинету, держа голову немного повернутой в сторону, чтобы слышать, что говорят сзади.

— Да, милые! Какой шик и блеск у нас теперь! Прямо как в операционной — все стерильно! — изумилась впервые после отпуска пришедшая в школу математичка Ольга Алексеевна.

И Сания тут же про себя отметила:

«Ага! Проняло! Молодец, что при всех это сказала. Запомню. За мной не пропадет.»

— А новая метла всегда чище метет! Испокон веку так ведется, — послышался грубовато-насмешливый голос технички Анны Михайловны.

Ожег он Санию, родил злое, мстительное чувство:

«Ну, погоди! Ты у меня докричишься! Я тебя на место поставлю. Будешь знать, как нос совать во все дырки!»

Дородная Михална стояла в распахнутых дверях класса, величественно, словно на посох, опиралась на швабру и смотрела с гордой независимой усмешкой.

Сания не удержалась, оглянулась, скользнула настороженным взглядом по лицам учителей: как они отнеслись к словам технички?

Большинство, шокированное дерзостью Мйхалны, улыбались сконфуженно, словно были готовы извиниться за нее. И только в глазах бывшего завуча Галины Николаевны и толстяка литератора Ивана Ивановича сверкнуло восхищение отчаянностью Михалны.

«И вам я это припомню», — мысленно пообещала Сания и резко распахнула дверь кабинета истории и обществоведения:

— Прошу, товарищи!

Сама посторонилась, пропуская учителей, напрягла слух.

— Ой, какая прелесть! Не кабинет — настоящая картинка! — пришла в восторг математичка, и Сания пожалела, что поторопилась, согласовав с заведующей РОНО назначение новым завучем молодой преподавательницы истории Натальи Александровны.

«Надо было дождаться выхода из отпуска Ольги Алексеевны и уговорить ее на эту должность. Мы с ней наверняка б сработались», — сокрушалась теперь Сания.

Когда все уселись, посетовала, пригорюнясь:

— К моему великому сожалению, завуч у нас в этом году тоже будет новый: Галина Николаевна подала заявление об уходе. Очевидно, со мной работать не хочет. Так я вас поняла, Галина Николаевна?

Сания посмотрела на бывшего завуча.

— Понимайте, как хотите... Мне безразлично, — твердо сказала Галина.

— Шучу я, миленькая! — Сания заставила себя дружелюбно улыбнуться. — Это я вот к чему сказала. Плохо для школы, когда сразу и директор и завуч меняются. На работе всего коллектива может отразиться. Если мы вас всем коллективом попросим остаться хоть на один год, пока я вхожу в курс дела, не согласитесь, а?

Сания повела взглядом по учителям — они зашумели, наперебой выкрикивая:

— Конечно, Галина Николаевна, поработайте! Чего там! У вас так хорошо получалось.

— Ни с кем не поссорились за пять лет! Мы так к вам привыкли!

— Имейте в виду: назначить кого-нибудь со стороны — часы ему подавай. У кого-нибудь из нас нагрузка полетит...

Иван Иванович по обыкновению молчал. Сидевшая сзади математичка толкнула его в спину:

— Вы-то что не просите? Ведь шести часов нагрузки лишитесь, если Галина Николаевна уйдет из завучей! Не станет же она на двенадцати часах сидеть. А это почти треть зарплаты вашей!

— Отстаньте! — возмущенно потряс головой Иван Иванович, презиравший всякие денежные расчеты и полагавший, что каждый человек волен поступать, как ему хочется. Оглянулся на Галину.

Она почувствовала его взгляд и вскинула ресницы. На мгновение глаза их встретились, — Иван Иванович уловил настороженность и подозрительность.

— Зря посмотрел на нее. Подумала, наверное, что я тоже прошу остаться в завучах,— расстроился Иван Иванович.

И опасения его были не напрасными. После педсовета, когда вернулись в учительскую, Галина Николаевна подошла к нему и сказала со слезами в голосе:

— Можно подумать, я у вас последний кусок хлеба отняла, уйдя из завучей! Так вы на меня посмотрели!

— Помилуйте! Откуда вы взяли? Мне абсолютно безразлично все это! — пришел в ужас Иван Иванович.

— Да слышала, как вы с Ольгой Алексеевной перешептывались обо мне. Между прочем, могли бы сами давно завучем работать. Как никак мужчина. И опыта не занимать. Привыкли за женские спины прятаться, — выговорила ему Галина.

Боль, обида захлестнула Ивана Ивановича. До сего времени он думал, что она во всем понимала его, знала, почему он избегает чиновничьих постов, и одобряла. Выходило, ошибался в ней. Надулся и проворчал:

— Вы бы тоже могли остаться. Не семеро по лавкам.

— Он еще укоряет этим! Да как вы смеете! Уж лучше бы,— Галина выхватила носовой платок, с плачем кинулась из учительской.

— Зря завелся. Ты ведь мужчина, она правду сказала, — пристыдил себя Иван Иванович и решил попросить прощения. Вышел в коридор.

Галина рыдала в дальнем конце, уткнувшись лицом в угол. Возле нее хлопотали две учительницы, и при них Иван Иванович постеснялся подойти.

— Ладно. Завтра извинюсь, — успокоил он себя.

Дома не мог найти себе места после стычки с Галиной — первой за все время совместной работы — и направился в кино на пятичасовой сеанс.

Подходя к кинотеатру .увидел Галину: она спешила к подъезду с другой стороны здания.

— Ну вот и хорошо! Сейчас помиримся. Сама судьба, идет нам на помощь, — виновато улыбаясь издали учительнице, он заторопился ей навстречу, чтобы успеть заговорить, прежде чем она откроет дверь.

Галина тоже заметила его, заметила жест, который сделал рукой Иван Иванович, прося задержаться. Но вместо того, чтобы замедлить шаги — ускорила их. Судорожно схватилась за ручку, рванула изо всех сил дверь. Скрылась в вестибюле кинотеатра.

— Ах вон что! Вы не желаете мириться! Чересчур гордой считаете себя! Ну и хорошо! Поставим на этом точку! Хватит! Все равно между нами ничему не быть! — Иван Иванович, чувствуя себя оскорбленным, повернул от кинотеатра. Побрел куда глаза глядят. На душе было тоскливо и одиноко. Безнадежно одиноко. В памяти ожили переживания трехлетней давности. В тот год у него умерла жена.

После похорон Иван Иванович пришел в школу на уроки.

— Ну, как вы? — уловив минуту, когда остались вдвоем в учительской, спросила Галина, и столько теплоты, заботы, участия послышалось ему в ее голосе, что он подумал: «Вот человек, который по-настоящему понимает меня и искренне сочувствует».

— Плохо, но я держусь, — прошептал он в полном откровении, отвернулся, чтобы учительница не увидела его слез.

— Вот и хорошо. Держитесь, Иван Иванович. Потом все встанет на свои места, — произнесла Галина утешительно и, как показалось Ивану Ивановичу, с тайным намеком на что-то.

— Спасибо. Буду стараться, — с нежной благодарностью в голосе пообещал он. Потеряв жену, он понял, что остался один на свете. Сын к тому времени женился, жил с семьей в другом городе, и знал Иван Иванович, вместе им никогда не быть.

Однажды вечером, гуляя по городу, очутился Иван Иванович на улице, где жила Галина. Шел с опущенной головой, глубоко задумавшись, а поравнялся с домом учительницы, поднял голову. И сразу увидел Галину. Она сидела на лавочке у подъезда и разговаривала с пожилой женщиной, вероятно, соседкой. Заметила Ивана Ивановича и побледнела, быстро встала и, опустив голову, скрылась в подъезде.

— Что это с ней? Почему испугалась и убежала? — сделалось больно Ивану Ивановичу,

— Могла подумать, к ней в гости иду? — мелькнула мысль, и ему действительно захотелось зайти к Галине, посидеть немного, поболтать, развеять грустные думы.

— Да вот не хотят тебя видеть, — горестно вздохнул он и торопливо прошагал мимо дома учительницы.

Придя на другой день в школу, он и виду не подал, что обижен нелюбезным поступком Галины, но она повинилась.

— Иван Иваныч, вы простите меня пожалуйста за то, что я вчера от вас убежала. Сама не знаю, что со мной стряслось. Я так растерялась, увидев вас у нашего дома, что не могла ничего с собой поделать. Ноги сами унесли домой. Смешно я выглядела, правда? — Галина подняла на Ивана Ивановича глаза, чуточку шаловливые.

И он обрадовался, хотел спросить: — А можно, я к вам как-нибудь зайду посидеть? Ему показалось тогда, именно этого ждала от него учительница.

Но, не спросил. Не хватило смелости. Стал ждать другого удобного случая, чтобы напроситься в гости к ней. Много раз, собравшись с духом, подходил, чтобы сказать об этом. Но видел, Галина словно догадавшись, бледнеет, теряется, спешит заговорить о другом. И не перебивал, слушал и отходил, чувствуя на себе ее взгляд, грустный и разочарованный.

... Однажды они вместе возвращались из похода с учениками. Прощаясь возле своего дома с Иваном Ивановичем, Галина отвела взгляд, проговорила негромко и доверительно:

— А тогда, прошлым летом, помните? Я думала, вы ко мне идете. И не просто так в гости, а хотите что-то важное сказать. Вид у вас был такой решительный.

— Нет, почему? Просто грустный вид, всего скорее был тогда, — признался он.

— Разве? — удивленно расширила глаза Галина. — А я-то бог весть, что тогда подумала.

В ее голосе послышалось сожаление.

— Можно сейчас зайти? — заволновался Иван Иванович.

— Сегодня нельзя... У меня мама болеет. Я неделю не прибиралась, — с отчаянием в голосе сказала учительница. — В другой раз как-нибудь зайдете. Я сама вас приглашу. Договорились? — Галина тепло посмотрела на Ивана Ивановича.

— Конечно. Спасибо вам большое, — счастливо улыбнулся он и простился.

С нетерпением стал ждать приглашения в гости, а его так и не последовало.

После уроков провожать Галину тоже не было возможности. В школе появилась молодая учительница биологии, которая жила на одной улице с Галиной, чуть дальше ее дома. И они всякий вечер ходили вместе дожидаясь друг дружку. Один раз Иван Иванович все-таки отправился с ними, сделав вид, что очень хочет поговорить об итогах только что закончившейся проверки школы областной комиссией. Всю дорогу увлеченно болтали, а как подошли к Галининому дому, она повернулась к Ивану Ивановичу и попросила:

— Вы уж, пожалуйста, Нину Романовну до дома проводите, Иван Иваныч. До свидания.

И повернулась, пошла к крыльцу. А он последовал дальше с молоденькой биологичкой.

А когда возвращался, у дома Галины невольно замедлил шаги и весь напрягся. Даже постоял немного возле подъезда. Но увы, никто из него не вышел. И он решил больше никогда не провожать учительниц.

— Вот и хорошо, что случилось сегодня все это... Хоть я ее лучше узнал. Видно они, женщины, все одинаковые. Пока гладишь по шерсти, души в тебе не чают, а как против — готовы тебя возненавидеть. На этом поставим точку в наших запутанно-перепутанных чувствах и отношениях, дорогая Галина Николаевна, — с такими мыслями Иван Иванович шагал от кинотеатра.

А Галина Николаевна, купив билет, торопливо прошла в зрительный зал, наполовину занятый подростками и, отыскав свое место, села. Насторожилась, напрягла слух, ловила шаги, раздававшиеся позади нее в коридоре: ждала, вдруг войдет Иван Иванович, опустится в кресло рядом с ней и попросит у нее прощения, объяснит свой поступок нервозной обстановкой, которая создалась в школе с приходом нового директора. И она охотно простит его, скажет, что сама была виновата, так плохо подумав о нем, когда речь зашла о часах и зарплате.

Сейчас она была уверена, что Иван Иванович не придал этому факту никакого значения, и казнила себя за несдержанность.

Но напрасно прождала она желанных шагов, они так и не раздались за ее спиной Иван Иванович не появился в зале.

Галине Николаевне расхотелось смотреть кинокартину. Она уставила глаза на зажегшийся экран, а думала о школьных делах. Ей стало казаться, она поторопилась с уходом из завучей. Могла бы поработать еще немного. Это было бы лучше и для Ивана Ивановича, и для других учителей, которые к ней очень хорошо относятся. В этом она не сомневалась. А нового директора можно было бы одернуть позднее. Выступить против ее методов руководства, сообща, всем коллективом. А она, Галина, поспешила, подала заявление об уходе после первого столкновения с директором.

Случилось это так. Неуспевающим ученикам были даны задания на лето. Но летом они не занимались, в школу не приходили, зачеты не сдавали.

А когда из РОНО запросили сведения о результатах осенних экзаменов и зачетов, новый директор предложила Галине Николаевне сообщить, что все «задолжники» переведены в следующий класс.

— Это не соответствует действительности, и я такие сведения давать не стану,— возразила Галина.

— У себя мы их переведем условно, и все равно потом заставим сдать все зачеты. И ничего позорного в том, что мы только опередим события, я не вижу, — оправдала свои намерения Сания.

— А я вижу! — стояла на своем Галина. — У нас никогда так не делалось.

— Вот и занимали самое последнее место в области по успеваемости! — вспылила Сания.

— Лучше последнее занимать, чем в передовиках ходить липовых, — твердо отчеканила Галина.

— Ну, знаешь, с таким подходом к делу, как у тебя, нам очень трудно будет работать вместе, — директор дала понять Галине, кто у них в школе начальство.

— Завтра подам заявление об уходе из завучей, — тихим дрожащим голосом проговорила Галина.

И подала. А теперь вот каялась, что поспешила.

5

Проработав с месяц директором, Сания решила проверить поурочные планы учителей. Она знала, к такой, не совсем деликатной форме контроля руководители школ прибегают редко и то лишь самые строгие из них. И она хотела быть строгой, хотела, чтобы в школе все ее боялись.

Сания открыла дверь своего кабинета и вышла в учительскую. Была большая перемена. Учителя пили чай, приготовленный

заботливой Михалной на кухонном столике за печкой, которую техничка упросила директора не ломать, сохранить на случай, если с паровым «не заладится».

Сания обвела блаженствующую компанию быстрым взглядом и, гася насмешливый блеск в глазах, проговорила:

— Товарищи дорогие, попрошу приготовить поурочные планы... Для фронтальной проверки. Надо выполнять все, что мы наметили с завучем...

Учителя оторопели, изумленно заперегдядывались. Потом звякнули поставленные чашки. Вытирая в попыхах губы и пальцы платочками, все ринулись к своим портфелям, защелкали замками, зашелестели тетрадями.

— Первый раз у нас такое, правда? — шепнула Галина, проходя мимо Ивана Ивановича, и справилась: — У вас хоть написаны?

— А как же? — поднял он глаза на учительницу.

Удивился не тому, что его заподозрили в неаккуратности и неисполнительности, а той тревоге и заботе о нем, что прозвучали в голосе Галины. Они были вроде в ссоре, целый месяц не разговаривали. Он не знал, как взглянуть на нее, как подступиться к ней, когда этого требовала работа. И вот тебе на: она по-прежнему относится к нему дружески, Ивана Ивановича обожгло возрожденной радостью. И почувствовал он себя как-то уверенно, даже немного озорно, по-мальчишески. Не стал торопиться доставать из портфеля тетради с поурочными планами. Наблюдал, как это делают другие — суетливо, неловкими от волнения руками.

— Господи! Я их дома сегодня забыла! Кошмар какой-то! — раздался отчаянный голос историка Риммы Васильевны. Все повернули головы. Немолодая, с седыми прядями в темных волосах женщина застыла в обнимку с портфелем и с ужасом смотрела на все, вытряхнутое из него на стол.

— После уроков сходите и принесете. Я подожду вас в школе, — негромко, но твердо обронила Сания и шагнула к учительнице, первой приготовившей планы для проверки. Нагнулась над столом, залистала тетрадь.

— Почему цель урока не всегда пишите? — прозвучал в наступившей тишине жесткий директорский голос, и лица учителей передернулись судорогой страха.

— Да она у нас повторяется, из урока в урок одна и та же... Что познавательная, что воспитательная, — пролепетала учительница.

— Все равно писать надо! На каждый урок. Делаю вам замечание. В будущем исправьтесь. Проверено. Кто следующий? — Сания подняла голову, и все учителя разом опустили глаза в свои планы.

— Вот, пожалуйста, мои, — прошептала перехваченным от волнения голосом математик Ольга Алексеевна, подавая тетрадь. — Только я тоже не всегда цель урока пишу. Все как-то забываю.

Ивану Ивановичу сделалось стыдно за эту покорную приниженность своих коллег.

— А сам-то! — подумал о себе с язвительной насмешкой. — Тоже трясешься. И подмываемый знакомой когда-то в молодости озорной смелостью, теперь очень редко загоравшейся в нем, вскинул вверх руку:

— Минуточку, товарищи дорогие! Все это в порядке вещей и требований, конечно, со стороны администрации, но есть и другая точка зрения на наши поурочные планы. И знаете, кого? Самого министра просвещения. Я вам ее сейчас процитирую.

Он достал из грудного кармана пиджака вырезку из «Учительской газеты», развернул и стал читать, подняв вверх указательный палец:

— На вопросы отвечает министр просвещения Прокофьев. Я полагаю, заявляет он, — Иван Иванович сделал паузу, — что нет нужды заставлять каждого учителя писать даже поурочные планы. План — инструмент учителя, средство, а не цель. Если учитель дает прекрасный урок без написанного плана — и отлично. А вот если план хорош, а урок плох, это беда. Ясно?

— Да, конечно! Давно надо к этому придти! Правильно! — раздались бодрые голоса, и лица учителей просветлели. Тягостного, угнетенного настроения как не бывало.

— Молодец, Иван Иваныч! Вот уел! — захлопала в ладоши Михална и выплыла из-за печки. — Верно! Шут с ними, с этими планами. Только бумагу зря переводите на них. Сами и без этой писанины все знаете на зубок. Столько лет кряду одно и то же толкете. Садитесь-ка лучше чай докушивать, сладенькие мои! Я вмиг подгорячу...

Техничка, как полновластная хозяйка в учительской, проворно задвигалась меж столами, собирая недопитые чашки.

Все посмотрели на директора.

В глазах Сании сверкнул гнев. Она шагнула было к Михалне, но поняла, что сгоряча может «наломать дров», и сдержалась. Низко опустила лицо, запылавшее румянцем, резко повернулась, скрылась в кабинете, стукнув дверью.

— Вот так-то оно и лучше, — с олимпийским спокойствием проговорила Михална и, держа в каждой руке по две чашки, величественно поплыла за печку. — Сейчас, сейчас, сладкие мои, вы у меня совсем успокоитесь и приободритесь. А то, как коршун, на вас налетела: подайте ей планы немедленно — и вся недолга.

Но ни в этот день и никогда больше не пришлось попить вкусного чаю, какой умела приготавливать заботливая Михална.

Прозвенел звонок на урок, и все поспешили разойтись по классам. А через несколько минут сначала в учительской, потом в коридоре послышались громкие голоса: директор и Михална крупно поспорили.

И когда учителя вернулись с урока в учительскую, там не было ни технички, ни ее хозяйственного стола. Уголок за печкой опустел.

— Приказали вашу Михалну в библиотеку переселить, чтобы не встревала не в свои дела, — пояснила учителям завхоз, молодая женщина, вытирая шваброй серый квадрат пыли на месте стола Михалны. Сама техничка рыдала навзрыд в библиотеке, клянясь богом, что ноги ее больше не будет в школе, с такой самодуркой, как новый директор, она работать не намерена.

Иван Иваныч, считая себя виноватым во всем, что случилось, и жалея Анну Михалну, направился было в библиотеку, чтобы попросить прощения у технички. Его остановил грубый окрик директора:

— Куда вы? Лучше готовьтесь: мы сейчас к вам на урок пойдем. Вдвоем с завучем. Посмотрим, какие вы прекрасные уроки даете без планов.

— Я? Я, между прочим, планы пишу, — растерянно пробормотал Иван Иванович и невольно поморщился, заметив в руках директора и завуча стоявших перед ним плотно, плечом к плечу, голубые новенькие тетради с черной, выведенной на обложке, его фамилией.

— И правильно делаете, — жестко усмехнулась Сания. — Я сейчас в РОНО звонила. Велено спрашивать у всех планы. Нечего было вам меня на посмешище выставлять перед учителями.

— Я не выставлял... Я только хотел, чтобы не так грубо, категорично вы обращались с учителями. Честное слово, они этого не заслуживают, — пролепетал Иван Иванович.

— Мало ли чего вы хотите... А я вот хочу поднять успеваемость и дисциплину в школе. И в первую очередь буду с вас, учителей, за это спрашивать. Понятно вам? — отчеканила Сания, хмуря брови.

— Вполне, — тоскливо выдохнул Иван Иванович.

— А теперь идемте на урок. Звонок уже был,— директор толкнула дверь и первой вышла из учительской.

Иван Иванович, принадлежал к числу тех учителей, которые проводят уроки в присутствии проверяющих гораздо хуже, чем без них. И прежде всего из-за своего не бойкого характера и врожденной застенчивости. А также из-за боязни выглядеть в глазах учащихся

подобострастным. И на этот раз урок прошел не совсем гладко. Иван Иванович допустил несколько методических просчетов: долго не мог справиться с волнением и затянул опрос. Стихотворение Маяковского прочел сам, позабыв опять-таки из-за волнения, включить магнитофон с записью голоса поэта, то есть не использовал на уроке технические средства, бывшие теперь в моде.

Огорченный, он стоял после уроков в учительской возле окна, смотрел на улицу, чтобы никто не мог видеть его расстроенного — ждал, когда позовут в кабинет директора для разбора посещенного администрацией урока. Завидовал другим учителям, которые беззаботно болтая о предстоящих стирках, глаженьях, родительских собраниях в классах своих детей, торопились покинуть школу. Думал с обидой на самого себя:

«Не сунулся бы с своим дурацким замечанием о поурочных планах — давно бы с легким сердцем шагал домой. А теперь вот жди расправы, мучайся...»

За спиной слышались брошенные второпях «До свидания» и хлопала дверь. В учительской стало тихо. Но Иван Иванович чувствовал, что кто-то еще остался. Он догадывался кто, и невольно подобрался. Ловил слухом неясные звуки за шкафом у вешалки и догадывался, это одевается Галина. Представлял: как надевает под легкий модный плащ меховую жилетку, боясь простудиться и с удивлением отмечал ,что прежде эта аккуратненькая жилеточка его умиляла, а после недавней ссоры уже нет. А вот и плащ зашуршал. Потом торопливые шаги пересекли учительскую. Щелкнул замок на портфеле. Шаги стали удаляться. Но делались все медлительнее и замерли у двери. Осторожный шепот долетел оттуда:

— Иван Иванович, не переживайте так, пожалуйста, Я уверена, у вас был хороший урок. А если наговорят чего плохого, не принимайте близко к сердцу. Сами знаете, с какой целью пошли к вам на урок. А теперь до свидания. Ни пуха, ни пера вам..

— Мм... Спасибо, — Иван Иванович повернул от окна голову, но Галины в учительской уже не было.

— И как я мог целый месяц на нее сердиться? — подумал он в раскаяньи.

Распахнулась дверь директорского кабинета, и голос завуча позвал:

— Заходите Иван Иванович. Мы вас ждем. Да! Планы уроков не забудьте...

С покалыванием в сердце он свез со стула портфель и перешагнул нежеланный порог.

— Садитесь, пожалуйста, — указала директор на свободный стул.

Иван Иванович сел. Дрожащими пальцами открыл портфель, достал тетрадь с планами и положил перед собой на стол. Портфель опустил на пол, прислонил к ножке стула. Выпрямился и почувствовал нестерпимую боль в сердце. По привычке рука скользнула в карман, где лежала стеклянная трубочка с нитроглицерином. Он задержал ее там, не желая выдавать свою слабость: подумают еще, притворяется, рассчитывает на снисхождение. Так и просидел все время, терпя боль в сердце и не принимая лекарства.

Урок разбирала завуч. К удивлению Ивана Ивановича, недостатков отметила немного, нашла, что урок вполне отвечает современным требованиям. При этих словах посмотрела на директора, и та согласно опустила глаза:

— Да, я тоже так считаю. Поэтому не стану ничего говорить. К чему повторяться? Вы свободны, — кивнула директор завучу, — К Ивану Иванычу у меня есть еще особый разговор, — Сания умолкла, выжидая, когда завуч покинет ее кабинет.

У Ивана Ивановича снова сдавило сердце, и он машинально сколупнул ногтем большого пальца с пробирки мягкую пробку, чтобы вытряхнуть в ладонь таблетку и незаметно сунуть в рот, под язык. Но таблетка не вытряхивалась: в пробирке была еще затычка из ваты, которую чаще всего приходилось выковыривать спичкой. Иван Иванович запоздало вспомнил об этом и подтрунил над собой:

«Совсем, видно, ума лишился из-за проклятой своей трусости». Задержал дыхание, чтобы не беспокоить сердце, поднял глаза на директора, произнес негромко, но твердо:

— Я вас слушаю, Сания Владимировна.

— Не хорохорьтесь, пожалуйста! Думаете, если урок нашли хорошим, так будете победителем ходить? Ничего подобного! Не выйдет! Я не потерплю, чтобы вы авторитет руководителя подрывали. Еще раз возникнете — пеняйте на себя. Это я точно говорю: на будущий год вам в этой школе не работать! — директор выбросила на стол руку с выпрямленной ладонью и застучала по столешнице перстнем, уставилась суженными глазами в лицо Ивана Ивановича,

Он оторопел. С трудом выговорил:

— Как так?

— Как сделаю, хотите знать? А очень просто. Поговорю с заведующей. Попрошу ее перевести вас на будущий год в дневную школу. Скажу, учитель вы хороший, сильный, а часов мало на двоих. А вам пенсию надо вырабатывать приличную. Сколько осталось еще работать? Лет пять-шесть?

— Пять, — выдохнул Иван Иванович, в изумлении глядя на спокойное, самоуверенное лицо директора. Впервые в жизни с ним

разговаривали так откровенно, цинично и нагло. По лицу Сании скользнула самодовольная ухмылка:

— Ну вот как я точно угадала. С последних пяти лет вам и пенсию подходящую начислят... в дневной школе. Кружки будете там разные вести. Вы стишки еще сочиняете. Читала в нашей районке...

«— Как вы сме...» — хотел крикнуть Иван Иванович и почувствовал: обожгло всю левую часть тела.

«— Все... Парализовало», — подумал в испуге и пошевелил левой ногой — она подчинилась.

— «Пока нет еще», — удивился и решил спасаться. Выхватил из кармана пробирку с нитроглицерином, кое-как ногтем выковырял вату и прижал края к дергавшимся губам, чтобы не высыпать в рот сразу все содержимое. Осторожно языком взял две дробинки. Пот слабости окатил всего. Доставая платок, Иван Иванович взглянул на директора. В ее глазах не было ни жалости, ни сострадания — одно холодное любопытство. Иван Иванович сгреб со стола тетрадь поурочных планов, подхватил с пола портфель и поволокся из директорского кабинета.

6

На другой день Иван Иванович чувствовал себя очень плохо. Очевидно, подскочило давление. Идти в поликлинику не решился: в школе могут подумать, перетрусил после посещения урока администрацией. Наглотался лекарств и отправился на работу.

Перспектива дотягивать до пенсии в дневной школе после двадцати лет, проведенных в вечерней, напугала его, и он решил затаиться, ни во что больше не совать свой нос. Давать уроки и все. А чтобы так, как вчера, заводить разговоры в защиту других — спаси господь бог! Ни-ни-ни... Раз такая обстановка в школе создалась. Полная директорская деспотия.

Иван Иванович вдруг вспомнил; что весной, когда стало известно об уходе на пенсию прежнего директора, предлагали ему, Ивану Ивановичу, занять этот пост, а он руками и ногами замахал, наотрез отказался, напугавшись хозяйственных хлопот. А теперь вот подумалось, зря напугался. Уж лучше бы взвалить на себя это бремя забот, вытряхнуть последние силенки перед уходом на пенсию, чем терпеть унижений и оскорбления от самодурки.

В перемены он не заходил в учительскую, оставался в кабинете литературы, готовил наглядные пособия к следующему уроку.

У Галины Николаевны, этот день был свободным от уроков, и она пришла в школу к концу занятий, беспокоясь за судьбу технички

Анны Михайловны; накануне та поклялась, что утром подаст заявление об уходе.

Пригорюнившаяся Михална сидела в тесной, полутемной библиотеке, где окна были заставлены полками с книгами, и вязала шерстяной носок, пользуясь светом, проникавшим в притворенную дверь.

— Ну, как ваши дела, Анна Михална? Успокоились? Здесь ведь тоже неплохо, правда? — спросила Галина.

— Да нет, ухожу я от вас, — затрясла головой Михална, две крупные слезы выкатились из глаз на опавшие за одну ночь щеки.

— Ну, ну... Зачем же так? Все уладится, мы будем дружить с вами по-прежнему. Здесь и чай будем пить, когда страсти поутихнут немного, — Галина погладила женщину по плечу.

— Нет, нет. Я заявление ей сегодня кинула. Две недели высижу здесь как-нибудь и поминай, как звали. Жаль мне с вами расставаться, но работать с этой самозванкой не буду. Никаких нервов не хватает, моя миленькая. Я ее с первого дня, как она пришла, раскусила, — тяжело вздохнула Михална.

— Ой, что вы наделали! Не надо было заявление подавать. Теперь она за него ухватится. Ей-только это и нужно, — пришла в отчаяние Галина. — И все-таки не это самое главное. Нет безвыходных положений. Возьмите заявление обратно, Анна Михална! Я вас очень прошу. Нам всем будет так не хватать вас! Мы так привыкли к вам. Пойдемте вместе сейчас к директору. Я скажу: вы передумали. Если надо будет, другие учителя за вас попросят.

— Не надо за меня просить! И сама не пойду никуда унижаться. Решила — и как отрубила! Погодите, она и вас всех также шерстить примется, — в голосе Анны Михалны послышались непримиримые нотки.

— Это мы сами понимаем. Но сейчас речь идет о вас. Я себе никогда не прощу вашего ухода. Анна Михална, голубушка, подскажите, что я могу, что должна сделать, чтобы вы не уходили от нас? — взмолилась Галина.

— А ничего не надо для меня делать. Я сама себе голова. Тоже, чай, ноченьку целую думала, на волос не уснула. И теперь мое слово твердое, — Михална, забыв на время про спицы в руках, снова задвигала ими.

— Посоветоваться что ли с кем пойти, — Галина оставила Михалну одну и направилась в учительскую.

Проходя, мимо кабинета литературы, замедлила шаги и прислушалась. За дверью было тихо-тихо.

«Интересно, Иван Иваныч ушел или нет? Попрошу его поговорить с Анной Михайловной», — подумала Галина и осторожно потянула дверь.

В приотворившуюся щелочку увидела учителя. Иван Иванович стоял у окна, заложив за спину руки, и смотрел на улицу.

Галина открыла дверь чуть шире, оглядела класс, он был пустой, без учеников. Иван Иванович коротал время в одиночестве.

Галина постучала: — К вам можно, Иван Иваныч?

— Да? — он обернулся, увидел ее и снова уставился в окно.

— Извините, может я не вовремя? — спросила Галина.

— Нет, нет, пожалуйста, я вас слушаю, — с натугой проговорил Иван Иванович, не меняя позы, только пальцы рук, расслабленно вложенных за спиной одна в другую, судорожно сцепились.

Галина Николаевна пересекла кабинет и стала рядом с учителем.

— Я к вам с просьбой... Вы не поговорите с Анной Михалной?

Она заявление об уходе подала — ну, погорячилась — и не хочет брать его обратно.

—А что я должен сделать?Забрать заявление у директора? Полагаете, во всем, что произошло, виноват я? — спросил он, не поворачивая головы.

— Ничего я не полагаю. Просто хочу, чтобы Анна Михална не уходила. Всем нам будет плохо без нее. С ней что-то еще уйдет из школы. Остатки прежнего климата улетучатся. Надеюсь, вы меня понимаете? — в голосе учительницы проступила грусть.

— Жаль, но ничем не могу помочь. Я дал себе слово ни во что больше не вмешиваться. Здоровье не позволяет, — отчужденно говорил Иван Иванович.

— А помните, как мы с вами дрова за Анну Михалну носили, когда у ней спина болела? — спросила Галина, и печально вздохнула, глядя в окно на задний двор школы, где прежде стояли поленницы.

— Да, было такое дело, — кивнул Иван Иванович и невольно улыбнулся.

Случилось это лет десять-пятнадцать назад. У Анны Михайловны разыгрался радикулит. После лечения врачи запретили ей поднимать тяжести. А тут подкатила зима. Надо было каждый день топить в школе печи, носить накануне дрова. Вторая техничка наотрез отказалась подменять Михалну. И тогда пришли на выручку больной женщине учителя: стали носить дрова по очереди, разбившись на пары. Галина оказалась в паре с Иваном Ивановичем. Он с нетерпением ждал этих дней. Поднимался рано и шагал в школу как на праздник. С трудом дожидался окончания утренней смены и спешил в раздевалку, где висел его рабочий ватник, принесенный из дома. Галина надевала старенькое пальто, а поверх него натягивала синий сатиновый халат, выглядя в нем по-домашнему уютной и какой-то совсем близкой, родной.

Иван Иванович носил дрова огромными вязанками на спине, как это делали технички, а Галине накладывал на подставленные руки небольше охапочки.

— Еще кладите! Сами вон сколько носите, — требовала она. Щеки ее горели ярким румянцем возбуждения, темные глаза сверкали.

— Вам , как будущей матери, многонельзя, — говорил он, жалея ее.

Щеки Галины вспыхивали еще ярче:

— Не надо быть таким вредным. Вы сами все отлично понимаете. Только разыгрываете меня. — Она прятала лицо за горкой дров, покоившихся на ее руках и просила тихим доверчивым голосом:

— Не надо со мной на эту тему разговаривать, Иван Иванович, ага? — Его очень трогало это ее милое, наивное «ага», и он сдавался:

— Не надо, так не будем. Получайте свою добавку.— Поворачивался к поленнице и, выбрав самую сухую, легкую плашку, клал ее с прижимом поверх Галининой охапки: Все! Больше не получите.

Сам нагибался и, расправив на снегу петлю веревки, начинал кидать на нее самые увесистые поленья. Взвалив с трудом вязанку себе на спину, шагал, широко расставляя ноги,по двору к черному крыльцу, видел в одном из окон лицо Михалны. Она смотрела на него благодарными глазами и с укоризной покачивала головой:

— Эк, навалил скоко!

В один из тех «дровяных» дней он набрался храбрости и спросил Галину, почему она не выходит замуж, рискует остаться на всю жизнь одинокой.

— А вы будто не знаете? Не прикидывайтесь несмышленным, пожалуйста! — вырвалось у нее сгоряча, и она в испуге взглянула на него.

И он тоже смешался, опустил глаза.

— Да, правда, откуда вам знать? — громко, нервно засмеялась она. — Может, не хочу боль причинять одному хорошему человеку, а может суженого настоящего не встретила. А скорее всего боюсь, что на все — семью и работу — меня не хватит. А без работы я не могу жить.

По мере того как говорила, она успокоилась и смотрела на Ивана Ивановича без раздражения, миролюбиво. И он с улыбкой смущения на лице согласно закивал:

— Так, так. Все правильно. Я вас отлично понимаю.

А сам думал:

— Неужели из-за меня все-таки? И боялся верить: Нет, конечно. Не только из-за меня. А вот так из-за всего вместе, в совокупности, весьма возможно...

Натаскав ко всем печам дров, они мыли руки и садились в учительской пить чай, приготовленный Михалной, с ее домашним вареньем.

Галина ласково, с уважением поглядывала на Ивана Ивановича:

— Какой молодец у нас Иван Иваныч, правда, Анна Михална? Как старается для вас! Я ведь совсем мало принесла...

— Правда, правда, миленькая... Не знаю, чем и рассчитываться с ним буду, — кивала техничка и поднимала на Ивана Ивановича глаза, в которых стояли слезы.

— Ну ,вы еще скажете тут, — смущался он и чувствовал себя счастливым.

— Господи, как давно все это было! Как хорошо нам всем жилось тогда. И она, оказывается, помнит, — удивился Иван Иванович, глядя в окно и видя перед глазами ту далекую, молодую Галину Услышал рядом ее дыхание, и все прежнее в нем ожило, затрепетало. Он чуть-чуть повернул голову, скосил глаза на лицо учительницы. Оно было серое, осунувшееся, с темными подглазинами. Поразили Ивана Ивановича прочные морщины на лбу и у глаз, резко обозначившиеся в свете, падавшем из окна.

— Здорово она сдала в последнее время. А косметику все равно не признает, — подумал сострадательно и с уважением.

Галина будто подслушала его мысли.

— Не надо так на меня смотреть, Иван Иваныч, — попросила не обращая в его сторону глаз, в которых блеснули слезы.

— Как? — смутился он.

— Не притворяйтесь, пожалуйста. Сами отлично знаете. Жить дальше страшно становится. С таким презрением в последнее время на меня смотрите.

Ее слова больно ударили по Ивану Ивановичу. Он выкрикнул с обидой:

— Перестаньте выдумывать! Это вам кажется. Вы совсем не знаете, как я отношусь к вам.

— Ничего я не выдумываю. Все знаю. Раньше, правда, по-другому было. Мы с вами дружили. И я думала, конца нашей дружбе не будет. Да, видать ошиблась в вас, — голос, ее задрожал. Она резко повернулась от окна и застучала каблуками к двери.

Ивану Ивановичу стало трудно дышать. Он расслабил узел галстука, платком промокнул испарину, выступившую на лбу.

— Может, правда, пойти похлопотать за Анну Михалну? — заколебался, вспомнив, как много добра делала она для учителей, а для него тем более. После того как овдовел, пеклась о нем, како родном. Первую чашку самого крепкого чая всегда наливала ему. Приговаривая, как бы оправдываясь:

— Он ведь один мужичок у нас, надо о нем позаботиться. Тем более дома теперь некому за ним ухаживать.

Случалось, Иван Иванович задерживался после урока в классе с учениками и не шел на перемену в учительскую пить чай. Тогда за ним приходил кто-нибудь из учителей.

— Иван Иваныч, вы что не идете пить чай? Михална, того гляди, все чашки переколотит с расстройства.

И он, спохватываясь, шел. Видел темное насупленное лицо технички и спешил взять свою чашку.

— Подождите подгорячу малость. Остыл, поди, вас ждамши, — ворчала Михална, и хваталась за кипевший чайник, подливала ему в чашку.

Он делал один-два глотка и, отдуваясь, с преувеличенным наслаждением говорил:

— Ну и чаек. Настоящий элексир бодрости. Большое спасибо вам, Анна Михална, что сберегли.

— То-то же, а сами не шли. Еще бы немного, и я бы его в ведро выплеснула... Подумала , что брезгуете моим чайком, — выговаривала с обидой Михална, а лицо у самой расцветало счастливой улыбкой:

— Вот попьете и опять как новенький сделаетесь. Хоть все десять уроков еще проведете.

— Это уж точно! — соглашался Иван Иванович, чувствуя на себе лукавые взгляды учительниц.

Иногда кто-нибудь подтрунивал над Михалной:

— Смотрите, как она за ним ухаживает! Прямо завидки берут. Уж не влюблена ли?

— А вы аль не знаете? Давно и бесповоротно! Одно мешает: не знаю, куда своего муженька деть, — отшучивалась Михална.

Ивану Ивановичу делалось неловко, и он спешил допить чай и уйти из учительской. А на Михалну не сердился: знал — такой у нее характер, за словом в карман никогда не лезла.

Однажды в школу приехала комиссия из облоно. Михална принарядилась по этому случаю, и одна из проверяющих дам приняла ее за учительницу. Обратилась к ней.

— Скажите, а вы какой предмет ведете? Мне бы хотелось на урок к вам сходить.

— Ко мне? Всегда пожалуйста!— не растерялась Михална и повела инспекторшу в коридор, взялась за швабру. — Вот какие я уроки даю.

Инспекторша от удивления рот раскрыла. Смеху потом было на целый месяц. И все это время Михална ходила гордая и счастливая от того, что за учительницу ее приняли.

А сколько всего вкусного приносила она из дома, чтобы угостить учителей. До слез обижалась, когда они пытались расплатиться за это.

— С ней всем было хорошо, — вздохнул Иван Иваныч и направился было к директору просить за Анну Михалну.

Но вспомнил властное лицо Сании, ее угрозу его самого выжить из школы — и никуда не пошел.

Через неделю в школе стали собирать деньги на подарок и проводы Анны Михалны.

Деньги Иван Иваныч внес, а на проводы не остался. Знал, обидит этим женщину, от которой много лет видел одно хорошее. И все-таки не смог себя пересилить: слишком безрадостными, скорбными представлялись ему эти проводы.

На следующий день Галина Николаевна ему выговорила:

— Иван Иваныч, я была все-таки лучшего мнения о вас. Не знала, что вы до такой степени черствый человек. Так Анну Михалну обидели, не захотели на ее проводах присутствовать. Сами хорошо знали, как она переживала, если вы в перемены ее чай не пьете. А тут на последнее ее торжество в коллективе не остались. Может быть, она больше всего о вас думала, когда накануне пироги пекла.

— Может, может... А может, мне все это надоело. Сами ведь подсмеивались над этим ухаживанием, — пробовал оправдаться Иван Иванович.

— Я-а? — округлила глаза Галина Николаевна, и губы у нее задрожали.

— Ну, не вы, так другие, — смутился Иван Иванович, и поспешил выйти из учительской: ему сделалось стыдно, словно он кого-то предал.

Вечером, войдя в учительскую, увидел, что Галина Николаевна держит в руках несколько номеров журнала «Наш современник», поджидая кого-то. Сердце радостно подскочило в груди: Принесла мне почитать «У последней черты» Пикуля. Давно обещала достать для меня.

Взглянул виновато-обрадованно на учительницу, а она отвернулась, каменея лицом, шагнула навстречу вошедшей следом за Иваном Ивановичем учительнице математики:

— Ольга Алексеевна, я вам Пикуля принесла почитать... Достала-таки через подругу.

— Да я, собственно говоря, не очень рвалась его читать... Не помню даже, когда и просила у вас, — удивленно вскинула брови математичка. — Разве только для мужа. Он у меня мечтал прочитать эту вещь.

— Ага, для мужа... Я помню, вы для мужа просили... Вот вам все четыре номера сразу, — Галина с нетерпеливой поспешностью сунула журналы в руки растерявшейся учительнице и быстро отошла от нее, кося пугливо настороженным глазом в сторону оторопевшего Ивана Ивановича.

— Вот вы, оказывается, какая! На что еще способны... Выходит, я вас тоже не знал до конца, — с горькой обидой подумал он. — Ну и больно хорошо. На этом поставим точку в наших взаимоотношениях.

7

В начале января в группе с ускоренным сроком обучения, где уроки вела Галина Николаевна, ребята, сдавали экзамены за восьмой класс. Ассистентом на русский язык, как всегда, был назначен Иван Иванович. Прежде, когда ученики писали сочинение, он ходил по рядам и помогал им составить план, следил, верно ли раскрывают они тему. Иногда не выдерживал, замечая ошибку, и сердито тыкал в нее пальцем: «Исправь сейчас же!».

На этот раз повел себя иначе. Все четыре часа, отведенные на сочинение, просидел за экзаменаторским столом. Делал вид, что читает книгу, а сам украдкой наблюдал за Галиной.

Она прохаживалась по классу с недоступно-строгим лицом, теребила носовой платок нервными беспокойными пальцами. Изредка заглядывала в работы учеников и хмурила лоб недовольная. Когда ее о чем-нибудь спрашивали ребята, говорила возмущенным голосом:

— Разве можно об этом спрашивать во время экзамена? — И смотрела на Ивана Ивановича настороженно, с опаской. Он отворачивался и думал:

— Ну и зря так-то. Сама что хочешь делай. Только меня не впутывай, пожалуйста... Хватит, напомогался. Больше не буду.

От совместной проверки сочинений уклонился. Сказал после экзамена Галине:

— Вы проверите все работы и потом мне дадите. Я просмотрю и подпишу.

— Что ж, можно и так, — проговорила она, не поднимая на него глаз.

Просматривая на другой день проверенные сочинения, Иван Иванович пропущенных ошибок не нашел, оценены все работы были правильно, без завышения. Одному ученику Галина поставила двойку за безграмотность: допустил очень много ошибок, а с темой справился неплохо.

Вздыхая, Иван Иванович расписался и в этой работе.

Вечером директор пригласила учителей к себе.

Уставив гневно поблескивающие глаза на последнюю страницу сочинения, оцененного неудовлетворительно, покачала головой:

— Как это вас угораздило влепить двойку за нормальную работу? У него все по делу написано?

Директор подняла глаза и остро посмотрела сначала на Галину Николаевну, потом на Ивана Ивановича.

— Да, за содержание можно было и четыре поставить, а вот грамотность подвела, — сказала Галина.

— А вы куда смотрели? Вас двое было на десять человек. Не могли вовремя подсказать, чтобы он этих ошибок не нашлепал? Я уходила по делам, а вы все время там сидели! — напустилась на учителей Сания.

— Не кричите, пожалуйста, на нас. Мы вели себя на экзамене строго по инструкции, — одернула ее Галина.

— По инструкции они действовали! Не знаете, для чего инструкции пишутся? — едко рассмеялась Сания и откинулась на спинку кресла .— Вы думаете в РОНО нас за это по головке погладят? Неуспевающий ученик из-за каких-то там пяти лишних запятых! Им в первую очередь проценты подавай, и они за это с нас спросят. Надо, чтобы он эту работу переписал. И чем скорее, тем лучше. Понятно?

Директор выбросила на стол руку и застучала перстнем в нетерпеливом ожидании ответа. Наступила тягостная тишина.

Иван Иванович покосился на Галину. Она стояла бледная, нахмурив брови. Почувствовала его взгляд и непокорно тряхнула головой:

— Перепишет, но не скоро. Русским языком сначала позанимается как следует...

— Что? Из-за одного будем еще лишний экзамен устраивать? Дополнительный пакет с новыми темами прикажите мне в РОНО просить? Дудки! Вот сами пойдете за ним. Узнаете, как там с вас шкуру начнут спускать, — постращала учительницу Сания.

— Хорошо. Схожу, когда надо будет. А сейчас извините, у меня консультация начинается. Учащиеся ждут, — Галина повернулась и вышла из кабинета.

— Вон еще как? Ну, погоди! — с угрозой прошипела Сания.

У Ивана Ивановича заболело сердце.

— Мне тоже можно идти? — робко спросил он.

— Тебе? — директор свирепо взглянула на него, но тут же лицо ее смягчилось, хитрая улыбка раздвинула тонкие губы. — Извините, Иван Иванович. Теперь вся надежда на вас. Этой

фифочке я больше не буду кланяться, а с вами, я думаю, мы договоримся. Когда у них устный экзамен? Послезавтра?

— Да, послезавтра, — кивнул Иван Иванович и проникся презрением к себе: так унизительно, подобострастно прозвучал его голос, так рабски сжалось сердце.

— Ладно. Что-нибудь придумаем. Ступайте пока. Но будьте готовы к одной операции, — отпустила его Сания, замыслив, как ему показалось, что-то нехорошее.

А через несколько дней, когда Галины. Николаевны не было в школе, вызвала Ивана Ивановича с урока.

— Там этот Топорков пришел. Ну, который сочинение на двойку написал. Займитесь с ним, — сказала, отводя глаза в сторону.

— Задание по русскому дать? Так это Галина Николаевна, — начал было Иван Иванович и осекся под суровым взглядом директора.

— Бросьте вы, ей богу. Как маленький! — поморщилась она.— Пора разбирать что к чему. Вы сейчас перепишите с ним сочинение. То самое, за которое двойку влепили! Переписывать, естественно, будет он, а вы проследите, чтобы ошибок опять не наделал.

— Но... — хотел возразить Иван Иванович.

— Никаких но! — оборвала его директор, и, поняв, что вышло у ней слишком грубо, взяла другой тон. — Поймите меня правильно. Неужели вам самим не надоело слушать, как на всех совещаниях и конференциях склоняют нашу школу за низкую успеваемость? Вы такой сильный учитель, такие прекрасные уроки даете, а числитесь в плохих. И все потому, что школа, в какой работаете, на плохом счету. Процент успеваемости у нас ниже и намного среднеобластного. А в других вечерних школах разве не такие ученики сидят?

Еще хуже! Поверьте мне... Я была недавно в такой передовой. Нас возили, когда семинар директоров проводился. Там давно двоек не ставят. Никому. Поэтому и в передовиках числятся... Пойдемте со мной. Я вам сочинение Топоркова сейчас дам. Ну то, которое нужно переписать, — Сания взяла Ивана Ивановича за рукав и повела в свой кабинет. Там ее голос зазвучал еще ласковее, угодливее. — Со следующего года у вас последнее пятилетие перед пенсией начнется. Так вот, дорогой мой! Чтобы у вас была приличная пенсия в будущем, мы с завучем посоветовались и решили все эти года не меньше двадцати четырех часов, то есть на полторы ставки вам давать. Вас это, надеюсь, устраивает?

— Да. Неплохо бы, — подтвердил Иван Иванович.

— Вот именно! Поэтому я так и забочусь о вас, о вашем будущем, — подхватила Сания и отперла сейф. Достала из него

сочинение Топоркова и несколько чистых тетрадочных листов со штампом школы. Подала учителю:

— Держите, Топоркова я сейчас сюда приглашу. Адесятому классу, где вы занимаетесь, велю самостоятельно к следующему уроку готовиться. Скажу, вас срочно в РОНО вызвали. По очень важному делу, — директор стремительно вышла из кабинета.

— Вот это влип в историю! — в смятении подумал Иван Иванович и хотел сбежать, пока не поздно.

Бросил на стол сочинение и чистые листки, шагнул к двери. Она распахнулась, — директор ввела в кабинет Топоркова:

— Ну вот, сейчас ты его перепишешь здесь. Только постарайся без ошибок... Обращайся в случае затруднений к Ивану Иванычу. Он с тобой побудет. А я пока исчезну, чтобы не мешать вам, — Сания вышла и захлопнула дверь, повернула ключ в замке.

Иван Иванович тягостно вздохнул:

— Ну, давай, дружище, займемся одним очень-очень неприятным делом. На что только не пойдешь, чтобы к старости иметь кусок сладкого пирога, — подтрунил над собой с жалкой улыбкой.

...Выйдя часа через два из школы. Иван Иванович нос к носу столкнулся с Галиной, спешившей на последние уроки первой смены. Поздоровался и покраснел густо, тяжело. Галина посмотрела на него подозрительно.

— Не знаете, зачем Топорков сейчас в школу приходил? — спросила встревоженным, подрагивающим голосом. — Прошел мимо и даже не поздоровался. Будто я виновата в чем перед ним.

— Нет, не в курсе, к сожалению, — буркнул Иван Иванович, отводя глаза в сторону, и заспешил от учительницы.

* * *

На педсовете по итогам первого полугодия Сания назвала Ивана Ивановича одним из лучших учителей школы.

— А вот другой наш литератор, Галина Николаевна, — продолжала она, — проработала в этом полугодии намного хуже остальных учителей. И отсев в ее классах имеется, и успеваемость по ее предмету ниже. Она даже умудрилась двойку за сочинение в восьмом классе на экзаменах поставить. Тем самым подвела всю школу, весь наш дружный коллектив, можно сказать...

Иван Иванович почувствовал, как жар кинулся в лицо, стало невмоготу дышать. Он оглянулся на Галину. Она сидела бледная с опущенными глазами — глубоко несчастная и беззащитная.

Впервые за все время работы в школе ей приходилось выслушивать такое обвинение. Нелепое и несправедливое. Он это хорошо знал.

«И это все из-за меня! Это я предал ее. И не только ее, но и себя. Самое хорошее, светлое, что жило во мне все эти годы, осквернил, растоптал».

— Неправда это! — громко вырвалось у него.

— Что неправда? — повернулась к нему лицо директор.

— Все, что вы сказали сейчас обо мне и моей коллеге Галине Николаевне, — Иван Иванович с трудом перевел взбунтовавшееся дыхание. — Она... Мы вместе двадцать лет работаем. Это самый честный из всех учитель. Самый принципиальный!

— Вот как вы заговорили! Интересно, с чьего голоса? — директор посмотрела подозрительно на Галину Николаевну.

— Молчать! Я запрещаю! — грохнул по столу кулаком Иван Иванович. — Не имеете права! Это вы... Мы с вами опозорили коллектив. Дали Топоркову переписать проверенное сочинение без ведома Галины Николаевны. Кстати, он в неуспевающих не числится... Вы ему свидетельство выдали, только позднее, и проводили потихоньку черным ходом. Я это видел.

— Ну и что? Жаловаться побежишь? — Сания сощурила глаза в издевательской насмешке.

— Я? — растерялся Иван Иванович и вдруг отчаянно тряхнул головой. — А что? Может, и побегу... Мне это сочинение покоя не дает... Вот это, которое у меня осталось...

Он нагнулся к портфелю и достал листки с первым сочинением Топоркова. Поднял над головой, показывая учителям:

— Это вот — подлинное сочинение, оцененное — и справедливо — двойкой... А там, у директора в сейфе, хранится поддельное, которое мы на пару с учеником сфабриковали по указке директора... Галина Николаевна участия в этом не принимала...

— Разрешите, я взгляну, так ли это? — Сания метнулась к Ивану Ивановичу, выхватила у него сочинение и принялась рвать на мелкие части, приговаривая: — Вот ваши доказательства! Вот! Теперь можете идти жаловаться... Куда угодно! Кто вам поверит?

— Мне? А там, — Иван Иванович хотел сказать, что на переписанном сочинении нет подписи Галины Николаевны, а если есть, — наверняка подделанная, и не смог: в глазах потемнело, сознание захлестнуло нестерпимой болью. Он почувствовал, что падает...

Прошло с полчаса, как скорая помощь увезла Ивана Ивановича, и Галина Николаевна позвонила в больницу.

— У Ивана Ивановича Должикова инфаркт, обширный.

Галина Николаевна положила трубку и зарыдала.

Валерий Секованов

БЕСПЛАТНЫЕ КУРСЫ

Рассказ

В школу городка с красивым названием Марьино перед Крещеньем привезли от хлебосольного спонсора двенадцать новеньких компьютеров. Спонсор раньше учился в Марьинской школе и теперь, когда разбогател, вспомнил о малой Родине — щедрой рукой преподнес юным землякам подарок.

Учительница информатики Творогова Татьяна Борисовна, узнав о подарке, переменилась лицом, побежала к директору школы Панкратову Ивану Станиславовичу. Распахнула дверь, забыв поздороваться, сказала:

— Надо срочно разворачивать компьютерный класс!

— А Вы умеете с новыми компьютерами обращаться? — из кожаного кресла, спросил Иван Станиславович.

— Только теоретически.

Не обращая внимания на реплику учительницы, директор продолжал:

— Я пригласил из областного центра программиста. Пусть до начала учебного года научит всех учителей. Не бесплатно конечно, но, как говорится, игра стоит свеч.

— Когда начнутся курсы? — спросила Татьяна Борисовна.

— С понедельника. А компьютеры завтра установим — спонсор инженера командировал.

В назначенное время начались занятия с учителями. В классе сверкали новенькие компьютеры, на экранах мониторов плавали золотистые рыбки, слегка пошумливали в корпусе системных блоков каждого компьютера вентиляторы.

Обучаться изъявили желание двенадцать учителей. Программист приветливо поздоровался, сказал, что когда-то каждый человек научился писать и считать. Теперь настала очередь ликвидировать компьютерную неграмотность. Учителя, затаив дыхание, слушали.

Программист ходил по кабинету, размахивая руками, и увлеченно рассказывал об истории развития вычислительной техники. Оглядев блуждающим взглядом аудиторию, подошел к компьютеру, за которым сидел директор. Позвал учителей к себе. Когда все собрались, включил сначала монитор — потом системный блок.

Вскоре экран монитора вспыхнул и все присутствующие увидели в левом верхнем углу замысловатые знаки.

Программист молча выключил этот компьютер.

Затем он рассадил учителей за компьютеры. Все с трепетом стали нажимать на кнопки, указанные программистом, каждая операция усваивалась ими с трудом. Только Татьяна Борисовна успешно справилась с работой, подмигиванием подбадривала коллег.

— Не волнуйтесь. Это Ваш трудный, но важный шаг, — успокаивал программист. — Перешагнете психологический барьер и будете уверенно работать. Однако дела у педагогов складывались неважно: одни не могли включить компьютер, другие забывали как его выключать. Программист подходил и терпеливо объяснял.

Когда все справились с поставленной задачей, он рассказывал, что с помощью операционной системы пользователь управляет компьютером, а поэтому без знания «операционки» работа на компьютере невозможна. Потом говорил о «рабочем столе», «папках», «ярлыках» и «файлах». Многие слова были непонятны учителям. Иван Станиславович долго конфузился, не выдержав, встал со стула, развел руками, пожимая плечами, сказал:

— Рабочий стол в моем кабинете я вижу и сижу за ним. Но представить «рабочий стол» на экране, — директор показал рукой на ближайший монитор, — не могу — это абсурд!

— Здесь все ясно, — терпеливо объяснял программист. — Так же как и на рабочем столе Вашего кабинета. Только здесь предполагается виртуальная реальность. Вы не можете папку потрогать руками, как у себя в кабинете, но она существует, в ней хранятся программы-документы.

— Как может хранить папка документы, которые нельзя взять в руки? Я же материалист в конце концов и привык вещи называть своими именами!

Программист, прищурив глаза, сказал:

— Это на первых порах объекты операционной системы кажутся необычными. Привыкните и Вам будет забавно вспомнить.

В классе прошелся оживленный шумок, учителя пожимали плечами. Одна только Татьяна Борисовна кивала головой, показывая всем видом, что ей понятны излагаемые программистом «азы». Еще до поступления компьютеров в школу она увлеченно штудировала умные книжки по новым операционным системам.

На следующем занятии было восемь учителей. Директор пропесочил отказников, пришел в кабинет информатики извиниться, что сам едет в командировку, пожелал успехов в учебе, программиста же просил объяснять новый материал как можно подробнее.

После трех занятий осталось пятеро желающих освоить новую технику. Директор приходил к началу занятий, посидев молча с полчасика, ссылался на неотложные дела и, раскланиваясь, уходил. Остальные учителя во главе с Татьяной Борисовной втянулись в работу с энтузиазмом, изучали текстовые редакторы, электронные таблицы, систему управления базами данных. Даже приходили в компьютерный класс в воскресенье.

Татьяна Борисовна однажды попросила научить их работать с программой «Бухгалтерия». Программист недоуменно глянул на учительницу информатики, спросил:

— Зачем ее показывать ученикам?

Татьяна Борисовна, слегка покраснев, сказала:

— Хочется помочь работникам нашей бухгалтерии…

После полугодовой напряженной работы четыре учителя информатики выполнили программу обучения и получили удостоверение об окончании курсов. Директор пожимал от удовольствия руки. Сам он не садился за компьютер больше чем на пять минут, однако подумывал, что скоро Марьинская школа будет известна во всей области, как образцово-показательная в плане освоения новых информационных технологий, а он — вдохновитель этого процесса, получит знак «Отличник народного просвещения», а потом, глядишь, и «Заслуженного» дадут.

Учебный год подходил к концу, приближались выпускные экзамены. На улице потеплело. В Марьинской школе прохудилась крыша и в коридоре весело закапала вода. Директор расстроился, стал беспокоиться о предстоящем ремонте школы.

Однажды вечером Иван Станиславович зашел в бухгалтерию малого предприятия «Орфей» для заключения договора о поставке школе строительных материалов. Руководителя предприятия на месте не оказалось, секретарь сказала, что он прибудет через полчаса и предложила Ивану Станиславовичу подождать. Директор непроизвольно глянул в маленькую боковую комнатушку, где сидела за компьютером женщина. Лицо Ивана Станиславовича неожиданно вытянулось. Он сделал несколько нерешительных шагов вперед, остановился. Приглядевшись, опешил, попятился назад и остановился уже у порога. Снял запотевшие очки и, сделав опять несколько осторожных шагов вперед, заглянул в комнатушку.

Сидевшая за компьютером женщина ласково сказала:

— Здравствуйте Иван Станиславович.

— Зд-рав-ству-йте Та-ть-яна Бо-ри-со-вна, что Вы тут делаете?

— Работаю по совместительству, — улыбнувшись, сказала Татьяна Борисовна.

— За-чем?

— Мне интересно.

Иван Станиславович вопросов больше не задавал, подойдя к секретарше, недоуменно наблюдавшей за его действиями, сказав что зайдет завтра, поспешно вышел на улицу. Зародилась тревожная мысль: «Чего это Творогова так ласкова со мной. Обычно слова не вытянешь!? Что она надумала?»

В конце августа Татьяна Борисовна положила на стол директора заявление. Вскоре за ней принесли заявления еще четыре учительницы. Директор пытался отговорить, обещал повысить зарплату, улучшить жилищные условия — все напрасно. Тогда он стал стыдить учителей за то, что они его вовремя не предупредили о своем уходе. И это не помогло.

Прочитав заявления, директор обнаружил одну и ту же причину: «Прошу уволить в связи с переходом на другую работу».

«Кому они в нашем городишке нужны? — постукивая пальцами по столу, размышлял Иван Станиславович. — С поклоном обратно придут!

Но вспомнив встречу с Татьяной Борисовной в фирме «Орфей», стал размышлять: «Все пятеро до конца обучались у программиста, получили свидетельство об окончании курсов и теперь бегут в фирмы за длинным рублем!» Помолчав с минуту, добавил: «Хорошо отблагодарили!»

Иван Станиславович подбежал к окну, с размаху рубанул кулаком по подоконнику, пронзительно крикнул: «Обучил!».

Виктор Воронов

МАЯК АРКОНЫ

Автор Виктор Павлович Воронов по итогам нашего конкурса «День Победы» получил диплом первой степени за рассказ «Солдат и маршал». На известие об этом благодарно отозвался и сообщил, что число «13» для него счастливое. И перечислил документальные подтверждения, среди которых поздравление с праздником Победы от Президента В.В.Путина, областных руководителей, разного рода Приглашения, письма, издание «Советский воин» (№13, 1944 г.), в котором был опубликован первый рассказ Виктора Воронина. «Тринадцать лет, — пишет автор, — честно отслужил редактором «Нерехтской правды», за эти годы

газета вышла на самый большой в своей истории тираж — 13 тысяч. И вот Ваше сообщение 13 числа о моем успехе в юбилейном конкурсе...»

Вот другое сочинение. «В рассказе говорится, может (к сожалению) мало, но все же — о моем земляке, шарьинце, адмирале Николае Игнатовиче Виноградове. По комсомольскому призыву Николай Виноградов пошел в 20-х годах на флот. Позднее командовал подводной лодкой. Во время Великой Отечественной войны командовал бригадой подводных лодок на Северном флоте. На Балтике, в конце войны, командовал вновь созданным Юго-Западным Оборонительным районом (ЮЗМОР). Об этом как раз и говорится в рассказе. Хорошо бы посвятить его доброй памяти одного из видных советских флотоводцев, сподвижника и соратника Кузнецова, чье имя и сегодня служит флагом нашему флоту. Оба они — крестьянские дети. Николай Виноградов из костромской деревни Сурихи, а Николай Кузнецов из вологодской деревни Медведки. Почти ровесники, Кузнецов только на три года постарше. Вместе строили, создавали и укрепляли Советский Флот. И показали его доблесть, несокрушимость при защите Отчизны. Н.И.-Виноградов, адмирал Флота. Высшее звание было у Кузнецова — Адмирал Флота Советского Союза.

Буду чрезвычайно рад, если увижу свое сочинение в вашем альманахе — в честь нашего славного земляка. Всего Вам наилучшего.

Виктор Павлович 14.11. 05 г.»

Рассказ посвящается памяти
адмирала Н.И.Виноградова

Майским днем мчится по зеленовато-голубой глади серый кораблик. В стремительном беге он, кажется, вот-вот оторвется от воды и взмоет над этим простором. Два мощных авиационных двигателя несут его и впрямь, как на крыльях, Куда там кавалерии, хоть и окрестили так на флоте торпедные катера. Вихорь, на котором бывало брал все призы в районных конных состязаниях Сережка Колчин, и тот вряд ли бы угнался...

Не впервой ему, теперь флотскому главстаршине, такая гонка. А все равно лицо будто сжимается под напором встречного ветра. Наверно от того у катерников лица такие задубелые, коричневого

цвета. От больших скоростей и соленого, крепленого солнцем ветра. На берегу их сразу отличишь, особенно от подводников, и полагаются им на время ходовой вахты шлемы с очками, как у летчиков, шлемы — зюйдвестки. Тем, кто должен стоять наверху.

Он как раз и стоит наверху, чуть позади командира, подавшись всей фигурой вперед, для устойчивости широко расставив ноги в яловых сапогах. С биноклем у прищуренных глаз вглядывается в горизонт, подернутый сизой дымкой... И глаза у него такие же, зеленовато-голубые, как эта даль...

Еще несколько дней назад шли здесь напряженные бои. Вражеская группировка изо всех сил старалась удержать Свинемюнде, основную морскую базу Германии в Восточной Померании. Поэтому готовность на катере полная боевая. Все на своих местах. И мчится вперед лихой кораблик, оставляя за собой пенный вал. Гудят моторы, наверно под две тысячи оборотов выжимают ребята.

Прямо по курсу что-то замаячило белое, похоже на парус. Навел бинокль. Вспомнил. Подводники в Пиллау, вернувшись с очередной «охоты», рассказывали, что грохнули фрицы своих, когда сматываться в спешке стали. Госпиталь плавучий, забитый ранеными — торпедой... Но судно почему-то не затонуло. Поднялось носом над водой и напоминало сейчас надгробное изваяние.

— Надо же так озвереть, — само собой вырвалось у Колчина. Покачав головой, опустил бинокль. Глянул на командира. Его руки в кожаных черных перчатках, красиво сжимающие штурвал, выразительная длинная спина — все будто так и говорило: «видишь, как здорово управляюсь...»

Что-то не притерлось между ними, какой-то невидимый зазор как образовался с самого прихода щеголеватого лейтенанта Ларионова в новеньком с иголочки мундире — на парад бы только — так и остается по сей день. Казалось, делают одну работу, которой нет ничего пока важнее. Хотя наши и в Берлине уже несколько дней, вот и Свинемюнде взят, но враг еще упорно сопротивляется, продолжаются бои на южном побережье.

Куда как проще было с первым командиром. Старший лейтенант Сарычев умел ладить с подчиненными, не подходил свысока, и доверял. Он так и говорил: «Каждый должен быть сам себе строгим командиром, в бою особенно». Погиб старший лейтенант во время атаки на вражеский корабль. Катеру разворотило снарядом нос. Но торпеду в борт фашисту успели выпустить. Колчин, подхватив падающего командира, другой рукой дотянулся до пусковой кнопки. Погиб тогда и Паша Огородников, второй торпедист группы. «Паша, Паша» — вздохнул Колчин, вспомнив товарища, своего земляка. Они пришли на катер в сорок третьем

вместе. Сергей Колчин, призванный после второго курса педтехникума, до отработавший последнее лето бригадиром в своем колхозе. И Паша — с лесоучастка, где-то под Ветлугой. Натурально, как живые изображал он разные птичьи голоса...

Хоронили их — командира и краснофлотца на Кронштадтском кладбище рядом. Почести отдала вся Краснознаменная бригада торпедных катеров. Вся Кронштадтская база. А израненного, с клочьями обшивки — такой славный малый кораблик, — привели в базу на буксире. Поставили у пристани Морзавода.

Команда переселилась в казарму на берегу. Но скоро и там койки опустели. Разошлись ребята. Кто перевелся на другие корабли, кто подался на сухопутный фронт, морячков там ценили... Колчина застопорило командование дивизиона.

— Остаешься за старшего. В подчинении — моторист, пускай двигатели смотрит, и радист, для связи на случай. Дальнейшее — с назначением командира...

Бои уже в Восточной Пруссии. Вчера взята Клайпеда, важная база для торпедных катеров. Самая страда, а они загорают здесь. Хорошо еще, что «пробились» в док, кое-что исправляют своими силами.

Тут он и появился. В походной меховой куртке-канадке, но в фуражке, слегка сдвинутой на левую крутую бровь.

— Я ваш новый командир, старший лейтенант Егор Поспелов, — блеснув острыми карими глазами, и почему-то сразу к нему — Ты Колчин? — были-то все трое в брезентовых спецовках, погон старшинских не видно. Не дослушав положенное «так точно», огорошил еще раз.

В учителя собираешься, вот и давай завтра, прямо с утра, в Западные казармы, к новобранцам. Подберешь команду. Представь, что это будет твой лучший класс. Практика. — Кажется, даже подмигнул при этом. — А я тут с рабочим классом потолкую, чтобы поднажали с ремонтом. Нам до шапочного разбору поспеть надо, — добавил уже с серьезным видом.

Шустиков с Мариничевым переглянулись, как бы говоря: «ну, даст шороху старлей...»

В начале февраля сорок пятого шли полным ходом к берегам Восточной Пруссии. Первыми из «плавающих» заскочили в порт Кранц. Первый для них этот немецкий городок оказался живописным курортом, сплошь в стекле и зелени, подстриженной под гребенку.

— Наш Поспелов и тут поспел, — дали свою оценку ребята, сойдя на берег. Белая, словно пена песчаная коса протянула свое острие

до самого горизонта, где море и небо слились в одинаково синий цвет. Костя Шустиков при виде такой картины, вздохнул мечтательно.

— Братцы, обязательно приеду сюда после войны. На этом песочке поваляться и подышать чистым морем, без мазуту и пороху. Жену привезу...

Припомнив этот, не столь и давний эпизод, но уже оставшийся где-то за кормой, Колчин не сдержал улыбки. И даже глянул в отверстие люка, в недрах которого Костя с напарником Никулиным несли вахту у двигателей, у самого сердца корабля. Улыбнулся потому, что ни у Шустикова, ни у кого их этих ребят последнего призыва жен еще не было. У кого-то — и невест. Война затребовала семнадцатилетних пацанов. Да и сам-то, намного ли старше...

И тут, впервые за эти два с лишним года, начатые у причалов Кронштадта, подумал — «А кто тебя ждет? Мать — понятно. Но кому ты, Серега Колчин, пошлешь фотографию своей «колоритной внешности» (бойкий фотограф из «Балтийца» так сказал о его наружности, снимая в момент вручения ордена). Той большеглазой с отделения ботаников?»

Она появилась почему-то на втором уже курсе. Толком и не познакомился. Встречался взглядами — вот и все... После летних каникул в техникум не вернулся. За деревенскими воротами обвисшими до земли, раскрытыми настежь, перекрестила своими скрюченными пальцами добрая бабка Миля. До станции, за тридцать верст, провожала мать. Запомнились ее глаза, полные режущей сердце печали… Тоже серые с голубизной, как и у «ботанички»...

Отгоняя размагничивающие мысли, переступил с ноги на ногу, потверже уперся ими в дюралевую палубу и приник к биноклю. Обманчива и коварна может быть эта играющая на солнце бездонная глубина. Пустынно на горизонте и пустынны рейды. Куда-то исчезли немецкие крейсера.

— Успели драпануть к союзничкам, — шевельнул в усмешке обветренные губы. Гудят моторы, твердят свое: быстрей, быстрей, быстрей... На своих местах команда — готовность № 1 — полная боевая.

Но у штурвала — другой командир. Какой-то не свойский. Все хочет сам. От ревности что ли к тому, чье место занял?

Поспелову, конечно, выпал фарт. Только перебазировались от Кронштадтских берегов на юг, в первый же выход в район Либавы потопили большой транспорт, груженый выше ватерлинии техникой и боеприпасами. Вон, знак этому — вторая звезда на рубке, рядом с Сарычевской посмертной. Всем — благодарность. Пятерых представил к наградам. Перед ним вроде как покаялся:

— Землячки-то твои, дельные. Не забыл видно, как подел тогда за новобранцев. Сказал тоже: — Ты чего, Колчин, хочешь устроить на корабле деревенские посиделки? — Даже обидно было. Думал наоборот лучше сделать. Встретил в экипаже знакомого парня из Ивановского района. Тот и рассказал: — «Наших костромских тут не меньшу роты». — Ну и решил, что ребята вместе дружней воевать будут. Отобрал ивановских, шарьинских, макарьевских... В общем-то, по принципу — кто к рекам поближе родился. И не ошибся. Признал таки это Поспелов...

Не то еще ждало впереди. В марте сорок пятого образовался Юго-Западный морской оборонительный район (ЮЗМОР), в состав вошла и бригада торпедных катеров. Командование районом принял вице-адмирал Виноградов, командовавший с первых дней войны подводными лодками Северного флота. На боевом счету подводников значились десятки потопленных вражеских транспортов с техникой и боеприпасами, боевых кораблей.

Эта новость обрадовала Колчина. Будто получил добрую весточку из дому, либо от отца Степана Колчина, шагающего теперь где-то по Европе рядового пехоты. Батя и рассказывал про своего одногодка и сотоварища молодости Кольку из соседней деревни Сурихи. Верховодил тот на гулянках во всей округе. На спор отбивал у парней самых красивых девчонок.

К удивлению многих, знавших «сурихинского атамана» не понаслышке, его вдруг как подменили. Вместо бесшабашных гулянок зачастил в район, без малого за тир десятка верст пешком. Однажды вернулся оттуда с комсомольским билетом. Осенью двадцать третьего года с краюхой материнского хлеба и луковицей в котомке отправился в далекий и неведомый Кронштадт. Оттуда, стало быть, и он начинал флотскую службу... Как тут не порадоваться — командующий чуть ли не родня. Поспелов, встретившись утром на пирсе, заметил:

— Главстаршина, у тебя такой вид, будто домой собрался.

Можно сказать и так — отозвался он. И не без подначки добавил — Земляк тоже адмирал-то. С батькой моим в парнях гуляли вместе. У Поспелова загорелись глаза.

— Так это же, понимаешь, туз козырный для нас с тобой, — даже потряс в подтверждение своим крепким загорелым кулаком.

Построив команду, Поспелов объявил о новом подчинении и под чьим флагом теперь будет воевать корабль.

— Костромских касается особо. Вице-адмирал Николай Игнатьевич Виноградов ваш земляк... — хотел что-то еще сказать, но дружное «Ур-ра!» опередило.

С первых дней апреля — одна атака за другой. Били конвои с боеприпасами и живой силой следующие в Пиллау. Эту морскую крепость немцы удерживали изо всех сил, как главную свою опору на морском рубеже Восточной Пруссии.

В Донцигской бухте, из Нейфорвассер вышли парой. Ведущий — Поспелов. Летели как никогда... Ларионову так не суметь, не тот подход... Катер уже дрожал всем корпусом, а Поспелов едва не стонал сквозь надрывный рев моторов:

— Ребята, еще, еще чуток газку! И опередили немцев. Снаряды с ихнего эсминца перелетали «через голову», не задевая. Оба катера, подлетев на нужную дистанцию сделали боевой разворот. И две торпеды почти одновременно скользнули с их бортов, пошли к цели. Фашисты видели два следа, два серых бурунчика. Но ничего уже не могли сделать...

За тот эскадренный миноносец усиленного типа на кителе Поспелова рядом с Красной звездой и Отечественной войной занял свое место орден Красного знамени. У Колчина к медалям «За Отвагу» и «За оборону Ленинграда» прибавился орден Красной звезды.

— Что я тебе говорил — командир сжимал ему руку, блестя азартными карими глазами.

Через несколько дней Поспелов уходил. Его, уже капитан-лейтенанта, переводили на дивизион.

— Пойдем со мной, Сергей... — настаивал, — Ты же перспективный. Дам рекомендацию во Фрунзенку, классным командиром станешь...

Насчет училища, пожалуй, стоило подумать. Но пока отказался. Сказал: — Я уж с ребятами, до конца...

Теперь совсем близко. Наши в Берлине, значит не сегодня-завтра конец войне...

До Ростока, взятого три дня назад осталось по штурманской карте не больше двух часов ходу. Там будет базироваться соединение кораблей охраны водного района. Потому и приказано: «Осмотреть, проверить состояние базы, ее портовых сооружений». Туда и несет их кораблик, ставший для него, Сереги Колчина как живое существо.

На призрачно-синем горизонте завиднелись темные очертания берегов. Бинокль и скорость катера приближают их. Да, это уже остров Рюген. Плывут навстречу крутые берега. Теперь и без бинокля можно разглядеть сады в бело-розовом цвету, и дома с высокими заостренными крышами. По лекциям в педтехникуме запомнилось, что в давние века остров населяли племена балтийских славян. И назывался он по-славянски — Руя. Был здесь город Аркона — место поклонения мифическому богу Святовиту.

Вот уже виден, вдавшийся в море крутой, почти отвесный мыс. Там и стоял этот город. Выходит, и в давние времена были святотатцы, подобные Гитлеру. Разрушил Аркону и само святилище датский король Вольдемар. У фашистов на Рюгене наша разведка обнаружила хитро замаскированный аэродром, целый городок под видом рыбачьего поселка. Огромные ангары, в которые прятались самолеты, были так укрыты, что их едва удалось разглядеть с воздуха. Отсюда они летали бомбить Ленинград... Уроки истории... Если бы их все усваивали...

А мыс, похожий на вытянутую морду медведя, вынюхивающего добычу, все ближе, ближе. Над самой кручей отчетливо вырисовывается маяк. Маяк Арконы обозначен на штурманской карте, лежащей перед командиром. У Колчина он в зрительной памяти, как и весь этот мыс. За ним будет поворот влево, вокруг этого хищного медвежьего носа, и там — прямиком на Росток.

Гудят — воют моторы: скоро-скоро-скоро... Но странно... Кажется, маяк мигает своими огнями. Почему днем? Когда вовсю светит солнце и видимость лучше некуда. Подскочил сбоку комендор Миша Степанов. Едва удерживая равновесие, кричит в самое ухо:

— Главстаршина, он чего-то семафорит! — Колчин поднес бинокль вплотную к глазам, вспышки едва заметны. Отрывистая череда — то короткие, то продолговатые. Да так и есть, маяк подавал сигналы морзянкой: «Стойте, стойте!».

Что это значит? Может какая-то вражеская группа засела тут, на самом краю Германии... Но почему тогда не стреляют? А командир — то ли не обратил внимания на сигналы, то ли еще почему, приказал дать самые полные обороты.

Катер рванулся, словно подпрыгнув. Краем глаза Колчин видит уверенную спину лейтенанта и черные перчатки на штурвале. Одновременно бинокль улавливает впереди, в прозрачной зеленовато-голубой воде, в каких-то десятках метров черный рогатый шар. Вот о чем, кто-то не очень умелый предупреждал с маяка. Спокойно покачивается на своем держателе — минрете, поджидая жертву. Катер летит прямо на него. Некогда уже давать «стоп». В одном прыжке Колчин оттолкнул, почти отбросил лейтенанта, рванул штурвал вправо. В тот же миг перед носом катера возник другой такой же, будь он проклят, рогатый! Ясно — фарватер перегорожен минами на малой глубине. Даже самоходная баржа-плоскодонка не пройдет, не задев их.

Всем телом он почувствовал смертоносный толчок, катер «оседлал» мину...

Эх, Серега! Не уберег ребят, — только и успел выдавить охрипшим голосом. Последнее что он увидел в грязно-желтом пламени,

вымахнувшем изнутри разорванного корпуса, подброшенное вверх туловище лейтенанта Ларионова с растопыренными руками в черных кожаных перчатках, без ног...

Взбудораженное море будто опрокинулось на них всей своей мегатонной тяжестью.

Невозмутимо светило солнце и буйно цвели сады по всему побережью. А чайки с надрывным криком кружили у того мыса, словно что-то высматривая в глубине... Шел последний день войны.

9 мая 1945-го фашистская Германия безоговорочно капитулировала, признав свое поражение на суше и на море.

* * *

В такие же майские дни плывущие близ Арконы моряки видели на воде венки. Как раз восемнадцать. Столько было ребят. Большинству — по восемнадцать лет...

Откуда узнали военную тайну дочка старого немца смотрителя маяка с русским именем Мария и ее подружки, дочери рыбаков, — не известно. Может прокричали всевидящие чайки, эти вечные спутницы моряков или, раскрыл ее все-таки тот капитан первого ранга, комбриговский белый глиссер которого еще не раз и не два в эти же самые дни останавливался у мыса когда-то славянского острова. Обнажив седую голову, он стоял неподвижно на борту и твердо сжимая губы, глядел усталыми карими глазами, как тихо покачиваются венки на зеленовато-голубой поверхности моря...

В такие моменты чайки не кричали. Они плавно парили, то взмывая ввысь, то опускаясь к самой воде...

А в далекой России матери все ждали своих сыновей.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

«ДЕВЯТНАДЦАТЬ НОВЫХ»

Храню уникальную книжицу — изданный в 1923 году костромскими стихотворцами и прозаиками альманах с прямолинейным названием «Девятнадцать новых». Этим названием общественная редколлегия обозначила факт прихода в литературу молодых, вдохновенны революцией сочинителей, объединившихся в творческую «Секцию работников печати». Пока их только девятнадцать, но после выхода в свет альманаха редколлегия уверена, что ряды костромских литераторов будут интенсивно пополняться.

«Все произведения, — говорится в предисловии, — представляют собой продукт одиночек, разбросанных по разным углам нашего края... Начатая их «перекличка» послужила к тому, что довольно большая группа поэтов и прозаиков спаялась в одно целое, объединенное одним общим стремлением идти в ногу с революцией». И доказательство этому — выход альманаха.

Большинство авторов сборника — штатные и нештатные корреспонденты костромской губернской газеты «Красный мир». Под ее эгидой и отпечатан альманах солидным для того времени тиражом в 1200 экземпляров.

Имена тех, кто удостоился чести занять страницы альманаха, сегодняшнему молодому читателю вряд ли знакомы. Да и пожилому костромичу мало что скажут: все-таки восемьдесят лет — разрыв солидный, другая эпоха. И только те из старожилов, кто в юности не чуждался литературной жизни Костромы, припомнят, что были такие задиристые, горластые витии, завсегдатаи дискуссий и любительских вечеров поэзии. Железной строкой «под Маяковского» крушили они недобитых буржуев, мироедов и прочую погань, мешающую строительству бесклассового общества и формированию нового мировоззрения в умах обывателей.

Никто из них не дожил до наших дней, но некоторые оставили память о себе не только на листах «ископаемого» альманаха. Они стали профессиональными писателями, критиками, литературоведами, редакторами толстых журналов.

Александр Высотский — глава костромского губполитпросвета, по совместительству редактор местной литературной газеты «Красный понедельник», был инициатором выпуска альманаха. Для него отобрал из газеты наиболее значимые произведения и предпослал им свое, выдержанное в революционном духе предисловие. Сам он ни стихов, ни художественной прозы не писал, но был человеком предприимчивым, начитанным, разбиравшимся в литературном процессе 20-х годов. Это с его «подачи» двинули в писательство наши земляки Семен Дунаев, Мария Комиссарова, Вячеслав Лебедев, Александр Алешин и др. Все они были в числе девятнадцати авторов альманаха, а потом активно сотрудничали в костромских губернских журналах «Ледокол», «Смычка», «Шмель», редактором которых был все тот же Высотский. Впоследствии он получил известность как критик и незаурядный литературовед, в 30-х годах возглавлявший журнал «Сибирские огни».

Коротко о других авторах альманаха. Семен Дунаев со дня создания губернской газеты «Красный мир» (1920) активно снабжал ее стихами и даже сумел выпустить свой поэтический сборник в 30 страниц «По родному краю». Не обходил он вниманием и другие периодические издания, а когда в губернии открылась газета «Голос молодежи», неутомимый Семен Дунаев — или, как его именовали друзья, «Костромской Безыменский» — был назначен ее редактором.

В альманахе, кроме трех стихотворений Семена, была напечатано его программное четверостишие — своеобразное откровение

молодого человека новой формации, познавшего неписанные законы бытия:

Я чуда ждал от горних сил,
Душа давно его просила.
А разум в тайну посвятил,
Что чудо там, где труд и сила.

В 30-х годах после учебы в КИЖе (Коммунистический институт журналистики) Дунаева направили редактировать газету «Советская Бурятия». Я лично познакомился с Семеном Дмитриевичем в 1963 году, когда работал в Забайкалье собственным корреспондентом ТАСС. В то время Дунаев слыл первостатейным поэтом Сибири, имевшим в своем творческом активе двадцать книг. Его комсомольский задор не иссяк и на склоне лет, о чем свидетельствуют стихи, публиковавшиеся в местной и региональной периодике. Умер Дунаев в 1970 году.

На страницах костромского альманаха состоялась «проба пера» восемнадцатилетней дочери крестьянина села Андреевского Марии Комиссаровой. Из трех ее стихов обращает на себя внимание «Осень» — чудесная лирическая миниатюра, по которой можно было предсказать автору большое поэтическое будущее.

Так оно и случилось. Два года спустя Мария поступила на отделение литературы Ленинградского пединститута им. Герцена и, будучи студенткой третьего курса, издала свой первый поэтический сборник «Первопуток»! Назад в костромские края Мария Ивановна не вернулась. Дальнейшая ее жизнь и творчество связано с городом на Неве. Здесь она получила всероссийскую известность как тонкий лирик — певец родной природы, как незаурядная переводчица произведений украинских и белорусских поэтов.

Но став знаменитостью, Мария Комиссарова не забыла свою малую родину: приезжала сама, посылала в библиотеки свои книги, участвовала в различных писательских «форумах» и выездных секретариатах, проводившихся в 70-е годы на костромской земле.

Значительную часть печатной площади альманаха заняли произведения Александра Алешина. Его стихами «На реке» и «ВЦИК» открывается сборник, а заканчивается — повестью «Мастер Ковригин». По прожитым годам и по жизненному опыту Алешин превосходил всех своих собратьев по перу. В 1915 году, окончив школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне, был комиссован по ранению.

При советской власти началась его журналистская деятельность в костромских газетах. Но душа лежала к писательскому труду. Стихи, очерки и рассказы поначалу печатались только в

костромских изданиях. Но потом их охотно стали брать в столичные журналы «Красная нива», «Красная новь» и др.

К началу 30-х годов А. Алешин получает широкую известность во всех областях Верхневолжья как писатель и руководитель объединения литераторов Ивановской промышленной области, куда входила большая часть территории расчлененной Костромской губернии. Он был избран делегатом Первого съезда Союза писателей СССР.

К сожалению, Александр Павлович не смог реализовать все свои способности в литературе и живописи. В 1936 году он подвергся необоснованному аресту и провел в неволе лучшие для творчества годы. Умер в 1943 году.

Но пожалуй, самая богатая событиями судьба выпала на долю самого молодого автора альманаха — Вячеслава Лебедева. В этом сборнике скромный корректор газеты на удивление коллегам по «Секции работников печати» выдал авангардистскую «Поэму о пламени». А три года спустя в столице была издана его пьеса «Холщевые штаны», обошедшая сцены Москвы, Ленинграда и ряда периферийных театров!

Работая собкором «Правды» на Дальнем Востоке, он успешно совмещал журналистику с литературным трудом. Его роман «Дары Тинтинхо» высоко оценил А. М. Горький и дал рекомендацию нашему земляку для вступления в Союз писателей. Широко известны две его повести о знаменитом пролетарском полководце Михаиле Фрунзе, трилогия о Максиме Горьком, пьеса о А. Н. Островском. Романом «Млечный берег» Вячеслав Алексеевич прославил на всю страну славных караваевских животноводов.

Из остальных авторов альманаха, очевидно, не получилось профессиональных поэтов. И вовсе не потому, что они были бесталанны. В стихах Анатолия Дьяконова и Владимира Никифоровского чувствуется самобытность, и при желании оба могли бы достичь определенных успехов. Но что-то помешало их дальнейшему росту. В конце 20-х годов оба уехали в Ленинград. Дьяконов, используя костромской опыт, некоторое время руководил литературным объединением военнослужащих Ленинградского округа и Балтийского флота, а Никифоровский бросил поэзию, перешел на документальную прозу и написал несколько очерковых книг.

В начале 20-х годов еще не было ярко выраженного антагонизма между представителями «пролетарского» и «чистого» искусства. Они как-то уживались под одной крышей сборников, хотя приоритет, естественно, отдавался первому.

Виталий ПАШИН

Алексей Базанков

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

19 декабря 1924 года в Костроме состоялось организационное собрание пролетарских писателей, на котором присутствовало 16 человек. Было решено установить связь с Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей и образовать в Костроме ее филиал; сделать почин в объединении пролетарских писателей с пролетарскими художниками; прийти на помощь местным советским, партийным и культурно-просветительным учреждениям созданием необходимой литературы для рабочих клубов, изб-читален и т.д.[1] Делегатами на I конференцию Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) были избраны от Костромы А. Алешин и С. Дунаев. А в феврале 1925 года избирается правление Костромского отделения ВАПП, в него вошли С.Дунаев, Ф.Меден, В.Никифоровский, А.Алешин, М.Петров (от рабкоров) и Б.Завьялов (от комсомола). Заметную роль в литературной жизни Костромы играл одно время Г.Ф.Устинов, довольно известный писатель, приятель С.Есенина.

С середины 20-х годов в Иваново-Вознесенске действует местная ассоциация пролетарских писателей (ИВАПП), входившая в РАПП. Некоторые из писателей еще раньше связали свою творческую судьбу с литературной группой «Перевал», возглавляемой А.Воронским (Д.Семеновский, Н.Колоколов, Е.Вихрев, Н.Смирнов). Но резкого антагонизма между «рапповцами» и «перевальцами» в Иваново-Вознесенске не было. Писатели в основном продолжали группироваться вокруг партийно-советской газеты «Рабочий край», делая одно общее литературное дело.

В октябре 1925 года в Ярославле состоялся первый губернский съезд пролетарских писателей. (Раньше ярославские члены ассоциации примыкали к Иваново-Вознесенскому отделению ВАПП).[2] Был санкционирован выпуск еженедельника ЯрАПП «Литературные письма», в первом номере которого было опубликовано обращение «ВСЕМ ЧЛЕНАМ АССОЦИАЦИИ»

Оно извещало об издании еженедельника «Литературные письма», который должен был служить связующим звеном между членами Ассоциации, разбросанным по всем уголкам губернии.[3] Еженедельник должен был освещать текущую работу, анализировать

важнейшие вопросы политики и тактики ВАПП. Правление, в этом обращении, призывало всех членов выписать бюллетень и активно сотрудничать в нем, присылая сведения о своей работе.[4]

Наиболее активными и политизированными в этот период были писатели и литераторы. Кроме того, им было необходимо постоянное общение с собратьями по перу. Именно к литераторам, в силу их непосредственного обращения к массам через публикации, власть проявляла наиболее пристальное внимание, стремилась контролировать творчество, поощряя сначала создание Пролеткульта, а затем различных пролетарски ориентированных писательских организаций, делая ставку в первую очередь именно на РАПП. Этими факторами объясняется его популярность и массовость в нашем регионе. На примере РАППа отрабатывались приемы контроля над художественной интеллигенцией в стране и в Верхнем Поволжье.

В 1925 году появляются отделения АХРР в Иваново-Вознесенской и Костромской губерниях. В Декларации Костромского отделения Ассоциации художников революционной России[5] нашли отражение общие тенденции культурной политики партии и государства. Провозглашенные принципы поразительно напоминают постановления Пролетарских писателей. Это еще раз подтверждает мысль о переносе партийно-государственной политики в области литературного творчества на все виды искусства. Представители других творческих профессий в Костромской, Ивановской, Ярославской, Владимирской областях не проявляли столь сильного интереса к творческим организациям, а довольствовались общением в рамках театральных, музыкальных коллективов и ежегодных Конференций.

Ставка на «живые силы» еще нарастала, поэтому начался приток молодежи, пробующей себя в художественной деятельности. Пошли молодые писатели, поэты, художники из рабочей и крестьянской среды. На некоторых из них действовал эффект рождения быстрой популярности, они самоутверждались в претензии на значительность, не располагая достаточным опытом и талантом.

Ситуация, в которой оказалась творческая интеллигенция после гражданской войны, заставляла представителей всех видов искусств думать прежде всего о выживании при тяжелых экономических условиях. Особенно трудно было в провинции. Помощи ждали в первую очередь от профсоюзных организаций. В основном от РАБИСа, некоторые представители художественной интеллигенции — от РАБПРОСа. Эти организации включали в себя не только «работников искусств» — художественную интеллигенцию, но и технический, обслуживающий персонал учреждений культуры.

Архивные материалы свидетельствуют: в профсоюзе работников искусств вели учет безработных артистов, музыкантов, актеров, литераторов, художников. По возможности им давали временные и сдельные работы. Конечно, поражает количество безработных, забытых людей, от которых новая власть отказалась. Она не хотела, даже в условиях некоторой демократизации в период НЭПа, предоставлять возможность для выражения личной позиции. Вы можете писать, что угодно, а вот издавать и получать деньги — только за то, что нужно идеологизированному порядку.

Но были и способы поддержки членов союза. Они кыражались в конкретных действиях различных организаций. Например, Губсоюз работников просвещения и социалистической культуры предлагал не имеющим электрического освещения дать сведения в 3-х дневный срок, подтверждая факты удостоверениями домкомхозов и райкомов.[6] Тот же союз доводил до сведения работников искусств, что в течение великого поста работы «во всех зрелищных предприятиях должны проводиться нормальным порядком».[7]

Нельзя оставить без внимания и другие факты регламентации, свидетельствующие о положении творческих работников. В перевыборах городского совета в Костроме не участвовал ни один кандидат от профсоюза работников искусств.[8] Факт свидетельствует о подозрительном отношении к профессиональным союзам художественной интеллигенции. Формирование руководящих органов с преимущественным вниманием к представителям пролетариата — особенность государственной политики того времени. Недостаток внимания заметен в моральном и материальном плане. Чрезвычайно низкий уровень жизни большинства творческих кадров приводит к необходимости организации касс взаимопомощи централизованным порядком. Второго марта 1923 года заседала Комиссия по разработке вопроса об отчислении в фонд взаимопомощи с литературного заработка (присутствовали Каганович, Вардин) при крайней неравномерности такового — каждые три месяца. [9]

Не трудно представить сколь далеко расходились душевные порывы и материальные возможности художественной интеллигенции. Творческий человек постоянно нуждается в новых ощущениях, путешествиях, поездках за границу и по стране. За весь исследуемый период лишь несколько раз встретилось упоминание о выделении путевок в санаторий или дом отдыха для профсоюза работников искусств. К сожалению, не удалось выяснить кто же ими воспользовался: художники, артисты, писатели или пролетариат от искусства. Разверстка мест в дом отдыха Профинтерн. «Членов Рабис — 237. Направлено — 2».[10] Летом 1925 года все профессиональные союзы получили путевки на юг, кроме Костромского РАБИСа.[11]

Владимирский Губрабис проявлял больше заботы об отдыхе своих членов. Регулярно предоставлялись путевки в местные и южные здравницы для 1-4 представителей отделений по губернии. Оказывалась материальная помощь отдыхающим индивидуально.[12] Нельзя оставить без внимания такую череду фактов, свидетельствующих о положении творческих работников.

По поручению Иваново-Вознесенских литераторов руководитель литературного пропагандистского отдела Губполитпросвета Жижин обратился с ходатайством к Народному Комиссару по Просвещению тов. Луначарскому. «Условия у большинства из нас настолько неприглядны и тяжелы, что за последнее время почти весь запас духовных сил и энергии приходится затрачивать на размышления о хлебе насущном. За последнее время с переходом к новой экономической политике, многие из нас лишились всякого продовольственного пайка, а заработок вместе с содержанием не стал превышать 800 тысяч рублей или у иных миллиона рублей».[13] В столичных городах положение творческой интеллигенции было значительно лучше. Иван Иванович просит приравнять провинциальных писателей, частично, в отношении продовольственного пайка, к столичным пролетарским писателям и поэтам.

Но находились «инструктивные» основания для отказов. «В силу специфических условий труда работники художественно-творческого труда не имеют ограничения часов при творческой работе, а потому никаких оплат переигранных часов не может быть установлено».[14]

Чтобы не допустить недовольства или неподчинения, в 1923 году предусматривались жесткие штрафные санкции: «Отказ артистов от ролей: 1 раз — 7-ми дневная заработная плата; 2 раз — 10-ти дневная; 3 раз — 30-ти дневная. Незнание роли: 1 раз — 3-х дневная заработная плата; 2 раз — 7-ми дневная».[15]

В данной ситуации власть предлагает выбор! Зарубежные историки называют его «мягким курсом». Трудно жить? Нечего есть? Уступите, смягчите формулировки и тогда пойдет. Получая что-то, творцы должны были чем-то жертвовать. По сути это было политикой дискриминации в отношении художественной интеллигенции. Не выдерживали в первую очередь те, у кого не было всероссийского имени. К концу 1920-х ситуация резко ухудшается. Право на жизнь имеют только идеологически выдержанные произведения. В контроль над интеллигенцией активно включается ОГПУ. Властные структуры интересует настроение творческой интеллигенции, отношение к режиссуре и администрации, политике партии и государства. Вот, например, одно из донесений Иваново-Вознесенского ГОО.ГПУ о ситуации в Советском театре

Гороно в 1927 г.: «Труппа без головы, интриги, травля... Зверствуют рецензия и цензура. В верхах театр травят. Цензура снимает пьесы. Встречаются случаи раздачи артистам водки для нагрева, т.к. в клубах холодно, были случаи отказов от выступлений».[16]

Художественную интеллигенцию не затронула и волна выдвиженчества начала 20-х годов. Правление Костромского Союза Рабис сообщает, что выдвиженцев не имеется. 23/2-25г.[17] На основе анализа архивных документов можно сделать вывод об отсутствии выдвиженчества среди крестьянской и пролетарской художественной интеллигенции. Эта мысль косвенно подтверждается работой Д.А.Волкова, в которой нет материалов о такой практике.[18]

У государства было особое отношение к художественной интеллигенции. В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» декларировалась поддержка всем молодым пролетарским писателям, поэтам и драматургам. Отмечено, что для советской власти представляют ценность все писатели, независимо от их литературной платформы. Подвергались критике чванство, легкомысленное и пренебрежительное отношение к культурному наследию и к «специалистам художественного слова». Но тем не менее подтверждена была линия партии: руководство в области литературы принадлежит рабочему классу. Крестьянские писатели вынуждены были подстраиваться под пролетарский стиль и пролетарскую тематику, расставаться с родным укладом. Любое несоответствие генеральной линии могло послужить поводом для обвинения в антипролетарских настроениях, мелкобуржуазности, национализме и т.д.[19]

Такой документ был первой резолюцией переходного периода. С этого момента любые проявления «нэповской свободы» в духовной сфере общества могли стать подсудными и наказуемыми. Орудием прямого регулирования художественного творчества становятся РАПП в литературе, АХРР в изобразительном искусстве. В начале 1920-х еще не было организаций, контролировавших большинство творческих работников.

Позже организуется Федерация объединений советских писателей (ФОСП). В нее войдут кроме РАППовцев представители «Кузницы», «Серапионовых братьев», «Перевала», Союза крестьянских писателей, ЛЕФа (Левый фронт искусства), ЛЦК (Литературный центр конструктивистов). Конечно, крупным организациям было легче решить проблемы профессионального образования, преодолеть материальные трудности. Но за это пришлось заплатить творческой свободой. Появились инициаторы культурного принижения: творчество понимается как долг — идея эта пульсировала во всей революционной культуре и через ЛЕФовскую теорию «социально-

го заказа» утверждалась в формулах соцреализма. Формировался тип «нового творца».[21]

По всей стране начали действовать истоки угодничающей идеологической графомании. Провинция во всем подражала столице. Происходило упрощение культуры, т.е. примитивизация. Кроме того, широко распространялись взгляды о несамостоятельности, неустойчивости интеллигенции, которая, якобы, не способна к самостоятельной политической деятельности и должна лишь служить интересам пролетариата. В годы НЭПа была обеспечена монополия государства на культуру, начиная с системы образования и кончая различными видами искусств. Этому способствовала абсолютная собственность государства на материальную базу культуры. В условиях отсутствия политической оппозиции и даже плюрализма, литература и искусство могли лишь пропагандировать официальные идеологические установки...

Перед культурой официально ставилась задача «перековки» человека, по существу, полного подчинения его тоталитарному государству. Для этого необходимо было на место общечеловеческих моральных ценностей поставить «классовую мораль пролетариата», который уже поднялся выше буржуазного гуманизма и пацифизма» — Эта точка зрения была официально поддержана и принята, например, на I Всесоюзном съезде советских писателей. «Революционной целесообразностью» оправдывался любой произвол и насилие.

Тоталитарное государство особое внимание уделяло контролю за интеллигенцией. Регулировалась численность, качественный состав путем «пролетаризации» высшей школы и идеологизации всей системы высшего образования и т.п. Как видим, после победы Советской власти вопрос об отношении интеллигенции к власти и власти к интеллигенции принял новое качество, потому что интеллигенция оказалась расколотой: одна ее часть сотрудничала с новой властью и постепенно входила в структуры управления, а другая сдержанно относилась к переустройству жизни и культуры, тем самым вызывая дополнительное беспокойство местной власти.[22]

Партийные и советские структуры управления в провинции по существу решали общую задачу — обеспечение активного и безусловного служения всей художественной интеллигенции государственным интересам. Общая задача решалась сочетанием «жестких» и «мягких» методов воздействия.

Агитационно-пропагандистские отделы губкомов РКП(б) стремились использовать творческих работников в качестве проводников политики партии в массы, заботились о том, чтобы они были идеологически натренированы. В этом они опирались на

контролирующие органы и пролетарские творческие организации. Советские органы обеспечивали по возможности материальную и творческую базу, заботились об условиях быта, труда и учебы. Этим советская власть вовлекала в культурное строительство даже тех, кто настороженно относился к политике партии.

Художественная интеллигенция Верхнего Поволжья, за редким исключением, шла на сотрудничество с партийной и советской властью, даже занимала руководящие должности, участвовала в культурной, пропагандистской и просветительской работе, создавала идеологически выдержанные произведения.

---

1 См.: Писатели Костромы (1918-1975). — Кострома, 1981. — С.6.
2 ЦДНИЯО Ф.1. — Оп.27. — Д.2111. — Л.10.
3 См.: ЦДНИ ЯО Ф.1. — Оп.27. — Д.2556. — Л.5.
4 См.: Там же.
5 Великая Октябрьская революция, неся освобождение творческим силам народа, пробуждает самосознание народных масс и художников, выразителей духовной жизни народа. Наш гражданский долг перед человечеством запечатлеть величайший момент в истории в его революционном порыве. Случайные, существующие в настоящее время персональные группировки художников бесплодны и чужды революции по своему идеологическому содержанию, а это содержание в искусстве мы считаем одним из основных признаков жизненности художественного произведения, и желание выразить это содержание заставляет нас, художников Костромы, объединиться, имея перед собой строго определенные задачи. Наш лозунг: вперед, к революционному творчеству. В.Кутилин, Б.Царнах, Н.Шлеин, И.Пухов, В.Скрицкий, Ф.Великосельский, К.Сакс. — Северная правда. — 1925. — 26 марта.
6 Красный мир. — 1921. — 8 февраля.
7 Красный мир. — 1921. — 17 марта.
8 Там же.
9 РЦХИДНИ Ф.17. — Оп.84. — Д.309. — Л.11.
10 ГАКО Ф.р-216. — Оп.1. — Д.126. — Л.153.
11 Там же.— Л.190.
12 ГАВО Ф.р1416. — Оп.2. — Д.154. — Л.64, 67.
13 ГАИО Ф.1319. — Оп.1. — Д.443. — Лл.36-38.
14 ГАЯО Ф.р-3302. — Оп.1. — Д.11. — Л.3.
15 ГАЯО Ф.р-178. — Оп.1. — Д.2216. — Л.1.
16 ЦДНИИО Ф.2. — Оп.9. — Д.34. — Л.74.
17 ГАКО Ф.р-216. — Оп.1. — Д.126.— Л.535.
18 См.: Волков Д.А. Формирование интеллигенции из рабочих и крестьян в 1917-1925гг.: Противоречивый опыт и уроки (По материалам государственных, партийных и общественных организаций Верхнего Поволжья): Дис...канд.ист.наук. — Кострома, 1993.
19 См.: КПСС о культуре, просвещении и науке. — С.151-152.
20 ЦДНИЯО Ф.1. — Оп.27. — Д.2556. — Л.8.
21 См.: Добренко Е. Левой! Левой! Левой!.. // Новый мир. — 1992.— №3. — С. 234.
22 См.: Касаров Г.Г. Интеллигенция и власть. История российской интеллигенции. Материалы и тезисы научной конференции. — Ч.1. — Москва, 1995. — С.7-9.

Владимир Корнилов

ВОЗВЫШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Начаты, предстоят еще большие изменения в экономической структуре общества. И, может быть, впервые, вопреки известному положению о том, что бытие определяет сознание, начато в первую очередь средствами массовой информации и литературными журналами массированное наступление именно на сознание читающей публики. Упор делается прежде всего на критический пересмотр всей предвоенной истории. Сенсации здесь следуют одна за другой, будорожа общественное сознание. Сенсационное возвышение имен и произведений негативного толка и сомнительной художественной ценности, умолчание или критические удары по другим, более достойным внимания читателей, смешивают, запутывают критерии в оценке действительной идейно-художественной ценности выходящих к читателям произведений «... в последнее время наше искусство, — говорил на последнем пленуме СП СССР Ю.Бондарев, — ... напоминает сейчас корабль в Бермудском треугольнике: ход потерян, машины работают почти вхолостую, приборы показывают неточно».

Под общий критический, — только критический! — настрой умов подводится уже и теоретическая база. Так, в журнале «Наука и жизнь» № I (1988) ректор историко-архивного института Ю.Афанасьев, делая убзор поступивших в редакцию писем, пишет:

«Критический разум — это и есть разум. Не критический разум быть не может. Иначе это не разум, а верноподданность. К этому я бы добавил правило мудрецов: «Подвергай все сомнению», беспощадное правило — оно распространяется решительно на все и на всех или же совсем теряет смысл».

* * *

В последнее трехлетие особенно стал оживляться жанр юмора и сатиры усилиями таких наших писателей и авторов, как В.В.Пашин, В.Смирнов, В.Рахматов, В.Фатеев.

Определилось литературно-критическое и литературоведческое направление в общей работе писательской организации, охватывающее процессы развития русской литературы от XIX века до наших дней. Работа Ю.В.Лебедева, И.А.Дедкова, М.Л.Нольмана во многом способствовала развитию этого направления.

Есть еще одно направление в развивающейся советской литературе, в которое органической частью входят и произведения, создаваемые писателями Костромы, — это философско-психологическое направление, где писательское внимание обращено внутрь человека, в его духовный мир, и социальные проблемы, бытующие в обществе, рассматриваются не в высших их связях с судьбами людей, а входят во внутренний мир героев, осмысливаются, трансформируются в духовном их проживании, где писатель стремится понять сам исток поступков человека, определяющих в конечном итоге его общественную судьбу. Появляются и у нас произведения, которые можно отнести к этому, все более утверждающемуся в советской литературе направлению. Из последних книг — это «Право памяти» М.Базанкова. Ведет трудный поиск в том же направлении М.Зайцев, о чем свидетельствует только что вышедшая в свет его книга «Ветла над Неворотимой». Из публикаций прошлых лет можно было бы отнести к этому направлению «Ефимов кардон» В.Шапошникова. Повесть «Порог открытой двери» из книги О.Гуссаковской «Облачный город». Переизданные романы «Семигорье» и «Годины» В.Корнилова.

Было бы полезным проследить разнонаправленность творческих поисков и у наших поэтов. Художественное осуществление их определяются, конечно, своеобразием таланта и опытом жизни каждого. Но есть и нечто общее, что позволяет, разумеется, условно, но все же подразделить направление самих поисков. Скажем, у В.Лапшина и В.Шапошникова явное тяготение к философскому, глобальному осмыслению мира и человека в нем. Причем, если у В.Лапшина более действенное отношение к явлениям жизни, с чувствуемым внутренним побуждением изменить несовершенство мира и человека, то у В.Шапошникова склонность скорее к созерцанию, переживанию этих несовершенств, воспринимаемых чуткой поэтической его душой. Но поэзия обоих характерна именно стремлением к философскому осмыслению явлений жизни.

В лирической и гражданской поэзии А.Беляева и Т.Иноземцевой больше обжигающей социальности, порой прямой публицистичности; горечь от видимых несовершенств, особенно сельской жизни, неотделима у них от ясно чуствуемого стремления утвердить через поэтическое слово свое понимание справедливости в отношениях между человеком и обществом. Тогда как в лирике Н.Снеговой весь окружающий ее мир воспринимается и оценивается чаще через личностное свое «я», что делает ее поэзию, по выражению В.Шапошникова,»женской поэзией», не выходящей на образы, широко охватывающие жизнь. Потому, по его мнению, не состоялась и попытка создания поэмы в последнем ее сборнике

«Продолжение», где мотивы случайны и не объединены единой мыслью. Разумеется, и «женская» поэзия пользуется вниманием читающей публики — это одна из сторон человеческой жизни. Но у такого поэта, как Н.В.Снегова, есть возможности выйти из замкнутости лирического «я» на более широкие гражданские мотивы, заболеть общей болью людей; удачные попытки к тому у нее были.

Лирически воссоздается мир и в поэзии В.Куликова, В.Максимова, но активность, утвердительность их отношения к жизни ощутимее, хотя по мастеровитости, по формальному исполнению стихи Н.Снеговой выше.

Жизнь многообразна в своих проявлениях и, естественно, каждый из писателей, основываясь на своем опыте социального и духовного проживания, художественно осмысливает близкую ему сторону жизни. Но осмысление, тем более художественное воплощение осмысленного, процесс длительный. Потребность вмешаться в события дня, привлечь внимание общественности к какой-то нерешенной конкретной проблеме, обращает писателя к публицистике. Нас нередко упрекают в недостаточно активном участии в работе газет, в пробудившемся в обществе поиске ответов на возбужденные перестройкой социальные и духовные вопросы. Но даже общий, неполный обзор участия писателей в обсуждении острых общественных проблем никак не подтверждает мнение о нашей публицистической пассивности.

Выступление М.Базанкова по всесоюзному радио о проблемах воспитания в сельской школе; В.Травкина о любви к своей родной земле. Полные боли, волнующие публикации Т.Иноземцевой в газетах «Северная правда» и «Советская Россия» («Безотцовщина», о судьбе коневодства в Костромской области); О.Гуссаковской — «Каравай хлеба горячего» в «Советской России» и «Лишний ребенок» в газете «Труд», ее ежемесячные передачи по областному радио о нравственных проблемах молодежи; ряд публицистических статей К.Абатурова опубликованы в «Северной правде» и сборнике «Возвращение к земле» статьи В.Бочарникова «Боль памяти», «Жестокость к зеленому другу» и получившее поддержку выступление его в «Советской культуре» о неправомерн.-ом прекращении издания собрания сочинений А.М.Горького; наконец, серия статей А.Беляева в газете «Ветлужский край» с тщательным анализом положения в колхозах района.

* * *

Духовность — общественная категория, рождается она только в обществе, в общении людей, и не существует — как и сам человек — вне общества (Маугли).

Поэзия В.Лапшина действенна, в ней рвущаяся из глубины духа воля поэта.

«И нужно понять, — пишет В.Кожинов, — что сама эта поэтическая воля и есть весомое порождение и выражение реальной современной жизни», с главным его устремлением говорить «за всех — и ради всех». В.Лапшин отходит от человека, созерцающего себя и себя в мире; он собой оберегает мир и другого человека в нем.

ЖЕЛАНИЕ

Без искания, без искуса
Как в глаза тебе взглянуть,
Словом только душу высказать —
На твою не посягнуть?

Как бы руку взять покорную
И жалеть — не вожделеть.
Чтобы страсть мою упорную
Нежностью преодолеть?

Как бы в памяти — не помыслом,
Ни видением — во сне,
Ни касанием, ни голосом
Не владеть тобою мне?

Как бы волею ревнивою
Образ твой не исказить:
Истинную и счастливую —
Не себя в тебе любить?

Мы говорим о главной задаче искусства, как о возвышении человеческого в человеке. В этом стихотворении как раз художественно исполнена эта определяющая истинное искусство задача — здесь не природное, не животное, здесь именно человеческое отношение к другому человеку.

И сколько сарказма, рвущееся из души стремление отринуть от человека нечеловеческое хотя бы в этих строчках стихотворения «Берег»:

«Ликуй, человек! Мечтал ты о рае, —
Так вот тебе рай!
...Спускайся! Там, подле фонтанов коньячных,
Чьи струи роскошны, журчанья бессонны,
Уже благоденствуют скопища жвачных,
Живых мертвецов ненасытные сонмы!

Иди к ним! Покойники сраму не имут;
Желудок тревогу твою успокоит.
... В борщевых озерах их тени клокочут,
В болотах из гречневой каши вспухают;
Ни горя, ни счастья слеза их не точит, —
Зевотной слезою они отекают...»

И две строчки, противостоящие этому нечеловеческому «раю»:

«Сказать бы кому, что одна мне отрада,
Когда в человеке найду человека!»

Глубинные, смысловые корни жизни обозначают слово-образ-мысль в поэзии В.Лапшина.

Если с точки зрения художественного исполнения рассмотреть последние книги М.Базанкова, то мы увидим значительную разность в осуществлении задуманного. Все единодушны в высокой оценке художественных достоинств его рассказа «Поездка к маслобойщику». Несмотря на простенький, будничный сюжет, рассказ обретает художественную емкость все расширяющимся познанием добра, как бы входящим в мир деревенского мальчишки от случайных и неслучайных его встреч на долгой, как кажется всегда в детстве, дороге по первому в его жизни серьезному самостоятельному делу. Художественность рассказа именно в том, что мысль автора органически вошла в систему образов, и язык повествования, точно найденная интонация, оказались в гармонии с мыслью и образом.

Оценены идейно-художественные достоинства и романа «Право памяти», крупной работы автора, в которой общечеловеческая мысль о возвращенной памяти выражена через образ и судьбу Тимофея, через всю образную систему романа и зримое слово. Можно вполне согласиться с оценкой значимости романа, данной в журнале «Волга» (№ I, за 1988г.).

«Воссоздавая историю возрождения человеческой памяти, интересную тонко выписанными психологическими подробностями, писатель побуждает к восприятию мысли о ценности памяти прежде всего как категории нравственной, коренящейся в общей нравственности человека...»

Противоположностью явленным несомненным художественным удачам выглядит его повесть для детей «Дорога через поле». Совсем недавно подробно она была разобрана на нашем собрании по итогам 1987 года. Здесь же следует сказать, что к художественной неудаче привела автора заданность в осуществлении в общем-то хорошего замысла — о путях возрождения у молодежи любви к

своей земле. Сверху, даже писательским словом, навязать любовь к земле невозможно; подобная тема требует тонкого художественного исследования действительной жизни, а не составленного в последовательности дней и дел сюжета. Вместо осмысления — описательность. Описательность же разрушает художественность, т.е. органическое единство мысли-образа-слова.

У О.Калинина в сборнике его повестей и рассказов «Закаты над озером» тоже есть свои высоты художественности, достигнутые, например, в рассказе «Валентинины дети», где нравственная мысль, точнее нравственное чувство, находит единое сюжетное, образное и словесное воплощение.

Вместе с тем многие другие повести его и рассказы, когда собираются они вместе, плотно друг к другу, обнаруживают и художественные слабости, и относятся они не столько к отдельно взятым его повестям или рассказам, сколько к общему, не всегда точному авторскому пониманию именно художественного освоения жизни Дело не только в тематической суженности, в повторяемости сюжетов, осуществляются которые в каждом отдельном случае зримым, образным словом, с точным знанием житейской стороны жизни. Суть дела в другом, в том, что для художественной литературы недостоточно описать то, что есть, то, что видишь вокруг себя. Нужно еще осмыслить, определиться в своем отношении к тому, что являет жизнь. Для художественной литературы важен не сам факт, а смысл извлеченный из факта. И было бы интересно проследить здесь оценку одной и той же рукописи, исходящую из разного понимания назначения художественной литературы. Речь идет об оценке новой рукописи О.И,Каликина.

В.Травкин, весьма положительно оценивший рукопись (хотя и не без обоснованных частных критических замечаний), исходит в своей оценке именно из приближенности ее к действительной жизни ее «полезности». Позиция его такова: «Мне кажется, что повесть (речь идет о «Марафонцах») написана достоверно, живо, ее интересно и полезно прочитать... В художественном плане повесть может показаться узкой, «специализированной». Порой процедуры прописаны от начала до конца хронологически (описание «рыгаловки»). И все же я думаю: учитывая важность темы, можно бы дать дорогу повести уже в том виде, как, она есть».

В.И.Шапошников к оценке той же рукописи подходит с иным значением художественности. Он пишет: «Мало показать жизнь районной глубинки, как таковую. Это будет простым бытописательством. Перед писателем всегда должна стоять его сверхзадача, его идеал, если угодно, что-то действительно большое и действительно важное он должен утверждать, какое-то ясное и четкое свое

представление об основных путях жизни иметь должен! Эта-то сверхзадача и должны быть в его созданиях воздухом всего».

Мы не оцениваем ссылками на рецензии практическую пригодность или непригодность новой рукопиеи О.И.Калинина, тем более, что оба рецензента сходятся в положительной оценке многих рассказов рукописи. Для нас важна существующая разность в самом понятии «художественность». Очень важного для каждого из писателей понятия, которое усваивается порой чутьем, свойственным таланту, но осознание которого бывает намного плодотворнее. Важны для писателя, думается, обе стороны: и верность действительности, и идеал, как сверхзадача художника, проникающая все его творчество.

Рассматривая в этой связи писательскую работу самого В.Травкина, видишь в разных его произведениях, как и у М.Базанкова, разность художественных решений. В «Бессонной птице», например, прослеживается сверхзадача, единая горестная мысль, художественно воплощенная, о покидаемой лучшими коренными людьми русской деревни. И все это через судьбу, через образ. В «Новоселье», и в рассказе «Экскурсия», например, иное: здесь больше чувствуется авторская забота показать как оно есть сейчас в глубинке, в наибольшей приближенности к действительности дня. Выходят на первый план именно проблемы дня, года, а не смысл человеческой жизни в ее сверхзадаче. Право на читательское внимание имеет та и другая литература, и, все-таки, художник, если он действительно художник призван выстраивать свои творческие усилия по высшим духовным ориентирам.

И все таки, необходимо еще раз повторить: при всем разнообразии участия писателей в жизни общества, главным мерилом общественной его значимости была и остается книга. В ней средоточие таланта и культуры, широты и глубины мышления, нравственных накоплений и человеческой сути ее создателя.

* * *

В 1986 году Костромская писательская организация отметила свое 25-летие. За творческий труд многие писатели награждены были Почетными грамотами СП РСФСР, обкома партии и облисполкома, Грамотами других областных и городских организаций.

Премии ЦК ВЛКСМ им.Островского удостоена повесть Т.Иноземцевой «Запашка». Отмечены ежегодной премией журнала «Волга» роман М.Базанкова «Право памяти» и подборка стихов В.Лапшина; его же стихи: получили премию журнала «Огонек».

Впервые за творческую работу одному из членов нашей организации присуждена Государственная премия России.

За отчетный период коллектив пополнился четырьмя членами Союза писателей СССР. Приняты нами в Союз писателей, одобрены приемной комиссией и утверждены Секретариатом СП РСФСР Ю.Лебедев, В.Лапшин, В.Максимов, Б.Гусев. Такой прирост организации тоже получен впервые. Выбыл из состава нашей организации И.Дедков, в связи с переездом в Москву. Сейчас на учете у нас 21 член СП СССР. Всего же, за в общем-то недолгое время своего существования, Костромская писательская организация дала Союзу писателей России 35 в большинстве своем признанно талантливых писателей, что лишний раз подтверждает природную одаренность самого народа, неповторимо поэтичной земли костромской.

Что можно сказать о работе руководящего органа писательской организации?

В состав нынешнего бюро избраны были в мае 1985 года В.Бочарников, К.Абатуров, И.Дедков, О.Гуссаковская, В.Корнилов,

Утвержденный заместителем отв.секретаря И.Дедков проработал два года и выбыл прошлым летом из состава организации. На первом, после перевыборов заседании, распределены были обязанности между членами бюро: О.Гуссаковской поручена была работа с молодыми; К. Абатурову — связь с издательством; В.Бочарникову — организация публицистических выступлений в периодической печати. Распределение обязанностей оказалось номинальным. Все обязанности, кроме, пожалуй, инициативной работы О.Гуссаковской с определившейся группой авторов, вновь взвалены были на отв.секретаря, члены бюро самоустранились от организаторских дел и ограничили свои обязанности лишь одобрением уже подготовленных планов, решений, рекомендаций, всех прочих дел, диктуемых жизнью организации. В этом была моя ошибка, как руководителя организации, которая приучила членов бюро к пассивности, к некоторому даже замиранию жизни писательской организаций во время творческого отпуска отв. секретаря, а в последнее полугодие обернулась и разрушительной активностью, направленной против самого отв. секретаря и его неблагодарной привычке делать все самому за всех. Новому секретарю это должно пойти в урок, потому что обеспечить успех может только совместная деятельная работа всех, и прежде всего членов бюро. В таких условиях и при таком порядке, вернее, непорядке, конечно же, недорабатывали мы и по некоторым важным участкам нашей деятельности, в частности, по организации работы литобъединений в районах, в выявлении одаренных молодых по

возрасту авторов, не в эпизодических, а действительно тесных, плодотворных связях с областными и центральными газетами, в которых сейчас жадно ищут ответы на вопросы бытия миллионы людей. Нам, видимо, надо научиться сочетать основную свою работу над книгой с беспокойством общественного человека, которому не может быть безразлично все, что есть вокруг, что есть человеческая жизнь.

* * *

Думается, нет нужды особо возвращаться к нервозности и бессмысленности так называемой «борьбы», которая навязана была организации в последнее полугодие. Недавнее общее собрание писателей, посвященное специально нравственной атмосфере в коллективе в период перестройки, расставило — будем надеяться, — все точки и дало возможность каждому определиться относительно будущего нашей организации и принципов именно творческого взаимоотношения внутри нее. Коллектив наш не пошатнулся от ударов. В основе своей остался здоровым коллективом, содружеством людей творческих, для которых литература не средство самовозвышения и кажущаяся возможность легкого заработка, а действительное, трудное, порой мучительное служение своим талантом обществу, человеку, нравственному возвышению человека.

Март 1988 г.

Александр Лобанов

«И Я ТАМ БЫЛ…»

Талант редко «умирает» от скромности, а потому ему хочется признания, популярности, а по возможности поклонения, всеобщей любви и славы. Как повелось у нас в России, слава к настоящим писателям приходит после смерти. Однако почти всем хочется «здесь и сейчас». Значит, первым делом надо войти в круг писателей, стать «членом». Мало кому из молодых удалось это сделать. Ведь надо было творить под мудрым руководством, шагать в ногу со временем.

Впрочем, я не задумывался еще над многими вещами и явлениями, отправляясь на первую встречу с костромскими писателями.

На первом совещании я был в поэтическом семинаре. Мне запомнились Евгений Старшинов, Игорь Дедков, Василий Старостин, Александр Часовников, Нина Снегова, Вячеслав Шапошников. Именно они были руководителями семинаров, делали разбор стихов, рецензировали их, так сказать, в устном и письменном виде. Выглядело обучение так. Начинающий выходил к маленькой трибуне, читал. Ну а ему отвешивали, когда комплименты, а когда «подзатыльники». И отправлялся он домой снова переделывать свои вирши. А одобренные отбирались для печати в областных газетах или коллективном сборнике. Увидеть себя хотя бы в сборнике — это казалось несбыточной мечтой. Первое время я не попадал даже в список обсуждаемых, дело ограничивалось беседами с руководителями семинара. Мои рукописи возвращались с многочисленными поправками, пометками на полях: «размер!», «риторика!», вопросительными знаками и т.п. Старшинову, например, понравилось большое стихотворение, которое позже получило название «Цыганская шуба». Надо переделать так-то и так-то, советовал мэтр. Я упрямился. Помню, как посмеивалась, слушая наш разговор, Татьяна Иноземцева. Тоненькая девчонка, у которой, как считали многие, сложилась благополучная литературная судьба. По крайней мере, именно в советское время ее особенно хвалили и печатали. Одно из лучших, на мой взгляд, ее стихотворений «Буханка за три пятака», появилось как раз в те 70-е годы. Правда, заканчивалось не совсем понятно:

Нет ничего дороже хлеба,
С заглавной буквы Хлеб зови!

Писать можно с заглавной буквы, а вот как сказать «Х» с заглавной — до сих пор для меня загадка. Тем не менее, бывший агроном до сих пор на слуху и даже возглавляла писательскую организацию г. Костромы, хотя всю жизнь до этого жила в деревне, крестьянская душа.

Честно говоря, мне всегда казалось несколько наигранным, во всяком случае, непонятным чересчур восторженное или наоборот негативное отношение к творческим находкам или неудачам. Женщины — еще объяснимо, это всегда эмоции: слезы или хохот. А уж когда мужики с безумными очами, размахивая руками, не соблюдая очередности, истязают друг друга своими «перлами» или замечаниями — это выглядит не только забавно. Поначалу даже боязно находиться в подобной среде. Многие из нас были к тому же журналистами. Как мог газетчик жить одними стихами, и мечтать о шедеврах, сочиняя текст о зимовке скота, или о том, как прошел

смотр художественной самодеятельности? Поэтому для меня работа и стихи жили отдельно. Стихотворения, даже не будучи опубликованными, обретали собственную жизнь и не нуждались в количестве жестов и разбрызгивании слюны.

Потолкавшись с талантами, можно только сравнить себя с другими. Эти «тусовки», говоря по-нынешнему, полезны для самооценки и знакомств. Хорошо, если появится наставник. Они были ведь и прежде в русской литературе. Новички жаждали припасть к признанному таланту, услышать мудрые слова. Кто у нас годился на эту роль? Вероятно, Дедков. Но ведь его на всех не хватало, хотя он и так успел приветить каждого сколь-нибудь заметного литератора в области. И не его вина, что многие из них так и не заявили о себе на областном уровне. Сам он его давно перерос и работал с крупными писателями, которые дорожили оценкой провинциального критика. Так и хочется написать «опального», но на самом деле все это, мне кажется, излишне раздуто. Ведь и доучиться ему дали, и работать приехал в главную газету области. Как и с краеведом В. Бочковым, который работал в Щелыкове и мог общаться с самым популярными людьми страны, которые «пачками» отдыхали в местах, где творил великий драматург А.Н.Островский. Вот так «опала»!

В советское время широко было распространено наставничество. Сантехник и тот имел ученика, в обязанности которого входило бегать для старшего в магазин за четвертинкой или за пивом. Не могла без этого обходиться и литература, талант следовало «выпестовать». Но я уже сказал, что персональных наставников нам не хватало, и до всего приходилось доходить своим умом. Флотские мои стихи областные газеты не интересовали: надо было воспевать Кострому, Волгу, наконец, реки, которые в нее впадают, или хотя бы протекают по территории области. Не помешали бы стихи о том, как молодежь героически поднимает Нечерноземье, объявленное второй целиной. А у меня в середине 70-х, как на грех, родился цикл «кладбищенских» стихов.

В райкоме партии да и в обкоме после скандальной статьи «Если поглядеть с колокольни» сделали вывод, что за мной не мешает «присматривать». Как-то подготовил подборку лирических миниатюр (такая форма была очень популярна в газетах). Одна называлась «Огород», где я сравнил засыпанные снегом грядки с чистым листом бумаги и представил сколько труда предстоит приложить по весне. Из райкома не поленился позвонить секретарь по идеологии. Он, оказывается, разгадал мой тонкий «намек», что с бумагой работать легче, чем копать огород и таскать навоз. Меня это забавляло, хотя редактор после таких звонков стал не просто осторожен, но и пуглив.

Работая с ним, я тоже невольно научился оглядываться на собственную тень. Однако не жалею о том, что внутри всегда сидит некий «редактор». Без этого нельзя ни себя, ни других воспринимать и оценивать объективно.

Стихи я насовсем не бросал (или они меня?), но стал увлекаться и прозой, которая в моем тогдашнем представлении ничего общего не имела с журналистикой. Хотя встречал такое мнение, что высшая форма литературы — публицистика, и не согласен с ним. До сих пор убежден: все, что создано газетчиками по долгу службы (в том числе и мной) никакого отношения к литературе не имеет. Первые мои опыты я бы назвал стихотворениями в прозе, теперь это именуют «эссе» и т.п. Они имели неожиданный успех у читателей. «Прощальная береза», «Скворечники», «Старая лампа», «Патефон» — все это детские воспоминания. Сам того не сознавая, я слагал печальную песню об уходящей деревне и ее обитателях. Это и находило отклик у читателей нашей газеты. И вот с первыми коротенькими рассказами я приехал на семинар молодых прозаиков. Руководителями были В. Корнилов, В.Бочарников, А.Липатов. В обсуждении участвовали также Б.Гусев, И.Кожевников, Е.Павлова, Н.Алешин. Последний был земляком и, кстати, еще и художником, однажды в перерыве подарил мне карандашный рисунок моей персоны с надписью «Островчанин». К своему удивлению я получил очень лестную оценку ряда мэтров, даже восторженную. Отдельные места они смаковали на слух. Помню, как в перерыве ко мне подошел уважаемый в Костроме журналист Аркадий Пржиалковский и попросил разрешения озвучить мой рассказ «Патефон» на областном радио. «Патефон», если можно так выразиться, «завели» однажды и по Всесоюзному радио. Его читал Виктор Татарский в передаче «Встреча с песней».

Настоящие мастера слова признали в моих маленьких рассказах, как говорят кладовщики, наличие таланта. И прочли между строк такое, о чем я и сам не подозревал. Единственное, с чем я не мог согласиться — со сравнением с одним нашим писателем, который многие годы специализировался на лирических новеллах и был известен на весь Союз, благодаря регулярным публикациям в «Правде».

«Ну, вот, — думал я, возвратясь из Костромы, — теперь исправлю кое-что, и меня тоже станут печатать». Пробиться даже в коллективные сборники было делом невероятно трудным. И я отчасти понимаю руководителей наших семинаров — многие вещи молодых, хотя и представляли интерес, требовали доработки, правки. Потолкавшись несколько лет на областных семинарах, не увидев своего имени в «поэтической рубрике», творческий

человек работал в стол, печатаясь всю жизнь в районной (изредка — областной) газете. Только в больном мозгу могла возникнуть мысль о скором издании отдельной книги, о вступлении (страшно сказать!) в Союз писателей. Попасть даже в коллективный сборник было событием огромной важности. В этих книгах едва ли не половину занимали сочинения «старших товарищей», туго они пропускали вперед молодежь. То есть, с одной строчкой песни советских времен «Старикам везде у нас почет» все было в порядке. Зато с другой — «Молодым везде у нас дорога» — картина вырисовывалась иная. Да еще «ярославские ребята» (Верхне-Волжское книжное издательство находилось в Ярославле) не упускали случая «нарисоваться» буквально в каждой книге. Под «одной крышей» собирались десятки авторов. Вот и весь итог семинаров. Отдельные книжки печатались у членов Союза писателей, а чтобы приняли в Союз надо было иметь свою книжку. Да еще получить рекомендации от нескольких членов Союза.

По причине «зажима» молодых дарований возник конфликт. Группа галичан в те годы была самой многочисленной (к 21 веку в этом районе, наверное, наибольшее число писателей на душу населения), а значит и горластой. Одна сочинительница от имени галичской «фракции» заявила примерно следующее:

— На позапрошлом поэтическом семинаре нашего земляка (имя и фамилию не называю — А.Л.) превозносили до небес. Отдельные строки, я не поленилась и записала, названы «гениальными». Хвалили взахлеб его и еще вот его (фамилию тоже не называю — А.Л.). На прошлом семинаре, — продолжала напористая поэтесса, — опять о них говорили в превосходной степени. Так почему же их не печатают?! Вопрос вместе с восклицательным знаком угрюмо навис над президиумом. В ответ председатель правления писательской организации заговорил что-то про планы, бумагу, чужое издательство, у которого своя рука владыка, про рубашку, которая ближе к телу, и т.д. В ответ загалдели, никто никого уже не слушал. Становилось ясно: до сорока лет, а то и дольше сидеть в молодых, на семинарах я встречал литераторов и литераторш, которые по возрасту годились мне в родители.

* * *

В середине семидесятых мне посчастливилось (как прежде выражались) быть участником совещания молодых писателей Нечерноземной зоны РСФСР. Конечно, это было мероприятие большого масштаба, проходило во Всесоюзном молодежном лагере «Волгарь».

Итак, есть зона, лагерь и молодые таланты, готовые воспевать зону. Видные столичные писатели удостоили нас своим приездом — Виль Липатов, Юрий Грибов, Виктор Боков, Николай Старшинов. Представители издательств «Молодая гвардия», «Современник» и другие готовились заполучить рукописи наиболее ярких произведений.

Одним из семинаров прозы руководил Игорь Дедков. Насколько я помню, в этом семинаре обсуждался роман (!) Васи Травкина из Судиславля. Травкин был агрономом, ну и тему раскрывал актуальнейшую — подъем Нечерноземья. Мы были в разных семинарах, не знаю, что пришлось пережить автору, но со временем вышла тоненькая книжка «Наденка». Все, что осталось от пухлой рукописи.

В нашем семинаре тоже летели пух и перья, причем, сами молодые участники друг друга били нещадно. Мои творения для «планового» обсуждения, видимо, не доросли, во всяком случае никто и не предлагал их отрецензировать к совещанию. Стихи — упаднические, проза — ностальгическая...

Медаль за освоение «второй целины», как окрестили журналисты Нечерноземье, мне определенно «не светила». Когда я обратился к И. Дедкову с просьбой «что-то посмотреть и, возможно, рекомендовать», он сослался на чрезмерную занятость, для убедительности показав мне пузатую папку, где, вероятно, покоилась и будущая травкинская «Наденка». А мне-то казалось, если рукопись заинтересует издательство, тогда... Да и не только мне. Однако до печатного станка каждому предстояло «учиться, учиться и учиться». И даже в издательстве рукопись могла лежать неопределенный срок. Да и наши мастера слова в Волгаре, похоже были озабочены больше устройством своих дел с представителями издательств. Случай им представился уникальный. Что еще запомнилось? Стояли мы и ждали открытия столовой. Виль Липатов, создатель Анискина и популярнейших в то время романов «И это все о нем», «Игорь Саввович», изрек поверх голов:

— Нет ничего противнее, чем толпа голодных писателей!

Никто из мэтров ничего не ответил, молодые предпочитали не высовываться. Но я подумал, что сытый писатель (и пьяный, да еще если нос у него в табаке), вообще никуда не годится.

Среди галичан необычной фигурой был Сергей Потехин. Жил он в дальней брошенной деревне без работы и средств к существованию. Некоторые его стихи я переписал тогда в блокнот. Забавные и, в то же время, неглупые:

По утесам карабкаюсь вверх,
Обрываюсь и падаю вниз.

Если я без царя в голове,
Значит, там у меня — коммунизм.

Или такие строчки:

Вновь я пьян, непутевый,
Как свинья из свиней,
Кулачок мой пудовый
Ищет рыл пожирней.

Или вот эти:

Взбита пышная перина,
На перине спит Ирина.
На Ирине одеяло
Развалилось как попало...
Мой всегдашний идеал —
Быть на месте одеял.

Позже я читал Сергея в теплых компаниях, хохот не умолкал. В «Волгаре» мы впервые с ним познакомились. Парень с длинными светлыми кудрями, голубыми глазами то и дело краснел как девица. А талант у него чувствовался немалый. (Я не говорю о хохмах).

На совещание он привез целый чемодан глиняных расписных сувениров. Белой глины было у деревни полно, Сергей лепил всяких зверушек, домовых, леших, русалок, потом сушил и, наконец, расписывал простыми акварельными красками. Какой-то невзрачный дракончик достался и мне, поскольку к чемодану я успел далеко не первым. Игрушки забирали, не всякий даже говорил спасибо, а создатель этих сказочных существ стоял молча, улыбался да краснел.

Ну, а что Потехин, да и все мы, собравшиеся тогда в «Волгаре»? Люди, не способные на поступок. Да система их и не прощала. Стройными рядами мы шли не к известности, а совсем наоборот.

Там же в лагере, где обсуждались проблемы писательского корпуса Зоны, мне невольно пришлось стать свидетелем попытки костромича взять рекомендацию для вступления в Союз у столичного писателя. Костромич был уже не молод — за сорок, с брюшком. Он приблизился утром к номеру, где ночевал «мэтр». Дверь были приоткрыта, но местный поэт, имевший уже две или три тоненьких книжки стихов, все равно ненавязчиво постучал. Потом громче, никакого ответа. Тогда он осмелился переступить порог, неуверенно спросил: «Можно?» Раздался то ли рык, то ли кашель и левая нога жаждущего заветной рекомендации перескочила обратно в коридор. Из номе-

ра донеслись новые утробные звуки, среди которых уже можно было разобрать отдельные междометия, и левая нога снова боязливо просунулась внутрь. Наконец и весь будущий член Союза писателей туда как-то блудливо пролез. Можно представить, какие вензеля он там выписывал...

Многие из нас совершенно не умели «подать себя». Недаром пели «А слава тебя найдет». Сама. У меня на этот счет имелась старая поговорка: «Хорошую невесту и на печи найдут». Времена «скромных невест» вряд ли в литературе когда-либо существовали. И если бы тот же И.Дедков занимался только разбором творчества В.Травкина или В.Шапошникова, вряд ли бы имел известность.

Писателю, увы, никто не может помочь. Недаром не раз нам внушал тот же Дедков: «Писательский труд — это подвиг одиночки». А вот напечатают или нет — это зависит уже от других людей, от системы, которая блюла свои интересы и в первую очередь — фронтового поколения писателей. Они надолго загородили дорогу тем, кто был моложе и не нюхал пороху. Это аукнулось даже родившимся в войну и послевоенные годы. Что было объектом внимания И.Дедкова? Творчество фронтовиков, ну а костромскими талантами он занимался, как говорится, в свободное от работы время. И посиживали они у себя на печи, кто в Галиче, кто в Шарье, кто и в самой Костроме.

На одном из областных семинаров, помню, прорвало Михаила Базанкова. В присутствии столичных гостей он резко высказался в адрес местных «наставников». Тогда обсуждалась его повесть, рассказы, а отзывы не радовали автора. Мол, все это надуманно, нет настоящей жизни и т.д. и т.п. Причем, некоторые мэтры-земляки не стеснялись употреблять и крепкое словцо, благо в нашем семинаре не было в тот раз ни одной женщины. И мне кажется именно тогда Базанкова приметили, вышла первая его книга.

Наверное, сочинения большинства молодых, собравшихся тогда в «Волгаре», действительно были далеки от совершенства. Но выход их творческой энергии был чрезвычайно важен. Я имею в виду конечный результат — публикации, профессиональную критику. У нас же при всей кажущейся массовости, «охвате», оставался в итоге принцип «естественного отбора», путь одиночки. Более того, мы подсознательно это понимали.

Странным образом как-то все переплетается. Любовь, пьянство, скандалы, сплетни, бедность, бесприютность и... стихи самой высокой пробы. Скорее всего одно без другого просто не существует. Есть поэты, у которых стихи, как брошенные дети. Живут сами по себе. У других же стихи — биография, оторвать их даже с кровью невозможно.

* * *

Руководитель нашего семинара Владимир Григорьевич Корнилов, долгое время возглавлявший писательскую организацию Костромской области, без особой выразительности читал мою «Прощальную березу».

В аудитории стояла почтительная тишина: сам мэтр озвучивает! За спиной кто-то невежливо «хрюкнул». Я покосился назад, не понимая, что могло показаться в рассказе смешным, и увидел, что плачет женщина. Это была тоже начинающая писательница из Галича, Евстолия Прокофьева. Так и сидела она, сдерживая слезы, а в перерыве подошла ко мне и заговорила:

— А у нас на краю деревни был пруд, вот там и прощались, когда кого-то провожали...

Потом очень серьезно на меня посмотрела и сказала:

— Вы будете большим писателем...

Я улыбнулся, приняв слова за сильно преувеличенный комплимент.

Вспомнилось сейчас, как много лет назад я читал свою прозу талантливому, но опустившемуся писателю. Мы сидели зимой у подтопка, угли мерцали, обдавая нас ленивым жаром и малиновым светом.

— В деревне давно уже никто не живет, — говорил я по памяти, не заглядывая в тетрадь. — Проходя кривой улицей, обратил внимание на деревянную резьбу, украшавшую некогда, наверное, высокий и осанистый дом. Очень искусные руки плели из дерева кружево наличников и карнизов. Под крышей висели легкие снежинки, и шел этот медленный «снег», может, полвека, а то и все сто лет...

— Это не проза... — задумчиво говорил писатель, — это стихи.

Такое заключение меня обескураживало: в Литинституте некоторые считали, что стихи мои — проза, тут — наоборот...

После я до всего додумался сам: если то, что создано, способно заставлять людей читать и слушать, затаив дыхание, вспоминать, грустить и улыбаться, стоило и самому прежде читателей с замиранием сердца впитывать неповторимые яркие мгновения, беречь в памяти веселые и грустные картинки. Потому и не жалею, что много лет плутал на неведомых дорожках в окрестностях Провинциального Парнаса.

«Взгляд с колокольни»

НА ОСТАТОЧНОМ ПРИНЦИПЕ

О чем ни заговори — о нравственности, культуре, творчестве, — оглядываешься на деревню, в прошлое. Потому, наверно, что многие тревоги, проблемы обусловлены самочувствием тех мест, откуда ты родом.

Однажды земляк Ефим Иванович Смирнов, работящий старик-долгожитель, показывая свои награды — Георгиевские кресты, не без гордости говорил:

— Чай, полный кавалер, а не как-нибудь. Мы, брат, не лыком шиты. И за себя постоять, и хозяйство вести можем. Ты вот про дороги сказывал: мол, сколько лет мучаемся. Верно. Дорогу пора иметь бриллиантовую в золотой оправе. За наш-то лес, которого бог весть сколько выкачали. Сами, выходит, простаки...

Он погладил окоренное бревно, на котором беседовали мы, и сказал:

— Ты гляди, на чем сидишь-то...

— А на чем?

— Каждый год — миллионы дает область стране...

Да, миллионы кубометров древесины ежегодно вырубают в наших лесах, а девять тонн газетной бумаги — не на бюрократическую печатную продукцию, на писательский вестник — негде раздобыть. Вспоминается разговор с земляком... Как пойдешь по управленческим, ведомственным коридорам, как получишь отписку на запрос, так и вспомнится.

Начинаем вспоминать культурные традиции, костромскую самобытность. В первые годы Советской власти нарком просвещения Луначарский докладывал Владимиру Ильичу Ленину о высокодуховной жизни Костромы. В городе работала тогда образцовая драматическая студия Попова, ставились оперы, музыкальные комедии, спектакли. Местные издательства печатали пьесы, поэтические сборники, впервые была напечатана повесть Бляхина «Красные дьяволята».

Почти тридцать лет с того дня, когда было ликвидировано Костромское книжное издательство — издавались у нас книги, журнал, альманах, — костромские писатели живут мечтой о возрождении этого издательства. Но даже ежемесячную газету нынче пробить не просто: как это так? а кому это надо? а зачем? — много подобных вопросов задавали и задают до сих пор.

Стало очевидным: писательские организации без печатных органов не могут конкретно помочь молодым литераторам. Без последовательных публикаций, без выхода к читателям невозможно становление будущего писателя. Воспитать его без печатания нельзя. Да и не только в этом дело. Активизация всей общественно-культурной жизни в нашей области, консолидация творческих сил должны происходить на какой-то общей основе, «союзом многих отношений».

Четверть века назад (для значительности звучания применяю эту форму отсчета быстротечного времени) наставники молодых сочинителей слишком часто повторяли: «Не спешите печататься. Набирайтесь впечатлений. Выстраивайте собственный характер. Когда жизнь испытает вас на излом, прорвется индивидуальность и окрепнет голос. Помните: «Поэтом можешь ты не быть...».

Наиболее терпеливые, не избалованные поспешным вниманием ученики сумели сохранить до первой книги свой взгляд на мир, понимание творчества, гражданского долга, чувство слова, правды и красоты. Даже первая книга, вышедшая не такой по настроению и содержанию, какой она могла быть и задумывалась, не отняла надежд на то, что рано или поздно, хотя бы к пенсионному возрасту, получится по-своему, автор будет похож только на самого себя. А другие в другой срок в первой же книге очень здраво напишут, не надеясь, что может выйти лет через десять вторая:

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную вьюгу,
Верить пожатью казенной руки,
Честью платить за натужную милость.
Время: свои подытожить долги,
Благо достаточно, их накопилось.
Время: припомнить былые грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгрести медь.
Но до копейки за все расплатиться,
И до рассвета успеть умереть,
Чтоб на рассвете свободным родиться.

Стихи Леонида Попова (он живет на востоке нашей области — в Вохме) впервые услышали в семидесятых. Книга вышла в 1987 году. Может быть, будет вторая. Но когда? Даже тех, кто начинал в

шестидесятых, кому сегодня около пятидесяти, наставники по-прежнему сдерживают: «Не спешите печататься, пусть рукопись годика три полежит в столе, дойдет, так сказать, до кондиции...». Но рукописи выдерживаются слишком долго на пути к изданию и вместе с авторами утрачивают молодой романтический дух, светлое мироощущение. Выбираем, рецензируем, обсуждаем в писательской организации рукопись, рекомендуем ее, а молодой редактор издательства с легкостью отвергает: «Не пойдет!». Не корректирует ли издательская практика стиль и методы воспитания литературной смены? Не настраивает ли она каждого лет до ста расти без старости?

Книготорговцы говорят о падении спроса на тоненькие поэтические книжицы, даже самые малые тиражи будто бы не расходятся. Конечно, выгоднее иметь дело с книжным дефицитом, тут никаких особых форм торговли искать не надо, нечего придумывать способы общения книгопродавца с поэтом и читателями.

Слышны сетования: залеживаются поэтические книги. Вслушаемся, как это звучит: залежи невостребованной поэзии. В залежах— искренность и дум высокое стремленье? Вдумаемся: что же означает невостребование обществом поэтического дара, таланта, сердца горестных замет? Почему? Не трагично ли это для общества? Уже говорилось не раз о невостребованном поколении, о невостребованном потенциале науки, культуры, искусства.

Дело не только в том, что не изданы поэтические книги. Надо учитывать ущемление чувства собственного достоинства, учитывать деформацию психологии. (Человек ценился не по тому, что отдает, а по тому, что имеет.)

Не только великими событиями живет человечество, не только шедеврами формируется литература каждой эпохи. Единый литературный процесс имеет малые и большие реки; наполняют его чистой живительной силой родники, ручейки, глубинные народные колодцы. Потому и понятно давнее признание нашей поэтессы Татьяны Дмитриевой: «Поэтом местного значения в моей стране остаться Честь».

Почему-то надолго замолчала она после первой «кассетной» книжечки. Причиной тому житейские обстоятельства? Вряд ли только они. Долго не издавался после такой книжки Виктор Лапшин. Не печатается Татьяна Балашова, не готовится вторая книга Владимира Рахматова. Около пятнадцати лет определялась судьба первой книги Юрия Бекишева, теперь она уже скоро появится. Пора иметь книги Елене Балашовой, некоторым ребятам из литературного объединения «Ладья». Представляются возможными поэтические сборники (лист-полтора) Виктора Смирнова, Вячеслава

Голубцова. Имею мечтательное представление ускоренного, оперативного издания, выхода к костромскому читателю экспериментально издаваемых книг. К примеру, сборник Виктора Смирнова при участии поэта Анатолия Беляева может появиться через три месяца. Даже название предлагаю — «Сенокос». Пусть выплеснется в книжке многолетняя боль за судьбу российской деревни, пусть сохранится она свидетельством для будущего, для истории.

Кое-кто считает, что такие стихи — плач на одну избитую тему, давно надоевшая ностальгия. Разве искренность нынче уже не в цене? Разве мы преодолели равнодушие к истокам, к центральной российской земле? Разве человеческая, творческая судьба местного значения для нас уже не в счет?

Верхне-Волжское издательство «прокатывает» две костромские поэтические рукописи в год. Существует длинная очередь. Даже принятая рекомендованная писательской организацией рукопись превратится в книгу через четыре-пять лет. А я говорю о возможностях издания в течение трех месяцев. Опытные сдерживатели могут сказать: не сейте иллюзий, не возбуждайте нездоровый ажиотаж среди неоперившихся юнцов, у нас и члены Союза писателей издаются редко, потому что в стране трудно с бумагой...

Многие годы всюду твердят, что главной причиной задержки изданий является дефицит бумаги. С нее начнем. Весомая в эстетическом, духовном смысле, талантливая книга Леонида Попова имеет натуральный, фактурный вес сорок граммов, а если вычесть вес оттиснутой краски, то она содержит чистой бумаги типографской №1 и того меньше. Экономисты могут сделать и точный весовой, затратный анализ. Мне нужна единственная отправная цифра, чтобы сказать: на издание интересной книги тиражом две тысячи экземпляров потребовалось менее восьмидесяти килограммов «дефицита».

Культура обогащается индивидуальностями. Но как растить эти индивидуальности? Способом сдерживания или созданием условий для развития лучшего, что даровано человеку природой? Риторический этот вопрос предполагает однозначный ответ…

Руководство духовной культурной жизнью — дело непростое, требующее такта, понимания природы творчества и непременно любви к литературе и искусству. Многое здесь зависит от умения пропагандировать культурную политику, проводить в жизнь, от справедливости в оценках и доброжелательности, когда речь идет о творчестве, исканиях писателя, композитора, художника, независимо от места жительства.

Каждая писательская организация имеет свои особенности. И наша — тоже. Средний возраст писателей около 65 лет. Разумеется, они, старшие товарищи, при длительных очередях на издание

обеспокоены прежде всего судьбой своих рукописей. Потому не только в тревоге за смену, за молодых авторов, но и по собственным интересам постоянно говорят: «Нужно свое издательство».

Ярославль, владеющий Верхне-Волжским издательством, никогда не даст четырем областям справедливо-равноправной основы. Положение костромских литераторов, в особенности молодых, Верхне-Волжское издательство не волнует, оно поставлено в жесткие условия хозрасчета и будет издавать в первую очередь экономически выгодное. Впрочем, это понимают, об этом заявили давно писатели Иванова, Владимира, Костромы. В дискуссиях идет поиск сочетания экономических, идейно-эстетических, художественных и воспитательных задач, раздаются призывы к изменению нынешней издательской тактики. «Особенно это относится к изданию книг молодых, которое не сулит прибытка в условиях хозрасчета и самофинансирования» (Ал. Михайлов, первый секретарь правления Московской писательской организации).

Привлекает и такая мысль: нелегкое дело — «селекция талантов», и потому тут без риска не обойтись. «Надо издавать молодых рискуя, надо давать выход к читателю и самым дерзким из них, не укладывающимся в привычные представления о прекрасном. Хозрасчет может стать помехой молодым талантам, и забота писателей старшего поколения — сделать все возможное, чтобы этого не случилось». Беру цитату из газеты «Правда» для того, чтобы еще раз подчеркнуть: проблема эта не только в Костроме, где и при двух-трех писателях издательство существовало. Теперь у нас 21 член СП СССР, 3-4 человека, как говорится, на подходе. Литературный актив — 50 человек. А печататься негде.

Каждая российская областная писательская организация страдает, стареет все с теми же проблемами. Большинство писателей утратили было надежду напечататься и в «Литературной России», в региональных журналах. «Волга», например, журнал даже не для саратовских писателей. Конечно, единственное периодическое журнальное издание не в состоянии уделить внимание всем творческим организациям, удовлетворить интересы 55 миллионов россиян, живущих на берегах реки великой. Вот и предлагают напечатать иногда очерк, статейку краеведческого содержания, а до художественной литературы будто бы интереса нет. Дальнее, давнее, конъюнктурно-острое надо давать, чтобы удерживаться в борьбе за подписчика с монопольными журналами. Придется через десятилетия разыскивать забытое, не опубликованное в наше время и удивляться, как еще жила, создавалась российская литература. И вспомнятся потомкам тревожные слова Виктора Астафьева: «Наиболее актуальной темой для литератора, живущего во

глубине России, я считаю разговор о положении российской литературы и о жизни писателя на периферии. Положение здесь бедственное».

Живем во времена глобальных трагических потрясений. Бедственное положение творца и духовного радетеля будто бы заметить некому. А сам он даже не ропщет, утешаясь все тем же родительским наставлением: «Не завидуйте другим. Все у нас есть, а чего нет, того нам и не надо». Терпят, терпят братья писатели. Виктор Лапшин в Галиче давно ждет квартиру, хотя, сочувствуя ему, кто только не хлопотал, не обращался к местному руководству. Семидесятилетний Виктор Куликов в Буе давно мечтает улучшить жилищные «шумные» условия. Борису Бочкареву в Судиславле никак не отремонтируют квартиру. Литфонд приличную сумму перечислил, а на месте все изыскивают материалы, рабочую силу и еще какие-то возможности. В областном центре телефон в квартире писателя считается излишней роскошью, что уж там о дополнительной жилой площади для рабочего кабинета говорить или о месте для гаража). Таких-то примеров ответственный секретарь любой писательской организации может насчитать, загибая пальцы на обеих руках.

Невнимание к творческим людям — одна из печальных особенностей провинциальной жизни. Инакомыслящих здесь стремятся поставить в унизительное положение. Бережное отношение к любому художнику, как и ко всякому честному труженику, должно быть нормой нашей общественной жизни. А.М.Горький часто ставил такие вопросы: достаточно ли осторожно относимся мы к людям? Достаточно ли умело ценим их работу? Способности? Не слишком ли суровы к их ошибкам и проступкам?

Вглядываясь в историю человеческой души, убеждаюсь в необходимости учитывать нравственное самочувствие человека. Писатель не выискивает репортерские сенсации, он менее других склонен к суете, его дело — думать о путях духовной жизни, определяющей режим общей повседневности…Перемены в людях происходят медленно, с большим трудом. И чем сложнее общественные процессы, тем разнообразнее проявляется человеческая сущность, скверная и добрая, — не потому ли стало очевидно падение нравов? Люди не чувствуют стыда за то, что обижают другого человека. Надо всерьез заниматься не только экологией природы, но и экологией культуры, нравственности. Если мы озабочены состоянием нравственности, укреплением духа и самосознания, то нам не обойтись без перестройки образования, переориентации общественного сознания в пользу детства, школы, деревни, провинции. Знание основ народной морали, культуры и лада, знание истории родного

края, умение ценить созданное прародителями и чувство собственного достоинства закладываются с детства. Нужно создавать условия, материальную базу общекультурного строительства именно в глубокой провинции, в самой народной среде. Децентрализация культуры неизбежна.

Уверен, требуется иное, уважительное отношение к учителю, художнику, писателю, артисту. К каждому мало-мальски одаренному человеку. Надо увидеть, понять, оценить «местное творчество». Да — и способом создания для него условий. Оглядимся, чтобы понять то, что имеем. Будем уважать свое, не полагаясь на заморское, привозное, от других корней и традиций, потому чуждое нам. Привозная массовая культура духовную жизнь в провинции не выстроит. Нам нужны в Костроме, в районах свои культурные центры, дома интеллигенции, различные студии, школы. Требуется свое телевидение, чтобы ученый, артист, художник, журналист, писатель вели прямой разговор с земляками о наболевшем, убеждали, просвещали. Нужны свои культурные программы, газеты, альманахи, журналы. Пора возрождать Костромское издательство. На культуре экономить больше нельзя.

Михаил БАЗАНКОВ,
«Литературная Россия», №36, 08.09. 1989г.
(Печатается с сокращением).

Информационными строками

* * *

Делегат от костромских писателей М. Ф. Базанков на IX съезде Союза писателей России избран в правление и секретарем этого Союза. Ю. В. Лебедев избран в правление.

В журналах «Москва», «Наш современник», «Юность», «Нева», «Русь», в газете «Литературная Россия» опубликованы произведения Виктора Лапшина, Леонида Попова, Владимира Максимова, Бориса Козлова, Юрия Лебедева, Павла Румянцева, Романа Семенова, Владимира Рахматова.

* * *

В августе буевляне отметили 75-летие В.И.Куликова. Ему присвоено звание «Почетный гражданин города Буя».

* * *

Две литературные встречи были посвящены творчеству О.Н.-Гуссаковской. Обсуждены повести «Скамья» и «Персиковая коробка». Последняя опубликована в журнале «Губернский дом».

* * *

Заметным событием, определяющим новые направления в культурной жизни области, стали дни литературы и творческие семинары в г.Галиче. По итогам дней литературы были подготовлены публикации в газете «Костромской край». Специальный выпуск тележурнала «Во глубине России» транслировала на российском канале Костромская ГТРК (автор Александр Зайцев).

* * *

Члены правления СП России Михаил Базанков и Юрий Лебедев участвовали в работе пленума Союза писателей России в г. Орле. «Русская литература. Истоки. Традиции. Современность» — так была обозначена тема.

Ю.В.Лебедеву, писателю, литературоведу, члену правления нашей организации, профессору Костромского университета, присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки».

* * *

Костромских писателей тепло встречали в Судиславле, Галиче, Красном, Волгореченске и Костроме. За год проведено более 350 встреч и выступлений.

* * *

На объединенном Пленуме творческих союзов (г. Москва) в числе 20 представителей СП Россия присутствовал М.Ф.Базанков. Пленум разработал программу поддержки творческих работников.

* * *

Подготовлены в выходят из печати в типографии им.Горького: книга Бориса Бочкарева «Минуты откровений», поэтический сборник Татьяны Иноземцевой «Дикая яблоня», книга для детей «Лучше маленькими будем» (авторы — О.Н.Гуссаковская, С.Г.Степанова, Виталий Кодрян, Сергей Савин), издание которой осуществляет бюро пропаганды художественной литературы.

* * *

По ходатайству Союза писателей России в Костроме появилась улица Евгения Осетрова.

* * *

В Поназыреве отмечено 60-летие земляка — рано ушедшего из жизни писателя Олега Куваева.

* * *

Издание литературных приложений к районным газетам, начатое по инициативе писательской организации и при поддержке областного управления по печати, стало жизненной формой сохранения культуры в провинции. Такие книжки издали в Павине, Поназыреве, Мантурове, Макарьеве, Красном-на-Волге, Нерехте, Костроме, Буе, Меже.

* * *

Стали памятными передачи но костромскому радио, подготовленные с участием Леонида Попова, Виталия Пашина, Владимира Старателева, Нины Снеговой, Елены Балашовой, Алексея Акишина, Михаила Базанкова, Светланы Степановой, Ольги Гуссаковской, Романа Семенова и других авторов. Слушатели отметили передачи из районов и поэтические композиции, подготовленные Е.А.Мячиной.

* * *

Вышла книга бывшего преподавателя пединститута А. В. Миронова «Мир красотой спасется» (Этюды к роману о Достоевском), отрецензированная в писательской организации, отредактированная в Верхне-Волжском книжном издательстве, но вышедшая в г. Костроме.

Под руководством Н.В.Снеговой, В.М.Старателева, Е.А.Разумова в писательской организация прошел семинар, посвященный авторской песне, на котором собрались авторы из Буя, Галича, Красного-на-Волге, Костромы.

«Литературная Кострома», №1, 1995г.

Михаил Базанков

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Заметки к докладу на юбилейном общем собрании 20 декабря 1996 года.

Терпение и надежда еще не выгорели в том пожаре, опасность которого предсказывал Валентин Распутин. А сегодня есть достаточно оснований ставить в один ряд костры, в которых сжигали книги, и огонь чистогана, убивающий души. О таких ли переменах мечтали и самые рьяные либеральные демократы в провинции? Сегодня очевидно: ожидание перемен было более приятным, чем сами перемены. Они обманули большинство из нас. Униженным, бесправным, обездоленным и молчаливым оказался русский писатель Скандалы, конечно, возникали среди столичного имущего писательского класса, нам же они были не нужны, потому что делить было нечего. Но по вине долгоцарствующих начальников и нас прикрыла тень читательской неприязни, чиновничьего безразличия.

Разрушена издательская и книготорговая сети. Была цель: создать и в художественной сфере коммерческие отношения, поделить имущество Союза писателей, ликвидировать областные организации, лишить финансирования, обрубить телефоны, отобрать печати. «Ату!» — кричали активисты, наставляя Президента: «Распни, распни!». И уже собирали новые литературные кадры по каким-то особым спискам. Спешно создавали альтернативные организации на местах, политизированные творческие Союзы. Надо признать, и наши местные активисты, наши коллеги подливали масла в огонь, многократно призывая к ликвидации — чем был нанесен серьезный вред. Эти призывы финансистами были поняты по-своему: вычеркивали из областного бюджета строку — издательская деятельность. А мы, писатели, обреченные на долгое молчание, искали виноватых среди бесправных и обездоленных, серчали друг на друга.

Нынче не напишешь нравоучительный доклад про особо уверенную поступь на главной магистрали, не возгордишься тем, что за долгий период существования организации не допущено ни единого идеологического просчета, не призовешь на помощь обком, секретариат Союза. В чем-то мы стали другими: свободнее, независимее. Но бесправнее по экономической зажатости.

Что с нами было, как жили и как живем теперь? Видимо, пришел час остановиться в реформенной суете и оглядеться, чтобы по-

нять, от чего ушли и к чему прибежали, понять все, что ретиво сделано и во имя чего. Это осмысление — уединенное дело писателя. У каждого свои сомнения — наставники тут не помогут. У нас трудное, сложное индивидуальное ремесло. Но необходимо чье-то понимание, участие, товарищеская сопричастность. В этом смысле неутраченное духовное родство может выручать. Тут и главная задача творческого товарищества с неограниченной ответственностью.

Приходится учитывать, что в пору рыночной благодати почти десять лет власть и культура говорили на разных языках. Подлинная культура не приемлет торгашеской, политизированной, грязной и зубоскальной эстетики. Она не может принять особую матерную, хулительную лексику. Литература всегда помогала преодолевать некрасивость жизни. Неуслышанные писатели настойчиво говорят об уроках классической русской литературы: учитывала она историческую и просто человеческую потребность в положительном герое. Но нынче торжествует изощренное в пошлости и пакости сочинительство якобы для того, чтобы читатель пресытился ужасами и стал чище, лучше, возвышеннее…

Оценить современность, разобраться — тут нужна дистанция для успешной работы. В эмоциональном, интуитивном плане — быстрее отзывается поэзия. Для нее и старались мы найти хотя бы «окошечко», спасающее от разрушительного молчания. Теперь очевидно: стратегия и тактика оказались оправданными. «Литературная Кострома» сделала свое дело. Инициатива издания небольших книг в районных типографиях поддержана.

Сожалея о годах, потраченных на разборки, мы спохватились одними из первых в России, вслед за Иркутском. При партийном отрицании, без финансов начали «Литературную Кострому», разумея в скором времени превратить ее в журнал, при котором хотелось издавать литературные сборники, альманах. Пошли полосные поэтические подборки. «В век сумасбродства и въедливой лжи, страха и крови» окликал высоким слогом Леонид Попов.

Не спеши, говорю, не спеши,
И поймешь, осененный слезою, —
Кто-то должен курлыкать в глуши,
Чтобы мир устоял под грозою.
Не спеши, говорю, не спеши
Дай доверию к сердцу пробиться…

Да, сердцу было тревожно в сочувствии к другим. Я знал, какие они, литературные силы, какие чистые голоса за лесами. «Крикнуть, позвать бы — да голос-то ветром, голос относит назад...» Ветром рыночной благодати. А люди уже научились отрекаться, «рвать друг другу потроха».

Под барабанный бой вранья
Какие песни брат...

Из галичской деревни Костомы сборником «Молодой бобыль» сказался Сергей Потехин.

Чуть дальше — в Парфеньеве Татьяна Иноземцева вышла на новый поэтический уровень, заговорила напористо и жестко.

Сгубили душу, что ни говори.
Испил народ не из того колодца,
Варяги не извне теперь — внутри.
И с чем бороться?

Явила новое качество Елена Балашова из Чухломы:

Сменили одежки, сменили обложки
Так, словно живут не всерьез — понарошке.
Сменили названья, идеи и штаты.
Однако же прежней осталась расплата.
Расплата за кровь, за измену проста.
Иудам, предавшим народ, как Христа,
И пусть они снова одежки меняют, —
И через столетья их снова узнают.

А здесь, в областном центре, поэт, ученый историк Алексей Зябликов, с болью оглядывая стоеросовый лес, не смог пройти мимо «Трубача», И по всему забурьяненному российскому полю зацвели «глупенькие васильки», в наивности и печали думающие не о своей «сорняковой» судьбе. Я знал, верил: неспешно, от глубинных народных корней возвышается смелый голос Виктора Лапшина. Убеждайтесь по книге «Кольцо», по новым публикациям в журналах…

Разумеется, наша костромская поэзия сильна не только жестким гражданским звучанием. Это хорошо чувствую, понимаю. И потому слышу многие голоса, радуясь разнообразию. И потому остро чувствовал необходимость зафиксировать во времени, как в военную пору, небольшими сборниками, плотно набранными, хотя бы часть того, чем богаты. Обозначены голоса Н.Зайцева, Ст.Михайлова, Е.Разумова, В.Смирнова, Б.Дроздова, Н.Муренина, С.Виноградовой. Появляются книги Вяч.Смирнова, Н.Снеговой, А.Беляева, Е.Балашовой.

Заметим, издаются не члены Союза писателей: В.Клевич, А.Скуляков, Ю.Балакин, О.Колова. Нашими стараниями и своими собственными силами. Серия «Литературная Кострома» станет явлением, свидетельством наших искренних устремлений. Ее уже оценили. Но власть, говорящая на другом языке, еще не встрепенулась.

Известно, преднамеренная политика убеждения не принимает, у нее собственные установки. Понимая это, стратегический заход был сделан из глубинки, от районов, даже от зарастающей

лесами и бурьяном моей родной Межи. «Смотрите, такой район, такая бедность, но есть хорошая библиотека, музей с литературной экспозицией, в школах начали работать литературные студии, издаются детские журналы. И вот книга учителя под названием «Межа» издана на средства администрации.

Разными способами издано около 40 поэтических и прозаических сборников. Близка к выходу 12-листовая книга К.Абатурова.

Не остались незамеченными публикации в журнале «Русь»: повести М.Базанкова, В.Корнилова, рассказы Б.Бочкарева, К.Абатурова, О.Гуссаковской, повесть и рассказы В.Рахматова, поэтические подборки Л.Попова и других поэтов, статьи Е.Стеланенко, Б.Козлова. «Губернский дом»: повернулся к писателям и литераторам. Хорошие получились поэтические подборки Ю.Бекишева, С.Потехина, Е.Разумова, В.Максимова, А.Беляева, В.Лапшина, Л.Попова и других. Событием стала публикация повести О.Гуссаковской. Центральные журналы «Юность», «Москва», «Наш современник» и другие порадовали публикациями П.Румянцева, Л.Попова, и, конечно, В.Лапшина, удостоенного нескольких премий. Он вошел и в возрождаемое издание «Дней поэзии». Таковы перечислительные итоги публикаций. Таковы предпосылки для положительного движения к тому, как должно быть. Добавлю, по итогам Всероссийского совещания молодых писателей был издан Союзом сборник «Дверь», названный по большому рассказу П.Румянцева.

Особая благодарность писателям, поддержавшим издательское начинание. О.И.Каликин проявил настойчивость и предприимчивость: серию сборников малым тиражом сумел издать, опираясь на бывших учеников, друзей, просто уважительно относящихся к писателю земляков. Хорошую настойчивость проявили А.Акишин, Ф.Соломатова, в подготовленный момент обозначили себя перед администраторами В.Пашин, К.Абатуров и другие. Общими усилиями, смотришь, что-то и получается.

Подготовлен сборник Е.Балашовой, в работе книги В.Шапошникова, В.Максимова, Е.Тихомировой.Движемся к возрождению альманаха «Кострома», в 97 он выйдет. Твердо запланированы на будущий год: Акишин, Гуссаковская, Старателев, Бочкарев, Лапшин, Попов, Иноземцева, Ю.Бекишев, в начало 98 — В.Корнилов, далее — О.Каликин, Зайцев. Задуман сборник критических, литературоведческих статей, творческих портретов,

Дополнительное основание для надежных связей со школами дает региональная программа по литературе, составленная при активном участии Ю.Лебедева, школы работают по 3-му изданию его учебника «Русская литература». Составлена к программе 2-х томная Хрестоматия.

Положительное значение имеют публикации, выступления на радио, телевидении. Затевая рубрику «К юбилею организации», я намеренно обходил факты, имена, не просматривал периоды становления, которые следовало упомянуть в первую очередь. Рассчитывал, что подключатся наши писатели, вспомнят коллег, друзей, товарищей. Какие талантливые, интересные были у нас земляки. Мне показалось: они должным образом не прочитаны, редко упоминаются. К тому же «замалчивание» прозы обедняет представление о костромской литературе. Поэтому и родился цикл передач «Антология Костромской прозы» с сочетанием рассказов о жизни, творческих судьбах. Восторг, восхищение, гордость за многих костромичей я уже испытал. Подготовлены 24 передачи. А сколько еще интересного осталось!

Обнаруживается немало забурьяненных, нераспаханных полос, на которых при почтении к предшественникам следует взращивать новые посевы. Внимание к местной литературной истории плодотворно.

Значение дней литературы, проводимых по всем районам, никто не может оспорить. Наполненность их определяется нашей перспективной программой с учетом проблем обучения и воспитания, с учетом «заброшенности» дальних населенных пунктов. До пятисот выступлений ежегодно. Сложилась стратегия и тактика связи с районными администрациями, отделами культуры и образования. Какие прекрасные получатся встречи с читателями, какой яркий резонанс они имеют!

Мы начали писать «летопись» наших встреч. Создаем аудио и видеофонд: записаны передачи, выступления писателей, созданы фильмы о днях литературы в Галиче, Парфеньеве, Шарье, Антропове. Фильм о Т.Иноземцевой, беседы с В.Лапшиным, Л.Поповым, передача о П.Румянцеве (спектакль его) и другие. Комплектуются фотоальбомы.

Всех встреч, обсуждений рукописей не перечислить. Дважды встречались с членами редколлегии журнала «Русь», затем с зам.-редактора журнала «Наш современник» Казинцевым, с бывшим сахалинским администратором, с зарубежными журналистами и литераторами, главами администраций. Литературные чтения памяти Е.Осетрова, И.Дедкова, встречи с художниками, устраиваем выставки. Появилась еще одна возможность для встреч — музей «Литературная Кострома». Работаем совместно с библиотекой им-.Крупской, проводим юбилейные вечера, кажется, хорошо складываются они. Заложен фундамент нового отношения к литературе — так и было сказано на открытии памятника А.Ф.Писемскому.

Всего не перечислить. Главное — внимание, искренняя забота о каждом писателе. Не стану перечислять, каким способом, кому и сколько удалось помочь, какие еще придется пробить стенки по квартирным вопросам в Костроме, Галиче и других городах.

Удалось сохранить творческое настроение. Выйти к новой качественной ступени наших изданий. Сравните книги, поэтические сборники, в частности, выходящие в благодатные времена: объемы, тиражи, способ подачи. А ведь мы — не издательство.

Рукописей поступает очень много. Есть и нетерпеливые авторы, есть придирчивые, самомнительные. «Почему не меня в первую очередь издаете?» Будто у нас тут крутится технологический профинансированный процесс, только заказывай, рекомендуй.

Способ обсуждения рукописей, прохождения их обсулавливается наличией средств, которые сначала нужно выхлопотать, выцарапать. Получается так: кому-то и повезло, кого-то от беды, разрушительного молчания торопимся спасти. Издаем, представляя авторов в развитии, с возможностью прочтения судьбы, личности.

Писатели работают настойчиво, терпеливо. Наша поэзия и проза не разлохмачены коммерциализацией жизни. — Подтверждают это и тоненькие книжицы, изданные с редактированием, обсуждением произведений О.Гуссаковской, П.Румянцева, А.Акишина, В.Рахматова, Ст.Михайлова, Ф.Соломатовой, В.Бочкарева, М.Зайцева, О.Калинина, В.Старателева, В.Лапшина.

Недавнее чтение засвидетельствовало; завершает трилогию В.Корнилов, документальную книгу К.Абатуров. Наша жизнь — в преодолении всего скверного, в преодолении отчуждения, оторванности провинции от столичных структур, в том числе и от Союза писателей, Литфонда, редакций периодики.

Каков бы ни был государственный строй, он не может быть прочным, если нельзя рассчитывать на честность, порядочность соседа, ближних людей. Так и в организации. Пока еще мы живем сознаньем: радость творчества выше богатств «новых русских». Утверждается впечатление: литературные битвы закончились, размежевание, разделы, столичные ссоры из-за имущества не расторгли творческого интереса друг к другу...

* * *

Вспомним утверждения известных писателей мира: самым ценным достоянием любой страны являются ее литературные идеалы. Литература — отзвук и наших чувств на долгие времена, она движется верой и надеждой, взращивает многократно главную мысль: человека по своей природе всегда влечет к тому, что прекрасно.

Взглянем в начало века. Яснополянский граф, наделенный богатыми возможностями разнообразного общения в девятьсот десятом году, выражая свое отношение к предполагаемому съезду писателей, приветствовал людей, стремящихся к единению, говорил, что относится сочувственно, «особенно в настоящем случае, когда стремятся к единению писатели, люди, занятые деятельностью слова — могущественного орудия людей.» Далее в рассуждениях Лев Николаевич подчеркнул, что всякому уважающему себя человеку, а тем более писателю, нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством, и тем более несовместимо с достоинством человека руководствоваться в своей деятельности предписаниями этих людей. (Это из письма Градовскому, почетному председателю Второго Всероссийского съезда писателей, который состоялся в Петербурге в апреле — 22-29, 1910 года). Так что писательские организации, съезды — это не придумка советского периода нашей истории.

Но приходится вновь и вновь учитывать, что для действующих под девизом «чем хуже, тем лучше» литература, поддерживающая нравственные начала в человеке, его самосознание и чувство национального человеческого достоинства, — серьезная помеха. И они ополчаются на нее. Не потому ли так много было сделано для заглушения, разделения, разобщения писателей, раскола творческих союзов, для разрушения единого культурного пространства. Но все-таки духовное родство оказалось неразрушенным, неутраченным. Это подтверждали Пленумы Союза писателей России в Орле, Волгограде, Якутии, на Северном Кавказе. Сейчас возвращается обоюдный интерес писательских Союзов Белоруссии, России, Армении, Грузии, Азербайджана, других бывших республик. Под напором региональных организаций и писательских Союзов новых государств провели в Колонном зале Дома Союзов юбилейный вечер, посвященный 60-летию Союза писателей. Председательствующий Сергей Михалков задал тон: «Сегодня сама жизнь диктует писателям необходимость сохранения единого культурного пространства». А наш земляк Виктор Розов признался:

— Я переживаю развал страны как разруху, аварию своего собственного дома… Действительно, Михалков прекрасно сделал свой короткий доклад и указал на все, что было ужасного, страшного и прочего. Но лично мне чаще всего в Союзе писателей было хорошо. Я люблю людей, люблю общаться, я не хочу жить одиночкой.

Лучшее, доброе, объединяющее чувство духовного родства никакими личными амбициями перечеркнуть нельзя. Приходится напомнить, что в разладе никому лучше не стало. Еще не утрачено

почтительное отношение к литературе. Еще сохраняется в самых дальних районах интерес к нашему художественному и публицистическому слову.

Директор Судайской средней школы Александра Федоровна Борисова через несколько месяцев после нашей встречи пишет:

— Честно признаюсь: самым замечательным событием в школе за прошедший год была встреча с писателями. Покорила Ваша простота, естественность, непринужденность и глубина мыслей патриотических, выданных так доступно и душевно. Казалось, и я так же думаю, я тоже об этом знаю, но до Вас не могла выразить словесно в общении с коллегами и детьми. Вы глубоко затронули душу, заставили тревожно задуматься о настоящей жизни, размышлять о традициях и обо всем русском, нашем, деревенском, о красоте душевной и мудрости простого «маленького» человека. Всколыхнулось чувство гордости за наш русский язык, которым вы так здорово умеете пользоваться. У нас после этого был большой разговор и новый праздник, не хватало только Вас, Вашего умного, зажигательного Слова, патриотизма, оптимизма. Поэтому приезжайте еще к нам, снова будет Праздник!

Евгений Зайцев

СМЕНА СМЕНЕ ИДЕТ

Безденежье не позволяло областной организации СП четыре года проводить семинары с начинающими литераторами. И вот наконец-то собрались. На три дня. В изумительном по красоте месте — Козловых горах, где сама обстановка, кажется, располагает к лирическому настроению.

Вижу много знакомых лиц, еще больше новичков. В процессе знакомства узнаю: в семинаре участвуют семнадцати-двадцатилетние. А Лия Горбунова в свои 14 лет представила несколько рассказов, один из которых вошел в только что изданный сборник «Пусть будет зорче идущий следом». Кстати, в нем представлены около пятидесяти авторов. Практически все, кто пожелал участвовать в семинаре, выступили в сборнике со своими произведениями. Как напутствие молодым, звучит в нем обращение старейшего писателя области К.И.Абатурова: «Светить всегда!»

Но вернемся к семинару. Начался он с пленарного заседания, на котором выступил председатель правления писательской орга-

низации М.Ф. Базанков. Он не только рассказал о литературных процессах, происходящих в области, но и много внимания уделил проблемам «Писатель и время», «Как наше слово отзовется», сохранения культуры в провинции, развития языка. Наблюдаю за залом — слушают оратора внимательно, значит, задевает за живое.

Вслед за вступительным словом участник семинара П.Б.Корнилов, сам представивший работы на суд товарищей, сделал обозрение новых поэтических сборников четырех авторов. Высоко он оценивает две книжки Дмитрия Тишинкова, изданные одна за другой в течение года. Забегая вперед, скажу: по итогам работы семинара этому автору предложено готовиться к вступлению в члены Союза писателей. Отметил П.Б.Корнилов и творческий успех Ирины Блиновой, чья книга совсем недавно увидела свет.

Обстоятельный анализ литературного процесса сделал критик из Галича Р.А.Семенов. Очень его волнует проблема языка, который в теле- и радиопередачах, а то и в художественных произведениях все чаще снисходит до вульгарного! По мнению критика, читателя завалили «якобы потребным чтивом». Но он тут же задает вопрос: потребным или навязанным? Ответ, на его взгляд, несложный: сначала «навязанным», потом — «потребным», подобно табаку и иному соблазну. Проанализировал Р.А.Семенов конкретные произведения из сборников «Кострома», «Созвездие» и других. Много внимания он уделил книге Евгения Разумова «Четвертый Карфаген». Стихи Ольги Коловой вызвали у него ассоциацию с пронзительной музыкой Георгия Свиридова. Пожалуй, такой оценки на семинаре никто не получил.

Второй день семинара — занятия по секциям. Разошлись прозаики и поэты. Вторых оказалось раза в два больше, что вполне оправданно. Иду сначала к прозаикам, семинар которых ведет судиславский писатель Борис Бочкарев. Обсуждать творчество начали с самого «смелого». Им оказался Герман Котов из Вохмы, которого судьба побросала по свету, вплоть до сибирских берегов Ледовитого океана. Его впечатления нашли отражение в рассказах и лирических зарисовках.

По словам Виталия Пашина, у автора «есть большие удачи», в них «виден лирик». Процитирую несколько строк из миниатюры Германа Котова «Северные малютки»: «Раздвигаю руками мох и вижу крохотную березку. Она не стояла, а лежала, заслоняясь мхом от обжигающего холодом ветра... Выбросит Она через неделю листочки с ноготок младенца. Распушится. Сережками украсится, но не встанет». Даже по одному этому отрывку можно сделать вывод, как наблюдателен автор. Ему порекомендовали трудиться именно в жанре лирических миниатюр. Собравшимся понравились и ми-

ниатюры Андрея Федорова из Красного. Как о «зрелом авторе», отозвались ведущие семинара о Вячеславе Арсентьеве (Поназырево). По их мнению, он «способен писать серьезные вещи». О творчестве Юлии Медведевой, третьекурсницы КГУ, высказано резюме: «Слог чистый, прозрачный». Интересные фантастические рассказы представили за псевдонимом Елена Еленина два автора — студентка медучилища и библиотекарь. Им тоже рекомендовано «писать».

После перерыва иду в семинар поэтов. И главное, кажется, пропустил — обсуждение творчества Татьяны Дмитриевой из Шарьи. Именно ее предложено рекомендовать в члены Союза писателей. У нее есть книги, а в книгах — зрелые стихи.

Что характер женщины?
Утренники марта.
То с утра взъерошенно
Фыркают ветрами,
То скребут порошею
По оконной раме.

Из короткого отрывка виден развернутый образ, с которым читатель может согласиться либо нет.

Однако и то, что пришлось услышать, заслуживает внимания. Только очень жаль, что узкие газетные рамки не позволяют более подробно рассказать и о другом дне работы семинаров. Следует сказать, что творчество всех его участников не осталось без внимания. Причем даже на самую жесткую критику никто не обиделся. Ведь разговор шел не только корректный, но что самое главное, дружеский, без поучений и нотаций.

В разные дни семинара к литераторам приезжали руководители области — глава администрации В.Шершунов и председатель областной Думы А.Бычков, а также начальник департамента по делам культуры, кино и исторического наследия Г.Иванова. Разговор с ними получился интересным. Кроме того, они вручили грамоты и благодарственные письма некоторым членам. Союза писателей и уже известным литераторам.

Подводя итоги семинара, М.Ф.Базанков оценил его как продуктивный и полезный. Он назвал имена 12 кандидатов, которых уже можно готовить к вступлению в члены Союза писателей Российской Федерации. С их творчеством мы познакомим читателей в очередном выпуске «СП-Культура».

Октябрь 2000г.

ПАМЯТЬ

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

«Избранное» — это последняя, посмертная книга моего отца, старейшего костромского писателя Константина Ивановича Абатурова. Он готовил ее к своему 90-летию, до которого, к великому нашему сожалению, ему не довелось дожить.

Этой книгой отец хотел подвести итог своей многолетней творческой деятельности. Десятилетия он отдал честному служению отечественной литературе. Он отобрал для этого издания повести, рассказы, новеллы, литературные воспоминания из 25 книг, написанных им и вышедших в разное время, а также свои последние, еще не опубликованные (или известные лишь в сокращенном газетном варианте) произведения.

Открывает книгу новая, недавно законченная повесть «Жаркое лето», посвященная проблемам современной деревни, роли молодого поколения в ее возрождении. В данную книгу вошли,

действительно, избранные, лучшие произведения К.И.Абатурова, которые не могут не взволновать читателя, оставить его равнодушным к событиям, описываемым автором. Это, прежде всего, необычайно захватывающие, пронзительные повести «Год и одна ночь» и «Дым над кордоном», рассказывающие о людях нашего времени, главы из романа «В строю», повествующие о военном лихолетье.

Настоящими жемчужинами писательского мастерства, в которых наиболее ярко раскрылся талант художника слова, являются рассказы «Земельный шар» вертится», «Вальс», «Липовый мед», «Звездочка», «Новое море», «Встреча в ночи», «Рыжик» и др.

Многие произведения, вошедшие в данную книгу, автобиографичны. Они согреты особой теплотой и любовью, это сразу почувствует читатель, познакомившись с отрывками из романа «В строю», рассказами «Вальс», «Последние дни старого мельника», «Братнина березка» и др.

Все произведения К.И.Абатурова проникнуты любовью к человеку труда, в них раскрывается его духовный мир, в котором нет места фальши, непорядочности, предательству. Его герои — это люди долга, честные и бескомпромиссные, уверенные в своей правоте и способные постоять за нее до конца.

Мой отец прожил долгую, прекрасную жизнь, он был современником тех событий, тех изменений, которые происходили в нашей стране в XX веке, в течение почти девяти десятилетий, которые отпустила ему жизнь. Он никогда не был лишь посторонним наблюдателем и отражал в своем творчестве то, что особенно волновало его, с чем он не мог согласиться, с чем, по его твердым убеждениям, надо было бороться, и он делал это — своим писательским пером. Эта непримиримая позиция автора наиболее остро ощущается в таких произведениях, как «Жаркое лето», «Дым над кордоном», «Имя твое», рассказах «Веселый», «Иваново поле», «Кричат чайки» и др.

«Выходных у писателя не бывает», — так всегда говорил Константин Иванович. Он писал неустанно, до последнего дня, пока тяжелая болезнь не сломила его, он работал над этой своей последней, итоговой книгой, готовил ее к изданию. Отшлифовывал каждую фразу, вновь обращался к написанному ранее, многое переделывал, дополнял, поэтому даже опубликованные произведения представлены здесь в новой редакции.

Я попыталась лишь довести до конца огромную работу, проделанную моим отцом. Надеюсь, что эта книга придется по душе читателям разных поколений.

Татьяна АБАТУРОВА

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

27 декабря 1994 года в г.Москве на 61-и году жизни скончался известный литературный критик и журналист Игорь Александрович Дедков.

30 лет его творческой и общественной жизни были связаны с Костромой, куда он приехал в 1957 году после окончания факультета журналистики Московского государственного университета. Здесь он прошел путь от литературного сотрудника до заместителя редактора газеты «Северная правда», от председателя областной журналистской организации до секретаря Союза писателей СССР. На костромской земле взошло и выросло его литературное имя — одного из лучших критиков страны, автора многочисленных статей и рецензий о литературе, кино и театре, опубликованных в 60-80-е годы в «Комсомольской правде» и «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Театр», «Искусство кино», «Наш современник»...

Творчеству Игоря Дедкова всегда были свойственны публицистическая острота, высокая художественность, глубокая нравственность, произведения его вызывали неизменное внимание широкой читательской публики.

Четверть века назад одним из первых на страницах центральных и местных изданий Дедков начал серьезный разговор о культуре российской провинции, благодаря ему творческими нитями с Костромой были связаны выдающиеся писатели современности Федор Абрамов, Василь Быков, Сергей Залыгин, ставшие героями его замечательных книг.

Творческая личность Игоря Дедкова объединила в Костроме самых разных людей — писателей и журналистов, актеров и художников. С 1987 года он жил в Москве, где работал заместителем главного редактора журнала «Коммунист» (сейчас — «Свободная мысль»), но в Кострому приезжал, и творческие встречи его с читателями были всегда интересны и незабываемы.

Память об Игоре Александровиче Дедкове, талантливом журналисте и писателе, искреннем и добром человеке, навсегда останется в сердцах костромичей.

Литературная Кострома, №1 (68), январь-95, 3

Игорь Дедков
(1934-1994)

(Из книги «Во все концы дорога далека»)

...В пятьдесят седьмом после Московского университета я приехал в Кострому работать. Позже понял, что приехал жить. С той первой костромской осени прошло двадцать два года. Наверное, Кострома и есть моя настоящая малая родина. Что толку искать, выдумывать другую, склеивать детские воспоминания, когда полжизни прожито здесь, лучшие годы, что ни говорите. И догадываясь, что где-то теплее и сытнее, спокойно думать, что здесь не хуже; в конце концов, одно и то же над нами небо, и вдыхаем мы воздух одной и той же исторической поры, и если человек хочет работать, то он работает всюду, и лишь это имеет значение. Теперь это твой дом, думаю я еще, дом твоей семьи, твоих друзей и знакомых, твое пристанище и прибежище, твой наиближайший мир, где ты — более чем где-либо — свой.

...Как и многим, мне нравится ходить по старым улицам; там у каждого дома — свое выражение лица. Вечерами я тоже смотрю на освещенные окна, таинство непрерывно сверкающей, неизвестной мне жизни окружает меня, и непонятно почему волнуется душа, беспричинно кого-то жалея, кому-то сострадая. Это быстро проходит, но бывает всякий раз, когда идешь, видишь и слышишь, а не летишь, занятый собой и своим, мимо всего и всех, может быть, все это — сентиментальная чепуха, и пьяный вопль у пивной живо напомнит, что никаких тайн нет; но вот худенькая старушка в мужском подвязанном треухе сметает с крыльца снег, девушка с полными ведрами на коромысле, качнув блеснувшей густой водой, сворачивает в калитку, мужская тень в окне склонилась, сгорбилась над столом... И снова рождается острое чувство непроглядной глубины жизни, и приоткрывается на миг общность нашей судьбы, земного срока, человеческого удела, и проступает прошлое, почти по Финнею... Мир, наверное, вмещает прошлого не меньше, чем настоящего; он растет из прошлого, но это не во всяком месте можно почувствовать. На старых улицах старых городов — можно...

Гражданский мир

В числе 12 кандидатов в делегаты XXVIII съезда КПСС от Свердловской районной партийной организации по избирательному округу №10 писатель И.А.Дедков, Предлагаем вашему вниманию выступление секретаря СП СССР, члена редколлегии журнала «Коммунист» Игоря Александровича ДЕДКОВА на встрече с кандидатами в делегаты съезда, состоявшейся 24 апреля.

Предстоящий съезд будет съездом острой и открытой борьбы. И главная опасность, я думаю, это опасность объединения консервативных сил: сталинистских, национал-патриотических и промонархистских. Если они одержат победу, страна будет ввергнута в новую трагедию, сравнимую разве что с пережитой ранее. На съезде я бы, как мог, противился победе этих сил.

Я представляю журнал «Коммунист». И не стыжусь ни названия, ни того, что он делает. Журнал принадлежит к радикальному направлению. Его линию можно обозначить, пожалуй, двумя именами — Горбачева и Яковлева.

Я не стыжусь и названия партии. Коммунистическая идея родилась не с Марксом и не с Лениным. Она уходит далеко в прошлое — к Христу. Она жила и в средневековье. Поэтому не считаю, что партии надо отказываться от названия и придумывать новое. Нас должна заботить не форма, а существо, содержание ее деятельности.

Руководство партии направляет свои усилия на гражданский мир, и это очень важно. Гражданская и национальная вражда — самое опасное, что может нас ждать впереди. В условиях многопартийности единственная надежда на стабильность — коммунистическая партия. Возникающие новые партии вряд ли могут стабилизировать обстановку. Сильные и влиятельные партии в одночасье не возникают. Я не идеализирую ситуацию в партии: крайне левые и крайне правые смыкаются в отрицании ее коренных ценностей.

Согласен с академиком Шаталиным, что предсъездовская платформа ЦК — это минимум того, что нужно сделать, чтобы выдержать линию на обновление партии, на демократический и гуманный социализм. То, что происходит сегодня у нас в стране, партии — это, быть может, последний шанс социализма. Когда я говорю о социализме, то имею в виду обеспечение свободы, достоинства, равенства и справедливости для каждого человека.

«Литературная Кострома», №5 (12) май 1990 года.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О «ГРОЗЕ»

...А почему это, в самом деле, наши десятиклассники, держа испытания на зрелость, не писали сочинения по Островскому Александру Николаевичу?

Или он не побуждает к зрелым размышлениям?

Или он слишком прост для юных умов?

Или решено было обхитрить хитрых выпускников семьдесят третьего года, уверовавших, что по юбилейному Островскому темы не миновать, и потому Добролюбова выучивших наизусть?

Как бы то ни было, школа не почтила Островского, видимо, решив, что всем очевидная тема вызовет к жизни всем очевидные рассуждения, хотя степень такой легко предвидимой очевидности на выпускных экзаменах всегда достаточно высока.

Нынешний юбилейный год — год Островского — тем и хорош, однако, что он не проюбилеен: оказалось, что Островский, такой знакомый, давно уже, вроде бы раз и навсегда понятый, такой очевидный, игранный-переигранный на театре, сохраняет для нас всю сложность и новизну своего поистине живого, еще не вполне постигнутого художественного мира.

Конечно, это было ясно и до юбилея, но прочувствовано и выражено с особой силой именно в эти праздничные дни, способствовавшие прекрасной сосредоточенности многих светлых умов и талантов на явлении Островского.

Казалось бы, что нам «Гроза», что нам этот «школьный» Островский? Разбудите средь ночи, и последний «троечник» отчеканит вам, что лютая Кабаниха и дикий Дикой — самодуры, а Катерина — луч света в их темном царстве, и это, в общем-то, будет справедливо, и стоит лишь сию мысль подтвердить примерами из текста, как может воспоследовать отличная оценка.

Но так ли все просто? Мысль Добролюбова о «Грозе» неизмеримо шире и глубже названия его знаменитой и прекрасной статьи («Луч света в темном царстве»), которое так легко усвоить и пустить в дело. Художественная мысль Островского о жизни, выраженная «Грозой», конечно же, непередаваема полностью посредством силлогизмов, — так живая жизнь полнее и сложнее нашего суждения о ней. К тому же «Грозе» уже свыше ста лет, и было бы наивно думать, что этот более чем вековой исторический опыт, обретенный после нее народом, то есть всеми нами, не сказывается на восприятии этой великой русской драмы.

Вот писал же Борис Бабочкин в недавние апрельские дни, что «за почти стодвадцатилетнее свое существование» «Гроза»

«покрылась толстым слоем штампов» и «в результате авторский замысел оказался искажен». Бабочкин убежден, что в «Грозе» впрямую отразились общественные настроения конца пятидесятых годов прошлого века с ожиданием и боязнью «воли-свободы», образовав основной нерв драмы. Поэтому «Гроза» — пьеса «о молодежи и для молодежи», где Катерине и Тихону нет двадцати, а лютой Кабанихе едва ли за сорок. По мысли Бабочкина, «Гроза» должна «давать толчок к нравственному возмужанию, прививать любовь к жизни».

Так ли уж произвольны эти мысли нашего поистине народного артиста? Недаром же разгневанная и потрясенная «изменой» невестки Кабаниха не о «блуде» кричит, не тем сына позорит, что «допустил» такое, а в высшие материи забирается: «Что, сынок? Куда воля-то ведет?». Тут не столько мать, предугадавшая «измену», сколько защитница привычных устоев и норм жизни торжествует над тягой к «воле» этих ничего не смыслящих в житье-бытье глупых молодых людей!

В дни юбилея костромичи получили редкостную возможность увидеть сразу два сценических варианта этой драмы Островского. Вначале «Грозу» сыграл Костромской театр (постановщик — заслуженный деятель искусств РСФСР П.И. Слюсарев), затем Северо-Осетинский театр (постановщик — заслуженный деятель искусств РСФСР Г.Д. Хугаев). Припомнить те спектакли есть нужда и не только для того, чтобы оттенить свежесть режиссерского или актерского взгляда... Когда мы, зрители, смотрим спектакль, мы невольно и естественно становимся его сотворцами, соучаствуем в этом лицедействе и тем самым вовлекаемся в некие — нравственного характера — отношения с драматургом. То есть и мы, косвенным образом, несем свою долю ответственности за это лицедейство, и тем больше она, чем значительнее место, занимаемое этим драматургом в истории нашей культуры.

В осетинской «Грозе» жила, страдала от тихого и степенного насилия свекрови и безоглядно любила красивая и молодая женщина. Предощущение трагического исхода было растворено в самом воздухе свободного и гулкого сценического пространства, в его темно-серых красках, в его отчетливых тревожащих интонациях. Катерину выделяла среди других не белая шаль, хотя и она тоже; выделяли Катерину ее прямая стать, ее красота, весь ее поэтический облик. Эта Катерина могла сказать: «Отчего люди не летают?.. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела... Попробовать нешто теперь?» И она пробовала, и — ни фальши, ни позы, ни ломанья — таким поэтичным, мягким, плавным было каждое движение, таким поразительно естественным! — что и в самом деле был ощутим в ней порыв как бы к иному способу ходить, говорить, жить, чувствовать.

Эта Катерина погибает от трагического внутреннего разлада: полюбив Бориса, она преступила закон, прогневила Господа, давшего о том знак — грозой, и хотя Тихон прокричит матери: «Это вы ее погубили! Вы! Вы!», — он будет не вполне справедлив. Такая Катерина не может жить здесь долее, потому что она со своей любовью тут чужда, не этого мира она птица, она случайно сюда залетела, слишком рано. Родственная душа ей — лишь Кулигин, величественный мудрец, большелобый городской прорицатель, ступающий по земле твердо и веско. Он значительнее, крупнее всех прочих, но он все-таки земной, она же — нездешняя.

Казалось бы, вот спектакль, где русское начало приглушено, где пробились иные национальные традиции (в изображении отношений «отцов» и «детей» и т. п.), но тем не менее как неожиданно близко к Островскому, как художественно зрело и полнокровно воплотились образы Катерины, Кулигина, Кабанихи!

В осетинском спектакле была строгость формы и вкуса, цельность и серьезность замысла и его воплощения. Играя «Грозу» на свой национальный лад, не пытаясь воссоздавать русский быт и нравы, наши осетинские друзья воплотили прежде всего общечеловеческое содержание драмы и сделали это в полном согласии с Островским, обостренно передав некоторые существенные мотивы пьесы.

У костромского и осетинского спектаклей кое-что оказалось схожим. И там, и тут нависавшие темные церковные купола или угрюмые тесные монастырские стены очерчивали и угнетали пространство. Вероятно, это должно было говорить о темной удушающей силе религии, в тисках которой людям плохо. И в том, и в другом спектакле не было ни Волги, ни заволжского простора, о котором первые слова пьесы. Кулигин: «Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу». То, что красоты этой нет у наших осетинских друзей, вполне объяснимо, а вот что ее нет у нас — дивно и странно.

Откуда же, однако, явиться грозе на сером-то небе? У Островского: «Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется... Восторг». А у нас: средневековье, задавленная серая жизнь меж мрачных стен, нечто нерусское. И откуда такое правило: раз драма, так следует играть ее на угрюмом фоне? Островский не глупее нас был: а у него Волга — прекрасна под синим небом, и вид сельского заволжья необыкновенен, и купола, конечно же, сияют, и вообще — светел мир, и потому-то так внезапна и страшна гроза! К тому же не в борьбе с религией смысл этой пьесы Островского, иначе не понять нам ни монологов Катерины, ни слов Кулигина о «судье милосердном»...

Впрочем, оформление можно заменить и сделать повеселее. Но не случайно московские критики во время успешных в целом

гастролей нашего театра в столице умалчивали о «Грозе» или писали о ее «хрестоматийном» прочтении. Если бы только «хрестоматийное» — еще бы куда ни шло, хуже — что еще и «новаторское», без должного уважения к Островскому.

Следить за нашей Катериной, не простой девушкой из народа, а манерной молодой дамой, — ей не полететь, ни за что! — очень больно, потому что, как по крохам, собираешь мгновения такой редкой у нее живой естественной речи. Как странно, как по-русски, как естественно говорит и движется рядом с нею Варвара (И. Мамаева), как по-русски, несуразно, безалаберно самодурствует, ругается Дикой (В. Макасеев)! Но что делается, что делается с нашей Катериной: ни словечка — в простоте, ни жеста — в простоте!

Все вроде бы одеты по-русски, и песни русские поют, но трагедия из народной русской жизни не состоится: тут драма экзальтированной барышни неясного происхождения, угнетенной рычащей озлобленной Кабанихой. И точь-в-точь «по Добролюбову» после того, как Катерина бросится в Волгу, по заднику сцены скользнет то ли радуга, то ли «луч света». Но Добролюбов о Катерине без конца повторяет два слова: «натура» и «естественность». По Добролюбову, у Катерины — «не искусственно возбужденный порыв». У нас же на сцене правили искусственность и хладность души. Не на «Грозе» слезы подступали к горлу, а на «Шутниках» московского Центрального детского театра.

Жаль, что «Гроза» была так поверхностно понята и сугубо внешними театральными приемами решена. Жаль, что творческое воображение многих актеров, и прежде всего исполнительницы роли Катерины, были направлены по ложному пути.

Прекрасно, когда театры держат испытание на зрелость, ставя Островского. Но зрелость без верности творческим принципам драматурга — недостижима.

Будем верить, что мы еще увидим и услышим «Грозу» на нашей сцене как действительную трагедию чистой, живой поэтической женской души, жаждущей воли и вольного роста. Катерина Островского — подлинно народный русский характер, изобразить который только и возможно, как в контексте живой народной жизни, где не схема правит, а глубокие, внутренние, исторически сложившиеся нравственные законы и где все несчастье и мука Катерины, может быть, от раннего ее прихода в этот мир, от тяги к воле — невозможности воли, любви, истинно человеческой судьбы. Но те, кто приходит рано, остаются с нами навсегда.

Северная правда. 1973. 26 июня.

СЛОВО О ДРУГЕ

Шестьдесят лет назад в «Северную правду» пришел только что демобилизовавшийся из армии бравый старшина-фронтовик Вячеслав Смирнов. Он принес несколько стихотворных миниатюр, которые вскоре были напечатаны и пришлись по вкусу читателям. С тех пор его имя стало регулярно появляться на страницах «Северянки».

Два месяца назад он ушел из жизни. Костромская земля потеряла еще одного достойного человека, с благотворной деятельностью которого связан полувековой пласт в послевоенной истории костромской культуры, литературы, журналистики.

Скромный паренек из шарьинский глубинки, став студентом Ленинградского коммунистического института журналистики, с первых дней войны уходит в армию, становится корреспондентом-организатором ряда армейских фронтовых газет. Именно в них увидели свет первые его публикации заметок, репортажей, злободневных сатирических миниатюр.

Прошагав «с «Лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом» долгие дороги войны, вернулся Вячеслав в родные края с наградами, ранениями и первой своей книжкой фронтовых очерков «Днепровцы», вышедшей в свет шестьдесят лет назад.

В послевоенной Костроме таким бывалым «дембелям» открылось широкое поле деятельности на культурном фронте. Бывший старшина Вячеслав Смирнов возглавлял областной Дом народного творчества, был деканом факультета общественных профессий вуза, многие годы директорствовал в Доме книги. И писал, и сочинял, и публиковал в газетах и журналах фельетоны, пародии, басни, эпиграммы, стихотворные переводы произведений славянских литераторов. Вышло из печати несколько его книг, он был принят в Союз писателей России.

Популярность Вячеслава Васильевича в Костроме и области была велика. Он любил и умел общаться со своими читателями на литературных концертах и творческих встречах. Мне много раз приходилось выступать в паре с ним. Веселые, остроумные, истинно народные стихи моего друга были востребованы любой аудиторией. Особым успехом пользовались произведения, обращенные к детям, для которых были написаны десятки стихотворных шуток, загадок, каламбуров, считалок.

И те, кто читал его книги, кто слышал его живой голос, кто восторгался его искрометными сатирами и экспромтами, с кем общался он по службе, на отдыхе, в быту, надолго сохранят в памяти яркий образ этого славного поэта и гражданина.

Виталий ПАШИН

Галина Милова
(1911-1969)

«Не каждый может быть самим собой…»

Поэт

Женщина не может быть поэтом,
женщина без крыльев рождена.
Ей, горящей отраженным светом,
недоступны блеск и глубина.

Для поэта нужен голос грома,
Вдохновенье, дерзость, взгляд орла.
А твоя дорога возле дома,
ты к нему корнями приросла.

Он — искатель, вождь неутомимый,
капитан, ведущий корабли.
Ты стоишь, а он проходит мимо.
Ты вблизи, а он всегда вдали.

У тебя — ни замысла, ни взлета.
Мертвый штиль.
И если ты поэт,
значит, ты не женщина, а кто-то,
для кого определенья нет.

Встреча

Мы встретились в движенье
и помним до сих пор
летучие мгновенья,
негромкий разговор.
На полевой дороге,
за гранями весны
нам поклонились в ноги

застенчивые льны.
Они как будто знали,
что краток этот час,
что все пути и дали
разъединяют нас.
И по дорожной пыли
пошли и я и он.
Пошли и не спросили
ни званий, ни имен.
Но не было забыто
в водовороте дел,
как он светло, открыто
вослед мне поглядел.
И думалось в заботах,
что на путях земли
мы потеряли что-то
и что-то мы нашли.

Любовь

Все в тишине.
Лишь там, где ночь темна,
не ожидая взгляда и ответа,
стучатся ветви в переплет окна,
как ласточки без крова и без света.

И в этот странный одинокий час,
когда дневная буря позабыта,
я посмотрела издали на вас
беспечно, прямо и открыто.

И помахала мысленно рукой,
как будто в путь-дорогу провожая...
Я не всегда умею быть такой,
быть другом, никогда не обижая.

Не каждый может быть самим собой.
И не легко нам удается это.
И часто мы идем с своей судьбой,
как путники без крова и без света.

И любят нас, но нам любовь горька.
Любили мы, но нас не замечали.
Любовь должна светить издалека,
светить через пространства и печали.

Ей тесен дом.
В тепле у очага
ей холодно, ей ветрено бывает...
Она тогда близка и дорога,
когда звездой вечерней уплывает.

Когда в ночи, пуглива и нежна,
не ожидая взгляда и ответа,
стучится робко в переплет окна,
как ласточка без крова и без света.

* * *

Ни деньги,
ни лесть
и ни почести
в твою не пробьются мечту.
В прекрасном своем одиночестве,
в затишье
творишь красоту.

Когда ж, в совершенстве сработана,
алмазная вспыхнет строка,
твою отчужденность прорвет она
и хлынет в сердца и в века.

Раздумье

Морозный вечер.
Сон и тишина.
Плывет луна.
«Пустыня внемлет богу»...
Зима стоит у нашего окна.
Морозный вечер, сон и тишина.
А я не сплю,
готовая в дорогу.

Мне чудятся веселые гудки
тех поездов, что мчатся издалека.
Для них пути открыты и легки.
Мне чудятся веселые гудки
и верится, что я не одинока.

Но стоит выйти на мороз, туда,
где белый сад не хочет просыпаться,
как все исчезнет — люди, города...
Лишь стоит выйти на мороз, туда,
чтоб на земле совсем одной остаться.

Так тихо, тихо, тихо все кругом,
все в светлой неподвижности застыло,
и кажется холодной глыбой дом.
Так тихо, тихо, тихо все кругом,
так недоступны яркие светила.

Они давно влекут и манят нас.
Когда-нибудь мы встретимся поближе.
И в этот странный полуночный час
иных миров я слушаю рассказ.
Они давно влекут и манят нас
и просят человека: «Приходи же!..»

Дочь Зимы

Ты не зови меня на юг.
Мне вдохновенье и отрада —
полярной бури трубный звук
и сосен звонкая прохлада.

Смотри, протягивают мне
свои литые лапы ели,
когда лечу я на коне
навстречу вздыбленной метели.

Что мне моря всех южных стран
с их ласковой голубизною,
когда таежный океан
шумит зеленою волною!

Люблю я снежные холмы,
леса, где бродит волчья стая.
Я северянка — дочь зимы,
морозной дымкой повитая.

Ты не зови меня на юг,
мой парус крепнет в пене вьюг.

Виктор Куликов
(1919-1996)

«Спасибо, жизнь!»

Мои истоки

Все дальше от деревни ухожу,
Давно привык к асфальту и бетону,
А в памяти все больше дорожу
Тропинками к березовому звону.

А памятью —
в Сусанинских лесах,
В малинниках густых за Хрипелями,
Под Спасом в созревающих хлебах
С кричащими в лугах коростелями.

А памятью —
с Шипиловской горы
Гляжу на развернувшиеся дали:
За речку, где багряные костры
В осенних перелесках полыхали.

Над ними пролетали журавли,
Курлыкали и медлили с отлетом —
Прощались и проститься не могли
С туманами над Домнинским болотом.

По свету я немало исходил,
И, если б был рожден
в краю не в этом —
Россию я, конечно бы, любил,
Но не был бы, наверное, поэтом.

* * *

Мне вспоминается —
В санбате
Была сестричка хороша;
С улыбкой доброй по палате
Она ходила не спеша.

А попадешь на перевязку —
Она, привыкшая любить,
Рывком с меня рвала повязку,
Чтоб боль, как можно, сократить…

* * *

Взвешиваю пристально
И строго
Замыслы, надежды и дела —
Светлого и радостного
Много
Жизнь моя
Мне все-таки дала.

Радуюсь я
Сделанной работе,
Песням,
Что не молкнут до утра,
Зорям на гусином перелете,
Дыму у рыбачьего костра.

Отрочеством встретила суровым,
Но дала
За выдержку мою
Место,
Даже пусть левофланговым,
В звонком
Поэтическом строю.

Еще одно...

Пожито и немало пережито,
Хоть рвется с прошлым слабенькая нить,
Но многое еще не позабыто
И кое-что, хоть раз бы, повторить!..

Еще б, хоть раз, в сибирские бураны
В степях непокоренной Кулунды
За снежные далекие барханы
Две лыжные проложить борозды.

Еще, хоть раз, весною на охоте —
Едва-едва затеплится заря —
Хотелось бы послушать на болото
Любовную молитву глухаря.

Еще хоть раз мучения, страданье,
Надежду и блаженство испытать —
В знакомый перелесок на свиданье,
Волнуясь и робея, убежать.

Еще, хоть раз, в шальные зори мая
Упасть в цветы, хмелея,
И опять,
Прожитых лет душой не понимая,
Еще одно желанье загадать...

* * *

В глухую полночь вышел на крыльцо:
Луна на небе,
Звездочек мерцанье.
И словно бы дохнула мне в лицо
Немая бесконечность мирозданья.

В его глубины мыслями проник
И вдруг представил образно и зримо:
О, как же Мир и сложен, и велик!
И как Земля мала
И как ранима...

Коль так же жить:
Мы вырубим леса,
Загубим скоро реки и озера,
Затянет сизым смогом небеса,
И сгинем от неведомого мора.

Я думаю об этом, трепеща,
И мысль одна в уме засела прочно:
Спасая Землю,
Нужно сообща
Не говорить,
А действовать!
И срочно!

Спасибо, жизнь!

Позлей писать про личные невзгоды
Советовал знакомый мне в стихах;
Мол, в лирике не сделаешь погоды
Мотивами о птичках
И цветах...

А мне
«Погоду делать»
И не надо!
Я жизнь, как жизнь,
Не мудрствуя, любил,
И ветку зацветающего сада
В поэзии своей
Боготворил.

Заботился о соли
И о хлебе,
С землей имел связующую нить,
И крохотного жаворонка в небе
Умел по-настоящему ценить...

Склоняясь перед мудростью природы,
Твержу,
Отбросив личные невзгоды:
— Спасибо, жизнь,
Что ты уберегла
От ненависти,
Зависти
И зла!

Мария Комиссарова
(1904 - 1994 г.)

Андоба

В глухих лесах теряется начало
Равнинного теченья твоего.
Кругом непроходимое болото,
Трясина, мох —
И больше ничего.

Зато с какой ты легкостью веселой
Вдруг вырвешься из чащи на простор,
И потечешь спокойно по долине,
И отразишь в своих глубинах бор.

По берегам раскинулись покосы,
Красуются селенья и сады,
Синеет лес, и поле зеленеет,
И мельницы шумят на все лады:
Вартениха,
Лопатиха,
Волкуша —
Да разве мало их по берегам?
И громыхают по мостам колеса,
И отмели желтеют здесь и там.

Поилица,
Кормилица народа,
Свидетельница радостей, скорбей,
От нищего, забитого Ивана,
До знатного Ивана наших дней.

Он ловит рыбу в омуте глубоком,
Он сено косит на большом лугу, —
Раскинулся богато и цветисто
Ивановский колхоз на берегу.

Ой, Андоба,
Раздолье голубое,
Лучистая, певучая вода!
Поют Лукерьи,
Дарьи,
Парасковьи,
И каждая по-своему горда

И мне ли не гордиться, глядя в дали,
Над ласковой волною голубой, Ч
то унесла навек былое горе
За сине море Андоба с собой!

Зимой

За окном белым-бело,
Гору снега намело.
Горностаевый,
Пуховый
На ветвях лежит снежок, —
На тесовой крыше новой
Он каймой широкой лег.
Ватный,
Байковый,
Метельный,
Стелет снег свои постели.

Мама жарко топит печку
И выходит на крыльцо,
За водой идет на речку,
Ей заря глядит в лицо.
С ней заигрывает ветер,
Веселит ее мороз,
Берег речки крут
И светел,
Через речку —
Белый мост.

Я люблю тебя такою,
Наша русская зима, —
От морозов нет отбоя,
В поле снега кутерьма.
Я люблю твое раздолье,
Удаль санок озорных,
Лыжный след
В широком поле,
Сад в березках кружевных,
Снега сахарные груды,
елки в зимнем серебре
И сорочьи пересуды
Под окошком на дворе.

Я люблю твоих пирушек
Новогодние огни,
Смех
И песенки подружек,
И коротенькие дни.

Дым над крышей — словно парус,
Голубой шатер небес,
Зорь твоих высокий ярус,
В снежной бурке темный лес.

Снегурочка, где ты?

Заволжские зимы —
Как сказки.
По звонким
Широким снегам
Летят озорные салазки,
Сороки сидят по кустам.

Поднимется стая сорочья,
Шарахнется
Крыльями вбок,
И с веток посыплются клочья —
Сверкающий,
Легкий снежок.

Березы в платках оренбургских,
В морозной
Густой бахроме;
Не здесь ли хоромы Снегурки
С метельным зайчонком в окне?

Знакомые вижу приметы.
Не с ней ли я рядом живу?
Снегурочка,
Сказочка,
Где ты?
Ау!..

Борис Гусев
(1930-1996)

Над бумагой

Опять я склоняюсь над нею —
И снова застыл на нуле.
Мне пишется нынче труднее
И дышится все тяжелей.
Сижу над дешевой бумагой
И в строки пытаюсь завлечь
Безумную чью-то отвагу
И чью-то горячую речь.
Но тяжко мне строки даются —
Строптивы в России слова.
Так трудно подковы куются,
Так медленно всходит трава.
Но все же: луга зеленеют,
Идет гололедицей конь...
Словам все труднее, труднее,
Но жарче и жарче огонь.

Воображенье

Опять воображенье расходилось
Весенним половодьем по лугам —
И ложь и правда заново открылись
Совсем не там, где я предполагал.
И я опять в плену весенней сказки:
Меня, сломав житья-бытья расчет…
Неодолимо, словно Волгу в Каспий,
К тебе воображение влечет.

* * *

Полыхают зарницы багровые,
Испугался грозы коростель.
Залегла темнота нездоровая
На сырую земную постель.

Я шагаю дорогой зыбучею,
Я заплакать могу от тоски...
Дума, дума моя неминучая
Сумасшедше колотит в виски.

Вольность

Отрешась от всяких теорий
И едва не играя в ладушки,
Пролетаю на «Метеоре»
Вдоль по речке, по Волге-матушке.
Справа — каменный чудо-город,
Слева — бор раскачался кронами...
Серый камень, рыжий пригорок...
Все мои... Все родные и кровные.
Как пойду я по этим тропам,
Буеракам да перевалам,
По деревням, пропахшим укропом,
Грусть-печали как не бывало.
Эти дымы над деревеньками,
Эти пашни чернее ворона
И синиц нехитрое теньканье —
Все-то истинное, бесспорное.

Мальчики

Мы говорим: «Сухим держите порох!»
И в гневе поднимаем кулаки.
Но свастики рисуют на заборах
Какие-то, должно быть, сопляки.
О мальчики, нестреляное племя!
О мальчики, нетраченная кровь!
Не пасть бы вам пред гадом на колени...
Не лечь бы вам живыми в темный ров...

Обновление

Молчало все, пока меня здесь не было:
Томился лес и плавилась река,
И не спеша под безграничным небом
Слонами проводили облака.
А я пришел — и облака заухали,
И зашумела дружная листва!
Как жаль, что здесь не видно Солоухина, —
Куда мне разом столько естества!
Гремящего, поющего, хмельного
В лесу, в траве, в воде и в облаках...
Как радостно встречаться с миром новым!
Как весело держать его в руках!

Леонид Попов
(1997-2004)

«Даль, дорога, месяц светел…»

* * *

Пушкин — солнечен!
Блок — серовато-сиренев...
Полон Лермонтов
мстительной синью
над миром кружащей грозы.
Краской легкою летнего неба
расцвечен Есенин.
Близок Тютчеву высверк
алмазный чистейшей слезы...
Не разгадано чудо:
слияние цвета и звука,
Ярких красок звучанье
и — звуков трепещущий цвет.
Чем окрашено слово
такое тугое: «Разлука»?

Чем просвечено
зябкое слово такое: «Рассвет»?
Болен русский язык
сочетать робкий выдох
и — ропот,
Буйный выкрик зари
и — невнятную песню небес.
Болен в жаркие краски
облечь и полуночный шепот,
И кричащие клятвы
обратить в бесполезность словес...

* * *

Лживой, вкрадчивой ночью мая,
Когда сумерек жемчуг сер,
Когда душу тоска обнимает
Всякий раз на известный манер,
Когда накрепко заперты двери,
Когда каждый, как бог одинок,
Понимаешь, что век твой — измерен,
И по веснам отсчитан твой срок
Русский Север!.. Особые меты!
Ты о том кого хочешь спроси.
Ведь не зря же родятся поэты
На высоких широтах Руси.

* * *

Нет, не к лицу, брат, суетиться.
Тщась все уставы соблюсти,
Когда и с жизнью-то проститься —
Всего лишь руки развести.
Снегов российских саван марок,
Не наследи, не нагреши.
Пока чадит души огарок.
Хоть насмотреться поспеши...

* * *

Вот тихонечко едем в осень,
И все чудится нам, молодым,
Что прощаемся с чем-то очень
Дорогим, несказанным, родным.
Расступились леса, оскудели.

Осень поздняя — с нищей сумой...
Только грозди рябиновой прелесть
Горяча и горька, боже мой.

* * *

Даль, дорога, месяц светел,
Лес пустынный неживой,
Влажный вечер, вялый ветер,
Боль...
И больше ничего.
Забирай дорога, круче,
Поворачивай!
Пора...
Где найду я очи лучше
Тех, что плакали вчера?!
Голосила. Говорила,
Будто жизнь ее гублю!
Позабылось — половина.
Но запомнилось: «Люблю!»

* * *

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную вьюгу,
Верить пожатью казенной руки,
Честью платить за натужную милость,
Время: свои подытожить долги,
Благо достаточно их накопилось.
Время: припомнить былые грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгрести медь,
Но до копейки за все расплатиться,
И до рассвета успеть умереть.
Чтоб вместе с солнцем свободным родиться.

* * *

Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот знает цену ей.

Что там, на родине, сейчас?
Ручьи окрест кричат,
И сумасшедше пахнет наст
В апреле по ночам,
Там воздух помнит голос мой,
Там — мать, отец, — народ,
Который, что ни пой, — поймет!
А не поймет... Не пой.

* * *

Умирают — в любую погоду.
Что природе до всех рубежей?..
Выпивают последнюю воду
И об этом не знают уже.
Если б знать...
Если б шаткие шансы...
Но сверх меры — нам нет ничего.
Так, костюмчик наладишь на танцы,
Ан — навечно наденешь его...

Юрий Семенов
(1946-2004)

«И расшумятся перелески…»

Лес

Боишься леса? Чудеса!
А ты видала ли такие,
Непроходимые, живые,
Почти таежные леса?
Ах, нет? Вот видишь. Ну, тогда
Надень тапчонки вместо туфель —
И в лес умчимся неприступный
Без человечьего следа.
Ты не озябнешь. Я согрею.
Я разведу тебе костер.

И он, таинственно алея,
Затеет теплый разговор.
Он тишину прострелит треском,
Распорет темень на куски.
И расшумятся перелески
От зависти и от тоски.
Я расколдую тайны эти,
Тебе ключи от них отдам.
И ты поймешь, за что поэты
Не понимали города
И отчего писали строки
Вот этим елке и кусту,
И почему с любой дороги
Не видно эту красоту.
Я все скажу. Ты только слушай.
Ты только пристальней смотри,
Какую лес имеет душу
И как он светел изнутри.

* * *

А верится по-прежнему в хорошее...
В кармане снова скомканный билет
Как будто в незапамятное прошлое,
А к прошлому, увы, возврата нет.
И сердце, как подстреленное, мечется.
Мне кажется: я виноват один
И в том, что погибает человечество
Под треском преждевременных седин,
И в том, что много пакости и гадости...
А шея нервно ожидает меч.
Откуда же скупые слезы радости?
От ожиданья ускользнувших встреч...

Настя

Сентиментальным стал и я, похоже,
Похоже, завершается полет...
Ты на руки бросаешься в прихожей,
И тает на душе печальный лед.

За многое на свете мы в ответе.
Среди тревог, ошибок и затей
Трезвеем от того, что наши дети
Уже имеют собственных детей.
Мы вроде по течению не плыли
И темп держали рысаку под стать.
В той гонке мы детей недолюбили,
Хотя стремились многое им дать.
То негде жить, то скудная получка,
Командировка, черт ее возьми!..
Все было. Ну, иди на ручки, внучка,
И дедушку за шею обними!
Показывай, что водится в альбоме,
Рассказывай, кто кукол уложил.
Я помню, как я брал тебя в роддоме,
Когда твой папа в армии служил.
Идут года, столетье завершая,
У взрослых на уме одна борьба.
Ты незаметно вырастешь большая —
Какая ж Насте выпадет судьба?
Сама ты будешь черствою едва ли
И выберешь свой путь в конце концов,
Вот только бы друзья не предавали
И не было бы рядом подлецов.
Мне в этой жизни надобно немного,
Я в ней нашел почти на все ответ,
Лишь погасить бы за тебя тревогу
И уберечь от горестей и бед.
У папы с мамой снова нету денег,
С квартирой не решается вопрос,
Персидский кот по кличке Понедельник
Орет над миской, словно паровоз.
Как жаль, что в мире гадкого навалом,
А люди будто сорвались с цепи...
Ах, девочка! Ты вроде задремала.
Поспи, моя хорошая, поспи...
Вон на Кавказе снова заварушка,
Ползут по миру беспредел и СПИД.
Не покидай же, ангел, раскладушку,
Где будущая Женщина сопит!

Ностальгия

Нет, пожалуй, в жизни счастья выше:
От ночного поезда бредя,
Видеть снова старенькие крыши
В легких песнях летнего дождя.
Поседев от будней и печалей,
Подустав от горестей и бед,
Мы несем по улицам песчаным
Груз своих невосполнимых лет.
Может жажда мучить, мучить голод,
Может каждый думать о своем...
Но всегда нас примет тихий город —
Тот, что малой родиной зовем.
Сердце бьется громче и сильнее,
И внезапно отступает боль,
Если слышу это слово «Нея» —
Словно милой юности пароль.
Право на последнюю попытку,
Ожиданье третьего звонка...
Вновь открыть знакомую калитку
Прямо так и тянется рука.
Но когда опять подступит горе,
Из — под ног покатится земля,
Напишу три буквы на заборе: «Нея».
Нея — родина моя!

* * *

Как трудно прошлое беречь,
Твердя себе: еще не вечер,
Желать с восторгом редких встреч
И — отрезветь от новой встречи.
Так будет, видимо, всегда.
Осталось мне совсем немного.
Ты — словно дальняя звезда,
Звезда, которой не потрогать,
Не растопить, не обогреть.
И как бы ни было обидно,
Пора, однако же, мудреть
И руки поднимать, как видно.
Останется тепло в душе
Первопричиной откровенья,
Но паровоз любви уже
Сигнал готовит к отправленью.

ТАЛАНТОМ ОСВЕЩЕНАЯ СУДЬБА

Печаль внезапного прощания окликает нашу память... Зинаида Ильинична Чалунина в поэтическом прозрении надеялась: «Может, кто-то, следя за корабликом тающим, обо мне пожалев, незаметно вздохнет». С горьким сожалением и печалью вздыхаем, думаем: не успела спеть, художественно высветить выстраданное, поэтически выразить все, что наполняло ее жизнь смыслом и красотой.

От первых публикаций в писательском ежемесячнике «Литературная Кострома» и коллективных сборниках, от первых встреч на областных творческих семинарах, литературных вечерах еще до приема в Союз писателей России ее душевное участие просто и естественно вписывалось в наше содружество. Мы воспринимали этот особый голос и высказывали уверенность в таланте, укрепленном связью с деревенским укладом и народной культурой. В поэзии и прозе Зинаиды Чалуниной художественно обеспечено отношение к жизни там, «где все иначе, где проще и добрее люди, спокойнее и неторопливее ход времени, ярче весна и теплее лето». Она считала, что там есть возможность наблюдать чисто русские характеры.

Людей с такими взглядами и откровениями всегда не хватает, а в современных обстоятельствах они чрезвычайно нужны. Потому и горька утрата, глубока наша печаль. Можно только предположить, о чем еще будут петь за рекой соловьи, которых по-своему слышала и понимала творческая душа.

Зинаида Чалунина
(1942-2005)

В деревне

Живу, как жили прадеды:
Я есть, я существую!
Беру грибы да ягоды,
Кормлю семью большую.
Ни гордости, ни зависти —
Кругом простые люди.
Никто и в самой малости
Друг друга не осудит.
Здесь забываю напрочь я
Квартиру городскую
Да и о благах бытия
Нисколько не тоскую.
Вода — в колодце, в роднике,
Белье стираю в бане.
Душистый веник на полке
Прогонит мысль о ванне.
Я хлебы в печку посажу,
Их аромат почую
И, как молитовку, твержу:
Я есть, я существую!

* * *

Окно у нас открыто прямо в лето,
А там дожди, и солнце, и туманы,
И столько милых птичьих песен спето,
И сколько слив, горячих, сладких, пьяных.
Плывут, белеют тихие рассветы.
Здесь сны, и явь, и чувства без обмана,
И столько слов мне этим славным летом
Ты нашептал горячих, сладких, пьяных...

* * *

В тихий дождь, в тихий дождь на траву
Я с крылечка сойду осторожно.
Добрый Ангел, тебя я зову,
Ты с высот опустись, если можно.

Ничего у тебя не прошу,
Не опутаю крыльев грехами,
Я сегодня тебе приношу
Благодарность простыми словами.

Я живу, я дышу, я люблю
Эту землю и эту деревню,
Я дождинки губами ловлю,
Как нектар, удивительно древний.

Добрый Ангел, хранитель судьбы,
Ты даешь мне здоровье и силу,
Чтоб рука равнодушной беды
Мою свечечку не погасила.

Завтра утро взойдет над землей,
Голубые туманы растают.
Ты храни мой семейный покой
И крестом осени, улетая.

* * *

Белые птицы над куполами
В синьке небес.
Слушаю в сельском стареньком храме
Праздничньш благовест.

Доброе небо, добрые лица,
Время добра.
Жизнь, как большая белая птица,
Трепетна и мудра.

Все преходяще: боль и разлука,
Сам человек.
Но оставляем детям и внукам
Землю навек!

Павел Мельников

Шумят березы…

Над церковью, как молнии, стрижи
Да шум березы над родной могилой...
Зинаида Чалунина

Шумят березы. Клен неподалеку.
Глубь неба беспредельна и светла.
И озаряет первый луч Востока
Приют последний той, что раньше срока
Свои земные кончила дела...

Все отцвело, поблекло, пожелтело.
Лист золотой с берез летит, шурша.
Отжило, отстрадало, отболело,
Нашло успокоенье ее тело...
Кто знает, где теперь ее душа?

Куда вослед за уходящим летом,
Покинув плоть, направилась она?
Кто ей велел быть на Земле поэтом?
Каким нездешним, недоступным
светом
Она сейчас озарена?

И СЛОВО ОТОЗВАЛОСЬ…

21 января, 2006 года, полдень.

Только что закончилась на российском радиоканале передача о русской поэзии. Критик Лариса Баранова-Гонченко, секретарь Союза писателей России, говорила о новых авторах. Конечно, разговор затрагивал многие темы — поэтическое осмысление мира обязывает. Корреспондент и критик читали стихи, вспоминали Николая Рубцова, а затем многих «»неизвестных» поэтов, чьи сборники выходят малыми тиражами по всей российской периферии. Странным, точнее сказать, закономерным путем попало в эфир и стихотворение «Столбушка», как было сказано, поэта Виктора Смирнова из Поветлужья. Хорошо было прочитано, проникновенно, с пониманием глубинного смысла.

Вздрогнул, порадовался издатель сборника «Деревенский дым»: десять лет назад в поэтической серии специальным выпуском «Литературной Костромы» обнародованы лучшие стихи Виктора Смирнова из деревни Филиха Шарьинского района. Поэт трагически погиб два года назад, а слово живет, отзывается. И подтверждается целесообразность подобных изданий —иной возможности в те годы не было. Оправдывается все, что пришлось вытерпеть, перенести под издательской эмблемой «ЛК» от завистников и себяливцев, узревших в этой эмблеме профиль главного редактора. Книги останутся, изданные в период преодоления обстоятельств не только экономического свойства, они будут жить, возвращаясь к людям долгим эхом воспоминаний и размышлений.

Пусть три стихотворения из книги «Деревенский дым» напомнят не только современникам о том, что с нами было.

Виктор Смирнов

Столбушка

Как богомольная старушка,
Молитвенно склонясь в кювет,
Стоит дорожная столбушка,
Стоит уже немало лет.

Ее сечет дождями осень,
По ней ходил шальной топор, —
Она же милости не просит,
Стоит всему наперекор.

А сколько раз ей приходилось
Терпеть машинные толчки,
Но ничего с ней не случилось,
Стоит целехонька почти.

Оставшись целой из немногих
Презрев все тяготы свои,
Стоит столбушка у дороги...
И леший с ней! Пускай стоит.

* * *

Замело, обложило снегами
Небольшую деревню мою.
Месяц-странник над нею кругами
Ходит в вечной тоске по жилью.

Тишина здесь ночами такая,
Что нельзя к ней привыкнуть никак.
Не услышишь собачьего лая —
Волки съели последних собак.

В полумраке, седом и студеном,
Спит деревня, ей рано вставать.
Низко тополь склонился над домом,
Где живет моя старая мать.

Невеселый, в раздумье глубоком
Я стою у родного гнезда.
С неба, будто слеза ненароком,
Опустилась на поле звезда.

Край затерянный, край малолюдный.
Жить в глуши — не великая честь.
Бросить все и уехать — нетрудно,
Но кому-то быть надо и здесь.

И каким бы житейским разладом
Ни пыталась судьба устрашить,
Верить в лучшее все-таки надо,
А иначе не стоит и жить.

* * *

Вечер — тихий, февральский, морозный,
Снег по-зимнему чист и огнист,
В небе плавает ковш семизвездный,
Опрокинутый ручкою вниз.

Санный след пополам делит поле,
Лентой тянется прямо к луне.
Я всегда был и буду доволен,
Что живу на родной стороне.

Сам не знаю, откуда берется
Неизбывная в сердце любовь
К скирдам сена, к озябшим березкам,
К огонькам деревеньки любой.

Ко всему, что ни есть в этой шири,
Где повсюду сверкающий наст,
Где до нас люди яростно жили,
Где, любя, будут жить после нас.

МОЗАИКА

Анатолий Беляев

В этом году поэт Анатолий Васильевич Беляев отмечает свой юбилей. Родился он 20 октября 2006 года в Антроповском районе Костромской области. Более сорока лет проработал в редакциях районных и областных газет. В поэзию пришел с первым сборником «Черемуховый край» (1963 г.). В прошлом году издана книга избранных произведений. Для альманаха автор предложил стихи разных лет.

Разговор с читателем

— Читатель, чего же ты хочешь,
Каких откровений и драм?
О чем ты поешь и хлопочешь,
И плачешь над чем, и хохочешь?
Скажи мне — я все тебе дам!

— Чего я хочу? Родниковой
Воды. Земляники лесной.
Естественности дневниковой.
Осмысленной, внятной, толковой
Обыденной речи людской.
Хотя бы немного земного —
Простых человеческих слов,
Чего-нибудь очень смешного,
Такого, как басни Крылова.
Не помните? Пусть не Крылов.
И даже совсем не смешное,
А грустное — боль или злость,
Печаль или что-то иное,
Лишь было бы понято мною
Да в сердце отозвалось.

1961 г.

У огня

Поленья в печи догорают,
Теплом обдавая меня.
Давай посидим у огня,
Подруга моя дорогая.

Ну что ты так смотришь? Иди же,
Прижмись ко мне тихо плечем.
— О чем ты грустишь?
— Ни о чем.
— Неправда, любимый, я вижу.

— Не знаю, смогу ль объяснить я,
Что камнем лежит на душе.
Скажи, тебе кто-нибудь снится?
— Чудак! Отоснились уже.

— Скажи, ты несчастна со мною?
— Я счастлива, милый.
— Не лги.
А наша нужда и дороги?
— Но я ведь не злюсь и не ною.

— Как все, ты стремишься к уюту,
А я разрушаю уют,
А я превращаю в каюту
Любую квартиру твою.

За мною ты следуешь тенью,
Обиды в душе утопя.
Откуда такое терпенье
И сколько его у тебя?

— В каюте, конечно, качает,
Но я и не это стерплю,
Вот только одно не люблю,
Когда ты не дома ночами.

…Поленья в печи догорают,
Еще, может, дров принести?
Прости ты меня, дорогая,
За все, если можешь, прости.

1966 г.

Сон

Мне снилось, как будто я умер
И вижу себя над собой,
И слышу назойливый зуммер,
А это будильника бой.

Проснулся и рад, и не жалко:
Еще, стало быть, поживу,
Зато не сорвется рыбалка,
Хотя бы одна — наяву.

Казалось бы, что в ней такого,
В том сне, а запомнил его:
Как видел себя самого,
Живой — неживого…

2002 г.

* * *

Неужто вправду наш уход
Давно решен за нас —
Известен наш последний год
И день, и даже час?

От этой даты роковой
Пойдет особый счет:
Девятый день… Сороковой…
Полгода… Целый год…

А там начнут считать года
Оставшиеся жить
И, не заметив, навсегда
Сумеют нас забыть?

2001 г.

Дом

Все когда-то стареет и рушится,
Нерушимого нет ничего…
Дом в деревне стоял, как игрушечка —
Ни деревни, ни дома того.

Разбрелись их законные жители
В основном по погостам чужим —
Ни родимой церковной обители,
Ни знакомых, соседями к ним.

А кто живы, друг с другом не знаются —
Кто там жив еще, где он живет,
Не живет он, должно быть, а мается:
Стариковская доля не мед.

Хорошо, если дети не пьяницы,
Не профукали совесть свою.
А иначе одно лишь останется
Престарелым беднягам — приют,
Богадельня… Такие вот почести
Воздает им родная страна:
Дарит дом, чтобы жить как не хочется,
Дом, в котором сошлись одиночества,
А за что их так, в чем их вина?

2005 г.

* * *

Неважно, кто ты, где живешь,
Каков собою,
А важнее, что ты создаешь,
Чьей болен болью.

В любом сообществе людей —
Без исключений! —
Герой родится и злодей,
Дурак и гений.

По мне — Конфуций и Шекспир,
Эйнштейн и Пушкин —
Тому свидетель целый мир —
Сродни друг дружке.

И никогда я не пойму
Расистских распрей,
По мне: собратья по уму
И жить по-братски.

1964 г.

* * *

Спасибо, жизнь! Спасибо, что ты есть,
Неважно, где и как ты зародилась,
А важно, что ты есть — сейчас и здесь! —
Что ты — моя. О как ты пригодилась!

Спасибо, жизнь! Спасибо за любовь!
О как ты щедро ею одаряешь,
Но если этот дар твой потеряешь,
Он никогда не возвратится вновь.

Спасибо, жизнь! Спасибо за разлуки,
За радость ожиданья новых встреч,
Без них бы и любовь не уберечь:
Любовь не переносит муки скуки.

Спасибо, жизнь! Спасибо за детей
И за детей детей моих спасибо,
Дай Бог им жизни долгой и красивой,
В них продолженье всех моих страстей.

Спасибо, жизнь, за всех друзей моих —
За истинных, за искренних, надежных,
За то еще, что я и сам, возможно,
Кажусь таким хоть одному из них.

2005 г.

Роман Семенов

КРЕПОСТЬ БЕЗ КАМЕННЫХ СТЕН

Читаю «Записки смутного времени» Валентина Волкова («Наш современник», №11, 2005г.) и удивляюсь, почему эту вещь, этот рассказ или, пожалуй, даже повесть, редакция поместила под рубрикой «Очерк и публицистика». Ведь это высокохудожественное произведение, названное автором «Русская крепость». И прежде всего думаю о крепости слова, вложено в умную голову и плачущее сердце.

Как точно передан остроумный диалог взрослого дяди с пятилетним мальчиком о свитере, который дядя почему-то не надевает на себя. А потому что «нету». Но мальчуган никак не может понять, почему у дяди нет свитера, когда у него, мальчика, он есть. Точная психология ребенка.

«После долгой разлуки родина не ласкает, а прямо-таки мучит своими разным видом, логами и косогорами, где каждый кустик вечно на своем месте.»

И наконец эта цитата из Шергина о разоренном три раза подряд гнезде гагары, которая повторяется рефреном на протяжении повести четыре раза. Очень к месту! Да, собственно, все, что сказано в этой повести, все к месту, ненужных, необязательных слов в ней нет. А это и есть главный признак художественного произведения. Но об этом признаке, свойстве, отличии — как угодно назовите, — запечатленном в прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, сегодня часто забывают.

И вот: «нет повести печальнее на свете…» Но то повесть о гибели двух юных душ, а эта повесть о трагедии целого народа.

«Из тридцати когда-то крепких многолюдных домов к восьмидесятым годам осталось пять полуживых, словно обваренных кипятком домиков.» Еще что-то осталось от деревни, тогда как в большинстве случаев уже ничего не осталось, кроме памяти. Но так или иначе — все равно: деревни в том виде и, главное, в том значении, которое она имела, уже нет. А те села, называемые не так давно «центральными усадьбами», уже и не села, а поселки или, как называют их в последних официальных бумагах, поселения энного муниципального округа. Хоть и тошно от подобных словесных упражнений, но, ей богу, «хоть горшком назови — только в печь не сажай!» Между тем, эта «печь», имя которой — «западная

цивилизация», уже «переварила» почти полностью сельское хозяйство, если под последним понимать не только производство продуктов потребления, но и историческую жизнь народов планеты на протяжении многих и многих веков. Мы еще и не начали толком осознавать, какой громадный сдвиг произошел в нашей жизни, хотя и на протяжении последнего полувека лучшие произведения нашей русской литературы так или иначе посвящены деревенской теме.

И вот повесть Валентина Волкова, так сказать, — последовательно продолжающая, не хочется говорить «заканчивающая», тему. Она выделяется, эта повесть, среди подобных, полнотой и пронзительностью нарисованной картины жизни «остаточного» деревенского населения с продолжительными экскурсами в прошлое, устами переживших это прошлое и справившихся с ним, несмотря ни на что, старух.

«Какая сила еще удерживает здесь эти пять домиков, пять живых старожилов», — спрашивает автор. Но мне думается, что прежде всего надо говорить о бессилии и власть имущих да и народа в целом устроить жизнь не в дикой гипертрофии безудержного «комфорта» (слово «удобство» мы начинаем забывать) для одних и принудительной аскетики для других, в бессилии реформаторов и организаторов обеспечить элементарную рационализацию экономической жизни страны в целом, а не по частям в каких-то там оффшорах и промзонах. Что же касается удерживающей силы, ответ здесь простой — с е м ь я. «Какая семья, — спросит читатель, — если в этой описанной автором Житеевке осталось пять старух, каждая в своей избе?» Так ведь эти старухи, осознавая свое вселенское одиночество, и живут как одна семья. И проведают и накормят недомогающую соседку, и соберутся поговорить о том, о сем, чтобы душу облегчить.

В нечерноземной полосе России в своем подавляющем большинстве деревни были небольшими, в двадцать-пятьдесят дворов, а часто и меньше. И это было оптимальное количество (до сселения 70-х годов) в хозяйственном и во всех других отношениях. У Волкова хорошо рассказано, к чему привело это сселение, хорошо рассказано и о всех других пертурбациях в сельском хозяйстве. Ведь земля, как и все, что на ней происходит, и все, что на ней производится, требует постоянного присмотра. Удаление от полей и лугов было началом порочных явлений в сельском хозяйстве. Помимо самостоятельно хозяйствующей единицы (сельская община, колхоз до укрупнения) деревня являла собой хорошо скомпанованную ячейку общества, где каждый на виду и где мнение односельчан отнюдь не было громоздким, малоопределенным «общественным

мнением», но вполне действенным инструментом, благодаря которому деревня держалась столетия, а если и нарушалась, то из-за причин внешних. То самое «гражданское общество», о котором усердно хлопочут ныне политики, в полной мере осуществлялось в русской деревне.

Конечно, общественное устройство русской деревни точнее, конкретнее определяется старым понятием «сельская община». И при всех властях эта община внятными голосами каждого вразумленного члена ее решала прежде всего вопросы справедливость и, нравственного порядка в тех рамках внутренней жизни деревни, куда не совались досужие «уполномоченные». Ныне все это постепенно отпало: ни внешнего управления, ни внутренней жизни. Там, где еще на моей памяти кипела работа от зари до зари, сегодня — «зона отдыха», летние дачники да старухи, редко старики. «Отдыхают» поля и луга… Сколько продлится этот «отдых», это запустение, никому не известно. В то же время клочок земли в центре какого-нибудь мегаполиса стоит немыслимые деньги. Тут земля «работает», на ней строят доходные «вавилонские башни». И вся жизнь наша, регламентируемая сверху, определяется теперь понятием «прибыли». Прибывают деньги, но убывает народ. Значит, одно — деньги — не гарантирует другое — здоровую жизнь. А какая «здоровая жизнь» в «вавилонских башнях»?

Давно сказано: «ленивы мы и не любопытны». Каково мы живем, и как будут жить наши дети и дети детей наших? Этим вопросом следовало бы озаботиться каждому: от «подножия» до «верхушки» государственной пирамиды. Между тем, пока решаются только «оперативные» проблемы: «скорая помощь» и «латание дыр». Но нет четкой границы, отделяющей настоящее от будущего: одно перерастает в другое. И перспектива осмысленной и целеустремленной жизни страны и ее народа пока никак не вырисовывается.

г.Галич 18.01.2006 г.

Ольга Гуссаковская

МУДРОСТЬ МАСТЕРА

Столичная проза пребывает в тягостной задумчивости: в какую бы еще гадость русского человека превратить, в какой дряни вымазать? Все испробовано а мире, которым правят поганая Кысь... и доллар. И за что только Господь наказал когда-то безвинный (по нынешнему времени) Содом?

Между тем в провинции, которой столица давно перестала интересоваться, идет своим чередом независимый от долларовых подачек литературный процесс, набираются мудрости мастера, подтягивается к ним молодая смена. Было и есть о чем писать, и вовсе не требуется играть на нервах читателя наркоделическими изысками. Но для столицы все это «местная литература», внимания не заслуживающая. А так ли оно на самом деле, и кому по чести и совести принадлежит сегодня место на Олимпе? Стоит поразмыслить.

...Многие годы живет в древнем русском Судиславле писатель Борис Иванович Бочкарев. Само название как бы призывает мастера «судить и славить» жизнь, которая его окружает. Что он делает зорко и талантливо.

Столица ему ни к чему: нет там могучих лесов, где бродит зверье и плывет над землей в легчайшем беге лиса Огневица. Да и победного клича петуха Курыхана не услыхать.

Борис Иванович — охотник и природовед, то, что он пишет о русском лесе и его обитателях, уникально по точности наблюдений, невероятно интересно.

Откуда горожанину знать, как решают между собой права первенства лиса и лисовин? Но если увидишь такое: «Ее гибкая спинка переливалась на ходу золотисто-коричневой пушистой волной, хвост воздушно плыл вслед, а бисерная поступь, беззвучная и легкая, не встряхивала тела» — невольно, как Матерый Лис, пойдешь следом.

Была такая «Эпоха бюро пропаганды» в 70-80-е годы, очень жаль, что нынче она фактически кончилась, ввиду отсутствия средств.

Я никогда не забуду, с каким вниманием, сопереживая каждому точно найденному слову, слушали ребята сильный, романтически приподнятый рассказ «Гришка» о коне, сумевшем уйти от волков и спасти детей от гибели.

Все рассказы из книги «Лазурный цвет земли», тоже романтические, мне только не нравилось «красивое» название этого

сборника, но чем-то оно Борису Ивановичу дорого, и я с ним не спорю.

Существуют писательские задачи и посложнее. Прославление силы жизни и красоты природы, и они оказались провинциальному людознатцу по плечу. Можно ли в наши дни написать неподражаемый сборник сказок, да такой, чтобы читался на одном дыхании? Передо мною ужасно изданная книжечка «Судиславские сказки» — едва наскребла районная администрация денег на самую дешевую бумагу. А по свежести содержания, мудрости и тонкому юмору — быть бы этой книжке подарочным изданием с прекрасными рисунками. Авось чья-то неокрепшая детская душа и не канула бы в пучину бесконечной «поттерианы»...

Есть у Бориса Ивановича и особенный, равный по емкости материала повести, рассказ «Катанки», который отразил целую эпоху уничтожения крестьянского быта и традиций во имя чуждых целей «коммунистического завтра». Скольким мастерам, подобным Кольке Вешнякину, отбила руки, сургучная печать нелепого запрета на «частнособственническую деятельность»? А сегодня нет и запрета, и мастеров — перевелись. Разве что в самой глубинке где уцелели, так рассмотрит их там отнюдь не глаз столичной звезды, а именно «местный писатель». Кто ближе, тому и виднее.

...Помимо просто зорких глаз и доброты наделен Борис Иванович вовсе редчайшим свойством, мне, кстати, знакомым: умением заглянуть в иные миры.

Жизнь на земле вовсе не однопланова и состоит не только из привычного. Где-то рядом, в параллельных мирах, пасутся кентавры, которых видели эллины, летают драконы из древних сказаний и сторожко бродят по скалам снежные люди.

Иногда наши миры соприкасаются, и тогда мы можем их видеть. Что и довелось, видимо, Борису Ивановичу, бывавшему в горах. Иначе он никогда не смог бы написать своего «Сына утренней зари».

Его Уони не фантазия, а вполне реальное живое существо: «Крупная, плотно посаженная голова слегка серебрилась от нисходящей с затылка короткой гривы, и весь его мех, бурый с серебристым проблескам, чистый и плотный, с тугим подпушьем, лежал, сверкая, точно шелк». Выдумать такое невозможно.

Жаль только, что на встречу Уони с людьми до известной степени наложились расхожие штампы приключенческой литературы советских времен и повесть в целом не оправдала надежд, которые сулило ее начало.

У Бориса Ивановича в книге «За горизонтом — истина» есть и его философское кредо, повесть «Горящий храм». Он работал над нею многие годы и выразил очень своеобразные идеи происхождения

славянства и его исторического пути, уж, во всяком случае, вполне самостоятельные. Его право.

...Вот так и живет не в столичной суете, а в судиславской тиши интереснейший писатель, которому не так давно исполнилось 75 лет. Работы не бросает, и добрыми помыслами и замыслами душа не оскудела.

Конечно, хорошо бы и в столице книгу издать — талант того достоин, — но по нему ли сегодня скороприходящий успех мерится?

А вот Костроме стоит заметить и оценить по достоинству то, что ей принадлежит по праву. С моей точки зрения, Бориса Ивановича Бочкарева стоило бы наградить любой из существующих у нас премий.

Северная правда, 23 мая 2003 г.

Николай Палькин

Из «Поэмы о Волге»

ГЛАВА КОСТРОМСКАЯ

Русь начиналась не вчера.
Русь начиналась с топора.
И той порою был топор
Во всем опорою опор.

Топор — оружье от врагов.
Топор — искусство мастеров.
Топор — работа, не игра.
И нет двора без топора.

В лихие дни, в годины бед
Топор за все держал ответ.
И не случайно на миру
Русь призывалась к топору.

Кормилец он, поилец он,
Плывет над Волгой легкий звон.
Еловый звон, сосновый звон
Плывет, плывет со всех сторон.

Кому сарай, кому изба,
Кому оконная резьба,
Кому овин у дальних троп,
Кому дубовый крепкий гроб.

Удачлив, ловок и остер,
Вовсю работает топор.
С него за все в хозяйстве спрос
И за извоз, и за покос,
И за полати, чтобы лечь.
И за дрова, чтоб хлебы печь,
И за сундук — добро беречь.
Вот потому о нем и речь.

Железо, камень и бетон —
Все это явится потом,
Пока же — чудо из чудес —
На все еще годится лес.
А лес без топора не лес.
Без топора на кой он бес?
И потому на руку скор
Живет и властвует топор.

Русь начиналась не вчера.
Русь начиналась с топора.
Сам Петр недаром недуром
Тесал Россию топором.
Тесал и ладил юркий бот
И заодно российский флот,
Тесал России ум и стать,
Чтобы с Европой вровень стать.

Я речь завел о топоре,
Когда сегодня на заре,
Как в сказке, чудо-терема
Нам показала Кострома.

Ах, дивный город, край лесной,
Горячей пахнущий сосной,
Ты для меня уж тем хорош.
Что на себя вполне похож.

Вглядись, читатель, Кострома —
Неповторимая страна.
О как высоко вознесла
Она все эти купола,
Все эти церкви и кресты,
Все эти бани и мосты,
Что с меткой хваткой топора
Сооружали мастера.

Увидишь старый темный сруб,
Восторг соскакивает с губ.
И хочется войти во храм,
Поклон отвесить мастерам.

Мне так понятна и близка
Их по прекрасному тоска.
И так я верю их мечте
О вековечной красоте.

Благодарю я тех друзей,
Кто сказку обратил в музей
И славных предков красоту
Поднял на эту высоту.

Смотрю и восхищаюсь вслух:
О как велик народа дух!
Пускай умельцев мастерство
Свое справляет торжество.

И я при том не умолчу,
Что им, бесспорно, по плечу.
Не только церковь иль изба,
Но и отечества судьба.

Иван Сусанин неспроста
Вот эти древние места
В борении душевных сил
Своей любовью освятил.

И, полыхая и горя,
Стоит высокая заря,
И я высокую зарю
За ясным свет благодарю.

Я чую с предками родство.
Их золотое мастерство,
Одолевая жизни зло,
Давно к потомкам перешло...

Несуетлив и деловит,
И до сих пор топор гудит,
В буквальном смысле, что ни год,
Сооружает, создает.

В буквальном смысле — тук да тук
И вот, как дело добрых рук,
Встает особая страна —
Веселый город Кострома.

Ах, дивный город, край лесной,
Нагретой пахнущий сосной,
Ты для меня уж тем хорош,
Что старину ты бережешь.

А в ней народа бойкий ум
И след его высоких дум,
Его игра и озорство,
И труд его, и мастерство.

И все тут к месту, все тут впрок,
Во всем намек, во всем урок.
Под топором родится звон.
…Поклон тебе, земной поклон!

Лидия Егорова

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ В МОСКВЕ

В 1999 году, после 21 года проживания в Германии, возвратился в Москву всемирно известный ученый, философ, педагог, логик, писатель, художник Александр Александрович Зиновьев. Руководство Москвы помогло Александру Александровичу приобрести квартиру в Северном Чертанове.

А.А.Зиновьев — один из трех известнейших логиков в мире, основоположник социальной логики в России. Им написаны учебники логики для высших учебных заведений.

Он автор более 50 научных и художественно-публицистических произведений. Самые известные среди них — «Коммунизм как реальность», «Катастройка», Горбачевизм», Гомо советикус», «Глобальный человейник», «Светлое будущее», «Зияющие высоты».

Родился Саша Зиновьев в маленькой деревне Пахтино Чухломского района в 1922 году. Был он у крестьянки (потом колхозницы) Апполинарии Васильевны и маляра Александра Яковлевича Зиновьевых шестым ребенком. Мать с бабушкой и дедушкой (родители отца) поднимали детей, а отец работал в Москве.

В Саше рано проявились литературные и математические способности. Еще сельский учитель в Лучкине (школа находилась за три километра) увидел в своем ученике будущего Ломоносова и рекомендовал учить его в Москве, куда увезли мальчика в 1933 году.

Зиновьевы жили в очень стесненных условиях. В 1946 году мать приехала с младшими детьми в Москву. До 1958 года семья ютилась в сыром подвале перенаселенной коммуналки. Александр спал на сундуке. Младший брат Владимир — в широком шкафу. Жили восьмером в комнатке в 11 кв. метров. Александр окончил школу с отличием. Пока учился, был участником математических олимпиад, призером юношеских конкурсов, организованных Союзом архитекторов. Проявлял интерес к философии. Запоем читал Вольтера, Дидро, Гельвеция, Гоббса, Локка, Канта, Гегеля, Маркса. Придумывал философские теории. В 16 лет он стал студентом Московского института философии, литературы, истории. В те годы МИФЛИ считался самым элитным институтом в стране. Одновременно с учебой работал. Считался аполитичным. Вел антисталинскую пропаганду. За критику Сталина и его системы был исключен из института, его арестовали, но он сбежал с Лубянки, скрывался.

Ушел на фронт добровольцем. Воевал под чужим именем. Был кавалеристом, танкистом, а после краткосрочного курса стал летчиком-истребителем. Имеет орден Красной Звезды и другие награды.

После войны учился в МГУ на философском факультете. В 1951 году получил диплом с отличием и был оставлен на кафедре в аспирантуре. Защитил в 1954 году кандидатскую, а в 1962-м — докторскую диссертации. Стал профессором. Работал в Институте философии АН СССР, в высших учебных заведениях. Заведовал кафедрой логики в родном МГУ, имел учеников и последователей. Еще 30 лет назад рассчитал неизбежность кризиса в России. Ему не поверили. Но кризис произошел... Был членом редколлегии журнала «Вопросы философии». Написал много книг по логике и методологии науки. Выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР и на Государственную премию СССР. Премию не дали, как не избрали и членкором...

Жил аскетом, придерживался кодекса поведения, который Александр Александрович выработал для себя: «Не стремись к материальному благополучию. Довольствуйся минимумом. Лучше не иметь, чем терять».

В одном интервью А.А.Зиновьев признался: «Для меня коммунистический период очень четко поставил проблему: быть или иметь... Я усвоил одно: жить по формуле «быть» — это гораздо более высокое качество жизни, чем жить по формулие «иметь»... Это — деградация. А жить по формуле «быть» — это высочайшее качество жизни, которое я не сменяю ни на что другое».

За публикацию в Швейцарии романа «Зияющие высоты» в 1976 году ученого уволили с работы, лишили степеней, званий, наград. В 1978 году с семьей был вынужден уехать из страны, его лишили советского гражданства.

Более 20 лет он проживал в Германии. Писал книги, читал лекции по всему миру. Работал много. А в книгах прорывалась тоска по Родине... «Мне вдруг показалось, будто я иду по московской улице. Москва... Самый серый и скучный город в мире. Самый жестокий и безнадежный. И самый близкий и дорогой. Будущее человечества».

И еще: «Я живу теперь на Западе, а ощущение такое, будто меня выбросили в глухую русскую провинцию. Тут есть над чем задуматься. Для меня только одно место в мире есть столица — это Москва. Все остальное для меня есть провинция. Москва есть столица не просто государства. Она есть столица истории. И я сделал великую глупость, покинув ее: я выпал из истории».

Александр Александрович избирается в академии наук Финляндии, Италии, Баварии, нескольких российских академий, становится лауреатом важнейших литературных премий Европы, премии

великого социолога и писателя Алексиса де Токвиля. Его утверждают почетным гражданином Авиньона, Оранжа и Равенны.

Через 12 лет после отъезда его восстановили в советском гражданстве. Постепенно стали печататься его книги, публиковаться интервью. Осенью 1999 года Александр Александрович с семьей вернулся в Москву. Вернулся в историю...

В свои 80 лет (юбилей отметил 29 октября прошлого года) ученый продолжает напряженно работать. Читает лекции в родном МГУ и Литературном институте. Много печатается. Например, международный журнал о лидерах и для лидеров «VIP», «Век», опубликовал ряд статей философа и социолога о феномене Владимира Путина и о тех основных проблемах, которые нужно решать в первую очередь в сложившейся ситуации в России. Издательство «Центрополиграф» стало выпускать 10-томник А.Зиновьева.

Осенью 2002 года в Центральном Доме журналиста в Москве прошла выставка картин Александра Зиновьева. До этого он выставлялся в Лозанне, Женеве, Париже, Мюнхене, Оранже, Авиньоне, Милане. Было представлено около 60 работ...

Сергей Потехин

«Все природа за нас решила…»

* * *

То снег, то дождик моросит,
То оба вкупе.
Позволь, сударыня, спросить:
Весна наступит?

За риторический вопрос
Прости, гражданка.
Мне сердце выстудил мороз,
А я — не Данко.

Как холодна твоя ладонь,
Во взгляде иней.
Когда-то ты зажгла огонь
На камне-льдине...

Теперь ты чувствуешь сама,
Как годы мчатся.
Ну вот и кончилась зима,
Пора прощаться.

* * *

Забудь красивые слова,
Не нужно нежных междометий.
От восхитительных соцветий
В немом восторге дерева.

Надеюсь, верю: нет причин
Тебя смущать вопросом лишним.
Любовь придумана Всевышним.
Присядем радом, помолчим...

* * *

Последний порыв леденящего счастья —
И тронется в путь вороной.
Жасмином дыша, я сжимаю запястья
На кофте твоей продувной.

Мятежное лето, тревожные встречи —
Все призрачно в мире людей.
В траве придорожной лежит незамечен
Платок твой — цветок чародей.

Исчезнешь за дымкой, в тумане растаешь,
В огне светофоров сгоришь.
Я стану преданьем, какого не знаешь.
Пылинкой над скопищем крыш.

О, как ты грустна, бледнолика.
Однако, Не мыслю глаза отвести.
Чужая жена — не, чужая собака.
Куда ж это горе нести?

Пребуду в надежде, хотя не уверен,
Смогу ль удержаться в кругу.
Волшебный платок, что тобою потерян,
Достаться не должен врагу.

* * *

Который день, который год
Мы выясняем отношенья.
Туман рассеялся, и вот
Видны все наши прогрешенья.

Какою мерою воздать
За долгожданное прозренье?
Душа, привыкшая страдать,
Простит любое преступленье.

Промчались годы суеты
В скандальном, сладеньком экстазе.
Могли мы вырастить цветы,
А разбросали комья грязи.

Под очистительным дождем
Умоем выцветшие лица
И божьей воли подождем,
Пока надежда шевелится.

Еще никто не задавал
Себе ответственней задачи.
Еще не, пройден перевал,
За коим будет все иначе.

* * *

Ты не радость моя, а совесть.
Я не счастье твое — а страх.
Не прожить нам с тобой не ссорясь:
Мы из разной породы птах.

Все природа за нас решила,
Создала нас одной весной.
Стыдно зяблику петь фальшиво,
Страшно ласточке быть одной.

Ветер странствия нас посеял,
Так зачем обижаться, друг?
Нам с тобой по пути на север,
По пути нам с тобой на юг!

* * *

Смешон твой гнев, смешны капризы
Смешна заносчивость твоя.
Не получается маркизы
Из пробки, кнопки и тряпья.

Цветочки, ленты, лоскуточки,
Фужер с каемкой золотой.
Дошел бы я с тобой до точки,
Да встретил точку с запятой.

Немного мы с тобой успели.
Прозрел покорный твой слуга,
Покуда фрукты не созрели,
Пока не выпали снега.

Бежит слеза, не усыхая,
Из глаз и сердца моего.
Ты кукла все же неплохая,
Еще погубишь кой-кого.

* * *

Кто из нас не терял головы,
Ослепленный таинственным светом?
Но попробуй тот свет улови,
Даже если родился поэтом.

Воссиял, закружил и померк,
Воротились постылые будни.
Замедляется времени бег,
Продолжаются козни и плутни.

Наказаньем становится сон
Для души, воспаленной и ждущей.
Не забудешь, как был потрясен
Дивной музыкой, с неба идущей.

Вдруг проснешься в холодном поту,
Ощутив нестерпимость желанья
Бросить все и ступить за черту,
В даль, откуда исходит сиянье.

* * *

Осень спешила, шумел листопад,
Падала с кленов незвонкая бронза,
Я по оранжевым листьям ступал,
Как по осколочкам солнца.
Кто меня выманил, кто пригласил
В жгучий буран красоты и печали?
Каждый листок от тоски голосил,
Бурые ветки молчали.
Может, впервые подумалось мне:
«Время свой бег не замедлит.
Мир без меня обойдется вполне.
Мне-то его кто заменит?»

Виктор Веселов

Каменный век

Душа надтреснута как камень от жары,
Омой слезой и вспыхнет, задымится,
Но надобно не плакаться, не злиться,
А подождать до утренней поры.
И утром камень тот, как человек,
Прохладой ласковой, целительной напьется,
И оживет душа, и улыбнется,
Но будет помнить каменный свой век.

Под осень

Глоток любви хмельной под осень
Пригубим, выпьем терпкий мед,
Ну а потом под пулемет,
Коль очень Родина попросит.
Она умеет попросить,
Хоть к нашим просьбам глуховата,
Но мы послушные ребята
И ей готовы угодить.
А если очередью скосит
И в землю лечь придет черед,
Успеть бы вспомнить терпкий мед
И хорошо, чтобы под осень...

Странные дожди

Нахлынут странные дожди.
Они с утра хмельные в стельку.
Стучат в окошко: «Отвори.
Мы ненадолго, на недельку».

Открыл. Они к тебе гурьбой,
Галдят, целуются, озябли.
Давай по рюмочке с тобой,
Гостеприимней будь, хозяин.
Мы здесь ничуть не навредим,
И воду на пол лить не станем.
Недолго в ванне посидим,
Обсохнем, книжки почитаем.
Вон сколько их пылится зря,
Почти не тронуты рукою.

— О нет, шумливые друзья,
Мне что-то хочется покоя.
Устал и дел невпроворот,
Давайте как-нибудь позднее.

Хоть под хмельком, но стих народ
И стали вроде бы трезвее.
Чуть посидели и ушли,
Сутуля худенькие плечи,
И где-то там, в полях, вдали
Ведут обидчивые речи.

Родная земля

Край родной Костромской, незабывчивый
Нас святою водой напоит,
А сиреневый дождик улыбчивый
Что-то, окая, нам говорит.

Колокольни Макарьева, звонницы,
Древний гул кологривских лесов,
Чухломские березы, как модницы,
Умываются синей росой.

Я просторам привольным порадуюсь,
Погляжу на разлив голубой,
По-над озером Галичским радуга
Заигралась с веселой волной.

В именах городов твоих, речек:
Пыщуг, Вохма, Межа и Шарья...
Слышен говор племен и наречий,
Посвист стрел и дыханье огня.

...Есть иные просторы на свете,
Но всех ближе, роднее свои.
Отчий край, где поют на рассвете,
Захмелев от любви, соловьи.

Юрий Разгуляев

«Слабеет душа без веры»

* * *

Люблю веселое начало,
Когда не ясно что к чему,
Когда для чувств событий мало
И много времени уму.

Когда сюжет еще в пружине
От напряжения дрожит...
И мне еще хватает жизни
Воспоминаньями не жить.

* * *

(Сочинителям)

Мы плывем по небесам по мере сил
С голосами белыми от боли.
Воли ждем, взращенные в неволе,
И не опускаем слабых крыл.
Сочинители, романтики, провидцы.
Реалисты — потому что очевидцы.
Соучастники, поскольку часть небес
Положу на сердце руку —
здесь.

* * *

Ужели слабеет зренье?
Не вижу, что жизнь прекрасна.
Не вижу стрекоз прозрачных,
Не вижу врагов опасных.

Уходит любовь из сердца,
Уходит из поля зренья.
Пустеют поля. В деревнях
На месте домов — деревья.

Есть только напиток горький,
Тяжелый, как стих Гомера.
И словно без ветра парус,
Слабеет душа без веры.

Во мраке смеются звери,
И небо роняет звезды.
Слабеет душа без веры,
Уходит из легких воздух...

* * *

Не знай, моя радость, печали.
Твои беззащитные дни
Похожи на светлые дали,
На утро похожи они.

Какая высокая пропасть
Меж двух облаков пролегла.
Как будто бы — разъединила,
А вот разлучить — не смогла.

* * *

Поэты знают еще и другое:
Язык травы и язык воды,
И то, что кроется за грядою,
И заклинание от беды.
Во времена для народов злые
Они хранили живой огонь.
Им — птиц приманивать на ладонь.
Им каждый день — будто жизнь впервые.

Алексей Скуляков

Покшинская панорама

(Фантасмагория)

В.Емцеву

Если эта панорама
Оживет, то будет драма!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я поставил себе задачу,
Что как только приеду на дачу
Сразу сяду писать поэму
На заране известную тему.
Как задумал я, так и случилось.
Интересно, чего получилось?
Я поведаю вам, растолкую:
Панораму представьте такую.

1

В речке Покша водится пикша,
А по берегу бегает рикша.
А по Покше снуют гондолы,
А в гондолах татаро-монголы.
Чужеземные нехристи эти
Ставят в речке рыбачьи сети,
Говорят меж собой по-собачьи,
Тянут сети назад рыбачьи.
Ловят пикшу казенную в Покше
От большого усердия взмокши.

2

Возит жилистый рикша рыбу
К биваку, где воздвигли дыбу.
Где морят непокорных в кутузке
И казнят на его глазах узких.

3

А за Покшей вдали что творится?!
Пыль дорожная в небе клубится!
Виснет пыль над землей облаками,
А под ними полки за полками:
Немцев, шведов, французов, поляков.
Тайный замысел их одинаков:
Строем бравые человечки
Направляются к Покше-речке,
Где заветная их остановка.
Такова вдалеке обстановка,
Или северней Покши.

4

Южнее —
Обстановка намного сложнее.
И, бесспорно, признать ее надо —
К Покше приблизилось с юга НАТО.
И потоком сплошным информации,
Войсковых не ведя операций
Наготове в любую минуту
Сеять в стане противника смуту.

5

А восточней, на круче отвесной,
Возвышается над поднебесной
Строгий, ликами скорбный святыми,
Куполами слепящий златыми
Камнебелый красавец Ипатий.

6

А вокруг него русские рати
Тешат души себе песней грустной
Да с похмелья рассол пьют капустный.
Запрягают коней для похода,
Может, год, может, два уже года.

7

И кого среди них только, нету —
Пересвет! — он подобен атлету!
Здесь Кутузов, и Минин с Пожарским,
И Давыдов в мундире гусарском.
Здесь Клочков, Лебедь, Жуков, Матросов.
Патриоты они — нет вопросов!

8

А внутри за стеной монастырской,
Как в тюрьме знаменитой Бутырской,
Дни и ночи сидят, словно «зеки»,
Президенты, цари и генсеки,
Патриархи, князья, воеводы —
Озирая с тоской храма своды.

9

Тут и грозный властитель Петр Первый,
Он от почечной колики нервный.
Тут и генералисимус Сталин,
Он горою доносов завален.
И кумир «фээсбэшников» Путин,
От усталости взор его мутен.
Заседают, к повестке привыкши:
«О захватчиках Покши и пикши».

10

Но изменится вскоре все это.
Ярко вспыхнет над Покшей комета —
Знак войны предвещающий, вещий.
В Покше волны заплещут, заблещут.
И за фразой появится фраза
Из правительственного указа:
— Истомились и люди, и кони!
— Слава нам! Мы не воры в законе!
— Корнетистам сигнал дать походный!
— Речке Покше быть снова свободной!

11

В стане русском возникнет движенье,
И начнется за Покшу сраженье.

12

Но в начале сраженья — разминка,
Состоящая из поединка
Пересвета и Кочубея —
Кто могучей кого? Кто ловчее?

13

А затем уж — черед мясорубки!...
Слышно будет лишь: — На воду шлюпки!
— Сыпь направо, налево удары!
— Тонут в Покше монголы, татары!
— Распластались убитые фрицы,
Не отведав из пикши ушицы!
— Не помогут теперь им ни Гитлер,
Ни бальзам чудодейственный «Битнер».
— Мы убитых схороним, зароем
На трофеи эскадру построим!
— Ни в какие не лезет ворота —
Нет на Покше военного флота!
— Короля потеряла охрана!
Карла в плен взять! Держи Чингизхана!
— Чингизхану — хана! А Батыю
Петлю с дыбы накинуть на выю!
— Доберемся мы и до Мамая! —
Праздник справим, как первого мая!
— Бонапарт! Друг любезный наш, милый!
Не хотите в бок острые вилы!
— Не по вам ли страдает оглобля?
Ваши слезы крупней гонобобля!
— А куда подевались поляки?
— Заблудились в лесном полумраке!
Их завел туда местный крестьянин.
— Как фамилия? — Вроде Сусанин!..
— Эй, вы! Натовские генералы!
Вас приветствуют «федералы».

Вам пора рты заклеить скотчем?
Прочь от Покши, иначе «замочим»!
Мы такой вам устроим Чернобыль,
Что присудит нам премию Нобель!

14

Долго битва за Покшу продлится.
Ось земная от взрывов сместится.
Бомбы, стрелы, снаряды, пули
В страшном грохоте, рокоте, гуле,
В жутком хаосе и круговерти
Безотказно послужат смерти.
Под ее неусыпным оком
В Покшу кровь потечет притоком.
Но ничто и нигде не вечно.
Станет Покша свободной, конечно.
И оркестр, не щадя мощи медной,
Заиграет на ней марш победный!!!

ЭПИЛОГ

Я, возможно, немного напутал.
Видно, рано трубу в бане скутал.
Перед тем, как писать — помылся,
Угорел, с мыслей правильных сбился.
Отчего невзначай, ненароком
Запад стал у меня востоком,
Юг и север — махнулись местами.
Пить бы мед моими устами
И блины со сметаною кушать,
Но придется, наверное, слушать:
Коль читатель иной заропщет,
Что не водится пикша в Покше,
А кишит речка Покша ершами
Да шумит на ветру камышами!

2005 г.

Татьяна Дмитриева

* * *

Опять весна зовет меня дорогами,
За марево туманов уходящими.
Туда, где все мы были босоногими,
Туда, где все мы были настоящими.
Там травы пахнут радугой и грозами,
Там омуты — теплом сердец согретые.
С повисшими на лучиках стрекозами
Там лютики желтеют неприметные.
Там — девочка с соломенными прядками,
Упругий стебелек, под солцем выросший,
Мечтавшая одним глазком, украдкою,
Взглянуть на день свой завтрашний —
мой нынешний.
Там день — такой большой,
такой безоблачный,
А мир — так прост,
и так смешны в нем взрослые!
А мы в руках у бабушки, как в обруче, —
Все вместе и по свету не разбросаны...

* * *

Годы одиночества
Не скупятся — множатся.
Не живу, как хочется,
А живу, как можется.

Как своей попутчице,
Жизнь вверяю осени
И себя не мучаю
Глупыми вопросами.

Юбилеи празднуя,
За друзей порадуюсь.
Видно, не напрасно я
Поднималась падая.

Вопреки пророчествам,
Жизнь недаром прожита.
Еще столько — хочется!
Может быть, и сможется.

Не каждый день такое бывает

ДЕКАБРЬ, А ВСТРЕЧИ ТАК ТЕПЛЫ

Они приехали в наш район ранним утром 5 декабря. И приехали не из областного центра, а из самых отдаленных северо-восточных окраин области — из Вохомского и Октябрьского районов. Там в течение двух дней этой творческой командировки прозаики, поэты проводили встречи с читателями, рассказывали о своем творчестве, делились размышлениями о прошлом и настоящем нашей истории, знакомились с жизнью сел и деревень, отдаленных многими сотнями километров от больших промышленных и культурных центров.

А в Вохме в эти дни состоялось и еще одно событие, которое можно по праву назвать событием районного масштаба, привлекшее большое внимание местных ценителей поэзии, тех, кто даже в пору всех нынешних житейских невзгод не потерял любовь к поэтическому слову. Там в районной библиотеке при непосредственном участии гостей был проведен творческий вечер местного поэта, члена Союза писателей России и автора нескольких поэтических сборников Леонида Попова, посвященный его пятидесятилетнему юбилею. Да и не только этой памятной вехе в жизни поэта. В кругу друзей, коллег по творчеству и односельчан — любителей литературы состоялось торжественное представление новой поэтической книги автора-юбиляра «Лета нашего итог», в которой собраны лучшие стихи поэта, написанные за последние годы.

На вечере звучали не только стихи, но и песни на слова Леонида Попова. А переложил их на музыку известный в области прозаик, и композитор, имеющий на своем счету сотни песен и старинных романсов Владимир Михайлович Старателев. Он исполнял их под гитару, которая является его постоянным и неизменным спутником во всех творческих командировках.

И вот Павино. Первая встреча. Состоялась она в кабинете главы местного самоуправления Николая Анатольевича Боброва. И была она не столько ознакомительной, сколько деловой, определяющей программу этого дня для каждого участника встречи.

Было решено, что наши гости и их павинские помощники побывают не только в райцентре, но и во всех сельских Советах района.

Вопроса с транспортом не возникло. Он был предоставлен не только районной администрацией, но и другими организациями.

В Леденгск отправились руководитель творческой бригады писателей, председатель правления областной писательской организации Михаил Федорович Базанков и Владимир Михайлович Старателев. И этот маршрут (а гости сами выбирали себе адреса предстоящих встреч) они выбрали не случайно. Во время предварительного разговора в районной администрации они узнали, что именно в Леденгске средняя школа находится сегодня в труднейшем положении.

Прозаик Владимир Иванович Бочкарев и поэт Анатолий Васильевич Беляев поставили себе не менее сложную задачу. Они решили встретиться с учащимися двух школ — Доброумовской и Петропавловской.

В Павинскую среднюю школу отправились поэт Евгений Анатольевич Разумов и Виталий Васильевич Пашин, чье творчество не было представлено в канун дней литературы на страницах районной газеты. Он — писатель-сатирик, юморист, ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры и член Союза писателей России, автор многих прозаических книг.

Вместе с ними во встречах с павинскими учащимися приняла участие и Татьяна Райлян — школьница из поселка Шайменский, которая пусть и по немногочисленным пока публикациям в районной газете уже стала известной в творческих кругах области. А потому Татьяна была специально приглашена для участия в проведении дня литературы.

Самый дальний маршрут — поселок Шайменский — избрали поэт, преподаватель Костромского технологического института Алексей Вячеславович Зябликов и Наталья Таврионовна Перетягина — помощник руководителя делегации, консультант по пропаганде художественной литературы.

Кроме Крутогорской средней школы они побывали и в п.Шайменский. Вместе с ними на эти встречи ездила и наша местная поэтесса, известная по многим публикациям в районной и областных газетах, в коллективных сборниках Галина Павловна Попова.

В Медведицу отправились поэт, переводчик, сатирик, ветеран Великой Отечественной войны Вячеслав Васильевич Смирнов и Юрий Николаевич Конев, чей сборник стихов уже подготовлен и в ближайшее время должен выйти в свет. Вместе сними во встрече с преподавателями удалось участвовать и мне.

Интересно прошли все встречи. Как было отмечено при подведении итогов, повсеместно писатели и поэты нашли глубокое

взаимопонимание, отметили большой интерес участников встреч к творческому литературному труду, к литературе, к живому русскому слову, к судьбам и биографиям гостей.

Медведицкие школьники, например, узнали, что их гость писатель-сатирик Вячеслав Васильевич Смирнов в канун окончания войны был награжден одной из самых высоких наград... Германии. Эта награда была ему вручена за спасение малолетней немецкой девочки, которая была ранена во время бомбежки. Кстати, она жива и сейчас занимается научной деятельностью, а недавно в Германии вышла книга, главный герой которой бывший военный корреспондент, писатель из Костромы Вячеслав Васильевич Смирнов. В ней рассказывается о его благородном поступке в последние дни войны...

Много интересного из жизни писателей узнали и участники других встреч, ближе познакомились с их творчеством. И еще одно, о чем нельзя не сказать. В течение этого дня наши гости не только выступали, рассказывали, читали, но и познакомились с творчеством местных авторов: Татьяны Ряйлян, крутогорской школьницы Татьяны Тихомировой, которая тоже была приглашена к участию в дне литературы, но к сожалению, не приехала. В очередной раз получили признание стихи Галины Поповой, Юрия Конева. Несколько рукописей начинающих павинских авторов писатели взяли с собой, чтобы на месте подробнее ознакомиться и дать, неторопливую, более объективную оценку их трудам.

... Рабочий день заканчивался. А в это время в зале заседаний началась заключительная встреча с творческой бригадой писателей, где каждый из них кратко рассказал о себе, о своей работе, поделился мнениями об этих нескольких часах, проведенных на павинской земле, о состоявшихся знакомствах.

Более 60 комплектов книг, изданных по региональной программе, было подарено Костромской писательской организацией во время проведения дней литературы в северо-восточных районах области.

… Утром следующего дня творческая бригада писателей снова отправилась в путь. Микроавтобус, предоставленный им областной администрацией, взял курс на Кострому, но … еще не домой. Их в этот субботний день ждали в деревне Усолье Мантуровского района – ждали школьники, учителя.

Алексей АКИШИН
«Северный луч»

ВОЗРОЖДЕННАЯ «КОСТРОМА»

«Каков зачин, таково и дело», — напоминал старейший костромской писатель Константин Абатуров четыре года тому назад в первом выпуске литературно-художественного сборника «Кострома». Прислушаться к нему не грех, ибо Константин Иванович знает, что говорит. Сразу по окончании Отечественной войны Кострома стала одним из первых городов, где открылось книжное издательство и стал выходить «Костромской альманах», к делам коих Абатуров крепко руку приложил. Вышло тогда девять сборников, на том дело и застопорилось, поскольку издательство закрыли.

И вот спустя четыре десятилетия Кострома вновь оказалась впереди России всей, возродив по инициативе областной писательской организации выпуск альманаха.

Увидели свет четыре сборника. Каждый из них стал заметным явлением в духовной и культурной жизни области, представив читателю творчество не только ныне здравствующих прозаиков, поэтов, литературоведов, но и тех, кто завершил свой земной путь. Встречи под «алъманаховской крышей» явили их общую боль, «былое и думы» о судьбах Отечества, народа, российской словесности.

Последний выпуск альманаха «Кострома» не изменил устоявшейся традиции. В нем представлены более 80 авторов, как известных не только в России, но и далеко окрест, так и дебютантов пера. Еще в первом сборнике редактор альманаха Михаил Базанков предуведомлял: «Мы отвергаем сочинения, помеченные модернистским бездушием, бодряческим апломбом и залихватским кривляньем. С давних пор на Руси считалось, что чистота речи есть выражение чистоты души».

Что верно, то верно. Каждая книжка отмечена ясностью и прозрачностью языка, раскрывающего творческое самочувствие пишущего. Последний сборник воскрешает «пропахшие порохом» дни Великой Отечественной войны, тяготы, печали, минуты радости послевоенных лет, осмысленные авторами через судьбы человеческие; малоизвестные страницы истории костромского края, заботы и тревоги наших дней.

Имеет альманах и свою особенность. Здесь затеян разговор о нынешнем состоянии поэзии. И не только, добавим от себя. Разговор серьезный, несуетный требующий немалых знаний подвигающих на глубокие размышления. «Изощренная безделка» или «высшее цветение человека в мире»? — так назвал свои полеми-

ческие заметки священник Вячеслав Шапошников. Его требования к поэту и поэзии весьма суровы, даже по-своему своеобычны. Во взглядах на истинную поэзию Шапошников солидарен с нашим современником архиепископом Иоанном Сан-Францисским (Шаховским), утверждающим, что «мир человека надо непрестанно проветривать, иначе в нем можно задохнуться... Доставлять чистый воздух горнего мира человеку дано молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей».

Недурственно сказано, не правда ли?

Евгений СТЕПАНЕНКО

Из статьи. «Северная правда»,
20 октября 2000 г.

ИЗДАНО В ТРУДНЫЕ ГОДЫ

1993-1996 гг.

«Обетованный край», стихи польских поэтов.
Алексей Шант «Тюрьма не школа»
Павел Румянцев «В нашем славном городе»
Сергей Потехин «Молодой бобыль»
Сергей Потехин «Снежная дева»
Леонид Попов «Обреченный на любовь»
Виктор Лапшин «Кольцо»
Николай Зайцев «Иван-чай»
Евгений Разумов «Глаза небес»
Евгений Разумов «Прудяные холсты»
Михаил Базанков «Чудеса в решете».
Михаил Базанков «Вольному воля».
Борис Бочкарев «Минуты откровений»
Борис Бочкарев «Огневица»
Татьяна Иноземцева «Дикая яблоня»
Фаина Соломатова «Капкан»
Фаина Соломатова «Корень любви»
Виталий Пашин «Ходи веселей, Кострома!»
Виталий Пашин «Вот такое кино...»
Станислав Михайлов «Межа»
Алексей Акишин «Вася-Нептун»
Виктор Смирнов «Деревенский дым»

Вячеслав Смирнов «Верь — не верь»
Борис Дроздов «Охотничий ужин»
Николай Муренин «Земная дорога»
Светлана Виноградова «Дорога домой»
Алексей Зябликов «Стоеросовый лес»
Виталий Кодрян «Солнышкины дети»
«Лучше маленькими будем». — Сборник для детей
«Все начинается с любви». — Коллективный сборник
Анатолий Беляев «Музыка для уставших»
Ольга Колова «Пугливая птица»
Константин Абатуров «Моя Шача»
Борис Бочкарев «Огневица»

1997-1999 гг.

Ольга Гуссаковская «Персиковая коробка»
Михаил Базанков «Не ищи жар-птицу за морем»
Елена Балашова «Высокий свет»
Леонид Попов «Лета нашего итог»
Джуди Хоган «Бобриная душа», перевод с английского
Альманах «КОСТРОМА». — Первый выпуск.
Альманах «КОСТРОМА». — Второй выпуск
Антология костромской поэзии
Михаил Базанков «Самое дорогое»
Павел Румянцев «Разговор по душам»
Алексей Зябликов «Искусство полета».
Алексей Акишин «На цветущем лугу»
Борис Бочкарев «За горизонтом — истина»
Владимир Старателев «Танцы в клубе»
Вячеслав Шапошников «День незабытый»
Альманах «КОСТРОМА». — Третий выпуск
Дмитрий Тишинков «Письма из крыжовенного сада».

2000-2001 гг.

Юрий Разгуляев «Местной почвы певчая щепоть»
Зинаида Чалунина «За рекою соловьи»
«Пусть будет зорче идущий следом», коллективный сборник
Светлана Виноградова «Облака над озером»
Сергей Потехин «А музыка народная...»
Татьяна Дмитриева «Татьянин день» (Губернский дом»)
Олег Каликин «Сережкина любовь»
Олег Каликин «Последний танец»
Олег Каликин «В гостях»
Александр Хлябинов «Фольклорная практика»
Виталий Пашин «Гвоздь программы»

2002-2003 гг.

Хрестоматия «Литература» (5-6 кл.), Сост. Ю. Лебедев
Хрестоматия «Литература» (7-9 кл.) сост. Ю.Лебедев
Константин Абатуров «Земля зовет»
Виталий Пашин «Это было недавно...»
Евгений Степаненко «Похвальное слово…»
Алевтина Алферова «Сказы дивного Залесья»
Виталий Пашин «Пушкин, его костромские родственники…»
Светлана Виноградова «Вернувшееся лето»
Юрий Семенов «Забытая тетрадь»
Павел Мельников «Избранное» (Волгореченск)

2004-2005 гг.

Альманах «Кострома»
Борис Бочкарев «Судиславские сказки»
Олег Каликин «Сережа на Чукотке»
Олег Каликин «В новогоднюю ночь»
Игорь Дедков «Эта земля и это небо»
Виталий Пашин «Отечество им — Костромская земля»
Юрий Семенов «Ложка дегтя»
Олег Хомяков «Отчий дом»
Олег Хомяков «Парень в черном бушлате»
Алексей Зябликов «К другим берегам»
Альманах «Волгореченск», сост.М.Базанков
Александр Лобанов «Взгляд с колокольни»
Альманах «Кострома», 60-летие Победы
Ольга Гуссаковская «Скамья», повесть
«По праву памяти и долга», коллективный сборник
Виталий Пашин «Эх, путь-дорожка фронтовая»
Михаил Базанков «Приглашение в Кострому»
Евгений Зайцев «Солдатами становились»
Анатолий Беляев «Спасибо, жизнь!»
Вячеслав Дробышев «Вектор времени»
«Зов памяти», стихи буйских поэтов, литобъединение
«В краю черемух и рябин», сборник литобъединения, Нерехта
Алексей Скуляков «Отрада»
Борис Смирнов «Причалы жизни и любви» (Волгореченск)

Примечание:
В этот список не вошли не все районные издания.

Из Москвы — в Кострому

Сердечный привет

Минувшей осенью планировал я непременно побывать в Костроме, уже без деловой спешки, провести там не один день, побродить по родным улицам и по набережной Волги, и конечно же завернуть в писательский дом... Увы, навалились недуги, которые завершились элементарной простудой уже под Новый год.

Между тем, встретиться и поговорить с земляками необходимость и потребность была. Очень хотелось поговорить и о новых книгах, особенно — о твоей, от души поздравить с несомненной творческой удачей, за подарок поблагодарить. Один мой знакомый писатель при желании сказать о том, как ему понравилась твоя новая книжка или журнальная публикация, все комплименты умещает в одной доброй фразе: «Позавидовал тебе белой завистью». И так душевно это скажет, что и добавлять ничего не надо.

Я никогда не был завистлив, тем более по отношению к друзьям, но тут эти веселые, душевные слова сами запросились на язык. Книга твоя радует всем: и действительно веселым, радушным заголовком, и прекрасным оформлением, и содержанием, и чистым слогом. Радует и вызывает чувство благодарности за искренний интерес к творчеству талантливых костромичей из более или менее далекого прошлого, желание сказать доброе слово о многих из них.

Сердечное тебе спасибо за щедрый подарок. «Веселья час» по сей день лежит у меня на столе, что называется «под рукой», не спешу убирать книгу в шкаф. Рядом с нею и другая книжечка, подготовленная тобою. Сборник «По праву памяти и долга» как бы дополняет тот великолепный том...

Еще хотелось мне поговорить о планируемой тобой встрече костромских писателей в нынешнем году. Когда намечается провести это интересное собрание? Как оно будет называться? Какое участие могло бы принять в нем наше землячество? Если будет возможность — черкни. Тогда в Литературном музее более или менее подробно об этом, к сожалению, не удалось поговорить. А идея твоя заинтересовала не только меня. Еще раз спасибо за все. Крепко жму руку. Всем друзьям — сердечный привет!

В.ХОХЛОВ

ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

КОСТРОМА январь 2006 г.

Костромская областная писательская организация подвела итоги литературного года. Встречи с читателями в библиотеках, творческие вечера, Дни литературы, семинары в литературных объединениях, диалоги с ветеранами войны и труда — эти традиционные формы культурно-просветительной работы были посвящены 60-летию Великой Победы.

* * *

По областному издательскому проекту проведен конкурс очерков и рассказов, в нем приняли участие более 90 авторов: журналисты, педагоги, фронтовики, краеведы, молодые литераторы. Лучшие произведения по четырем номинациям отмечены дипломами и опубликованы в специальном выпуске альманаха «Кострома». Среди победителей конкурса участники войны Генрих Анатольевич Гарнов и Виктор Павлович Воронов, учительница Наталья Завьялова, поэт Павел Мельников, служащая Нина Орлова, историк Алексей Базанков, журналисты Ирина Семенова и Вячеслав Арсентьев. На конкурс поступали материалы из всех районов.

* * *

Авторы, критики, литературоведы и читатели анализируют новые издания. Большинство книг по юбилейному проекту областной администрации, были сразу же направлены в библиотеки. Заметно повысилось качество изданий, но тиражи, как и в других регионах, в основном до тысячи экземпляров, хотя некоторые книги заслуживают более широкой аудитории. Среди таких: заметки о культуре провинции известного критика Игоря Дедкова «Эта земля и это небо», роман Михаила Базанкова «Приглашение в Кострому» и в том же томе книга его статей, очерков, эссе «Поклон

землякам», рассказы ветерана войны Виталия Пашина «Эх, путь-дорожка фронтовая!», сборник Анатолия Беляева «Избранное», памятный сборник произведений костромских писателей участников войны «По праву памяти и долга» (составитель М.Базанков), документальные очерки Евгения Зайцева «Солдатами становились» и другие сборники. В альманахе «Кострома» напечатана интересная повесть Ольги Гуссаковской «Скамья».

* * *

Активно работают литературные объединения в Волгореченске, Буе. Нерехте. Областная писательская организация поддерживает с ними постоянную связь. Каждое объединение имеет свою особенность по составу участников и стилю творческих занятий, на которых почти всегда присутствуют члены Союза писателей России.

Творческие вечера местных авторов, встречи в библиотеках, чтения рукописей, представления изданий привлекают и новых авторов. В Волгореченске подготовлено более десяти сборников с помощью местной администрации, год назад издан солидный альманах. Несколько лет руководила объединением поэт и прозаик Зинаида Чалунина, теперь взял на себя эту заботу поэт Павел Мельников. Авторы Нерехты представлены в коллективном издании стихов и прозы «В краю черемух и рябин», несколько новых книг подготовила сказительница член Союза писателей России Алевтина Алферова.

Буевляне тоже имеют издательский опыт, позволяющий видеть и оценивать творческие возможности членов литобъединения, которым руководит Вячеслав Дробышев. Помогает ему недавно принятый в наш творческий Союз поэт Юрий Разгуляев. В этом городе к юбилею Победы тоже подготовили несколько изданий: стихи буйских поэтов «Зов памяти», очерки о Героях Советского Союза, поэтические сборники Виктора Куликова, Вячеслава Дробышева и другие — все при финансовой поддержке городской администрации, местных доброжелателей.

ДЕБЮТЫ

Анатолий Корсаков

БОРИСКИН ЛИВЕНЬ

«Давно твоих стихов я не читал,
Ты почему печататься не стал?».
Читатель», встретив, мне вопрос задал
И я ему всю-правду рассказал:
Наш вождь апачей, местный гранд сатиры,
Критиковал мой слог на встрече в «Лире»
(Спасибо, не призвал мочить в сортире):
«В твоих стихах не вижу красоты,
И ударения не там ты ставишь!».
Я думал про себя: «Иди-ка ты
Заре навстречу, милый мой товарищ!».
Сказал себе: «Пойдем другим путем!»,
Чтобы «румяный критик мой» утих,

Не трогаю ни власть, ни Белый дом,
С тех пор и не печатаю свой стих.
В газете пробавляться прозой стал,
Рассказ «Борискин ливень» написал!

Случайно встретившись в санатории с преподавателем столичной академии Борисом Викторовичем, известным мне в раннем детстве как Бориска, вспоминали мы с ним босоногую «глазовскую» вольницу.

Жил Бориска в Глазове с бабушкой и родителями, которые до отъезда в Москву работали на каблучной фабрике имени Сталина, предприятии, ныне называемом пресно и безлико — «Термопласт».

Счастливец Бориска не ходил в детсад и, хотя был постарше меня, лето проводил под надзором бабушки. Родители нашу дружбу поощряли, и часто мне доводилось бывать у них дома. Особенно мне нравилось, забравшись на полати вместе с Бориской, наблюдать за всем происходящим сверху. Однажды к его бабушке пришла соседка и сказала, что «в городе, у Курочкина, сахар дают!». Бабушка взяла полотняный мешочек и нас с Бориской, чтобы получить сахар на двоих детей. И мы отправились в город, так почему-то все в Глазове называли центр Нерехты.

Прошли стадион — огромный пустырь, где теперь городской парк, базарную площадь с шеренгой расположившихся на берегу реки ларьков и по тесовым переходам перешли реку возле пождепо, у которого стояла шикарная красная пожарная машина, настолько великолепная, что мечтой нескольких лет моего детства было пойти в пожарные.

Еще больше — поразил меня мощеный булыжником центр с устремленной в небо колокольней и с покрашенным шаровой серой краской памятником Ленину, в тяжелом зимнем пальто; так что увиденная много лет спустя мощена брусчаткой Красная площадь со Спасской башней Кремля и мавзолеем Ленина не произвела на меня особого впечатления, как разукрашенная копия не производит впечатления на человека, видевшего старинный скромный оригинал.

Оказалось, что прямо за памятником Ленину и расположен магазин, куда мы направлялись. Из дверей магазина, извиваясь по улице, выползала очередь, в хвост которой и пристроилась бабушка Бориски.

Спустя немалое время и претерпев ряд мытарств, победителями возвращались мы с полотняным мешочком, в котором кремешками постукивали куски колотого сахара; о «пиленом» сахаре-рафинаде мы тогда еще и не знали. Пришедшие с работы

родители Бориски усадили нас пить чай, и я заметил, что у каждого был свой стиль чаепития. Отец, дядя Витя, взяв в левую ладонь большой кусок сахара, ловко колол его тупой стороной лезвия ножа-косаря, которым щепали лучину для розжига богатыря-самовара, на бронзовой груди которого красовались медали общества «Степан Баташев и компания». Отколов кусок, он клал его в стакан с чаем и, размешав ложечкой, пил из стакана с помощью подстаканника, что называется, «внакладку».

Бабушка, взяв из сахарницы наколотый отцом сахар и маленькими щипчиками нащипав крошечные кусочки, пила чай «вприхлебку» из блюдца, держа его на растопыренных пальцах.

Мать, тетя Варя, пила чай из чашки, откусывая сахар от куска по мере надобности, так сказать, «вприкуску».

Но самый оригинальный стиль был у Бориски: выбрав в сахарнице самый большой кусок, он макал его в чай, забеленный топленым молоком, затем вынимал и шумно обсасывал до тех пор, пока крепкий, как камешек, кусок не становился хрупким и ноздреватым, после чего допивал чай и, сунув за щеку сахар, забирался спать на полати. Этот стиль можно было по праву назвать питием чая «вприсоску».

Часто выпитый на ночь чай давал о себе знать самым досадным образом, будя Бориску среди ночи. Покрутившись на полатях, понимал он, что дотерпеть до рассвета не удастся и, преодолев ночные страхи, выскакивал на крылечко. Приплясывая на холодных крашеных половицах крыльца от нетерпения, стремился он до минимума сократить процесс избавления от выпитого с вечера чая, а за каждым кустом ночного сада чудилась ему Баба-Яга или другая нечисть из прочитанных бабушкой сказок. Зато с каким облегчением и наслаждением, заскочив в сени, накидывал он крючок на входную дверь, возвращаясь в тепло родного дома и, забравшись на полати, мгновенно проваливался в детский сон...

Так случилось и в ту злополучную ночь. Набегавшись за день и напившись на ночь чаю, уснул Бориска, как убитый. Потревоженный ночью привычным желанием, выскочил он на крылечко и услышав, как тугая струя словно кипятком орошает лопухи, вдруг с ужасом понял, что все это происходит с ним во сне, а он даже не спустился с полатей в то время, как горячая струя никакой не сон, а самая что ни на есть горькая, вернее, соленая действительность.

В довершение беды вдруг ночная молния осветила, а жуткий удар грома потряс весь дом, и сразу хлынул ливень. Услышал Бориска, как встал с кровати отец и, проходя под полатями, выругался вполголоса. Затем чиркнул спичкой, нашел и поставил под полатями таз, в который сначала редко, а потом все чаще стали звонко бить падающие капли...

Утром мать вылила из таза воду, а отец, придя с работы, облазил и крышу, и чердак, но, так и не найдя никакой течи, сказал:

— Странно! Ведь ночью мне прямо на голову капало!

Мог все объяснить Бориска, пришедший после целого дня купания на водокачке, но счел за благо промолчать...

ВЗРЫВ

Взрыв! Короткое, рвущее душу слово, таящее в себе энергию разрушения и вызывающее в моей памяти далекие воспоминания. Весенним днем в конце пятидесятых годов учил я уроки и вдруг увидел в окно, как медленно плывут по реке, вышедшей из берегов, льдины. Ледоход начался!

Наскоро одевшись, поспешил на «водокачку». Плотина под многометровым слоем воды угадывалась, лишь плавным спуском, на котором неторопливо плывущие из верхнего омута мелкие льдины стремительно набирали скорость, скользя вниз вместе с блестящей массой воды. Многотонная инерция влекла их дальше, и если натыкались они на берег, вспахивая дерн, течение начинало медленно вращать льдину и, отойдя от берега, плыла она дальше, плавно разворачиваясь.

Неспешно наплывающие из верхнего омута крупные льдины сначала нависали зеленоватой толщей над гладью спуска, затем, грузно перевесившись, как бы ныряли вперед, а иногда с пушечным гулом ломало огромную льдину пополам на водяной горе и плюхалась эта половина в водух таким звуком, как будто что-то гигантским вальком хлопнул по сырому белью. Смотреть на это можно было часами, и время летело незаметно. Гудок льнокомбината «Красная текстильщица» напомнил мне, что пора идти поить скотину и собираться в школу. Придя домой, с удивлением увидел отца и мать, пришедших с работы, так как ларьки на рынке со всех сторон обступила вода. Сказали они мне, что перед мостом, у Николы, большой затор, и в школу надо идти «верхом», по ул.Глазово, а не через рынок.

Перед деревянным «Никольским» мостом тогда были установлены «быки» с наклонно уходящими в воду бревнами, на которых крепились стальные уголки-ледорезы. На одном из «быков» засела громадная льдина, разломить которую не могло ни течение, ни напиравшая масса льда. Среди этого нагромождения льдин суетились двое мужчин. Приладив к палке какой-то сверток, сунули они его под лед и быстро побежали к берегу, прыгая с льдины на льдину.

«Сейчас рванет!», — сказал парнишка чуть постарше нас, видимо, давно наблюдавший за всем происходящим. Минуты томительного ожидания, прозвенел звавший нас на урок звонок в четвертой школе на берегу реки и... тишина.

Спустя полчаса осторожно подобрались взрывники к торчавшей среди льдин палке и, вытащив сверток, стали «колдовать» над ним. Снова побежали они на берег, и снова замерли мы в ожидании на уступе берега возле ограды Никольской церкви. Прозвенел звонок на перемену, а затем на второй урок, а взрыва все не было! Только с третьего раза, когда мы уже собирались уходить на уроки, сухо и резко грянул взрыв. Словно крупный град ударили осколки льда по настилу моста и сразу отхлынувшей от бревенчатых перил толпе зевак. Кусок льда, не меньше моего портфеля, взлетел выше Никольской церкви и, замерев в верхней точке, стал стремительно падать, казалось, прямо нам на головы. И упал неподалеку, глухо стукнувшись о землю.

Вся неподвижная масса льда вдруг медленно пришла в движение и с шелестом поплыла. Звенело в ушах и казалось, что это мы плывем вместе с берегом навстречу ледяному крошеву...

Служил я в Армении уже третий год и ехали мы кормить обедом ребят в карауле с шофером Сашкой Свиридовым, призванным вместе со мной из Курской области. Неожиданно машину остановил мужчина с красным флажком и сказал, что впереди взрывают скалу, расширяя дорогу. В километре от нас один за другим грянули три взрыва, потом один и немного спустя еще два. Мужик махнул флажком: «Поезжай!».

Мы поехали, рассуждая, что в Армении везде хорошие дороги, хотя их надо буквально вырубать в скальной породе, а у нас в России и на ровном месте одни ухабы да колдобины... Вдруг Сашка выругался и резко нажал на газ. Я удивленно взглянул на него, а он только крикнул: «Смотри!».

Глянул я вперед и увидел метрах в двадцати быстро перемещающийся дымок горящего бикфордова шнура! Проскочили мы это место и не успели отъехать подальше, как сзади ухнуло, а машина подпрыгнула, как будто снизу кто-то ударил по полотну дороги громадной кувалдой, и словно картечью стегнуло по заднему борту. Проехали мы еще метров двести и остановились.

Весь задний борт грузовика был в рябых отметинах, словно в крашеные доски борта тыкали тупым ломом. На полу кузова валялись обломки базальта, размером от кулака до горошины. Во рту ощущался неприятный привкус от запаха сгоревшей взрывчатки, и ничего не хотелось говорить...

Два взрыва... Один с нетерпением ждали мы, торопя медленно текущие минуты, а другой — сжавшаяся в ожидании беды душа наша молила Бога задержать хотя бы на долю секунды.

НАВАЖДЕНИЕ

Случилось это в один из мартовских дней в начале восьмидесятых годов прошлого века. Работал я тогда директором экспериментальной фабрики спортивного трикотажа. Весенним солнечным утром заехал перед работой в родительский дом проведать, как управляется оставшийся на хозяйстве отец, так как мать положили в больницу. Шел я от калитки сада к нашему дома по, свежевыпавшему ночью снежку, который вкусно хрустел под ногами, словно кочан свежей капусты под ножом. Гремя цепью, с лаем выскочила из конуры собака, но узнав меня, сладко, с подвывом зевнула и дружелюбно завиляла хвостом, ласково повизгивая.

Войдя в дом, увидел я расположившуюся в кухне гостью — небольшого роста, плотно укутанную шалью старушку, смуглую, с неожиданно молодыми, васильково-синими глазами. Отец сказал мне:

— Вот радость-то! Брат Генашка нашелся!

Брат отца Геннадий как помощник машиниста паровоза был мобилизован в первые же дни воины и спустя три месяца пропал без вести. Гостья поведала, что попал он в плен, где познакомился с ее братом, таким же пленным, родом из Уфы. Из плена их освободили американцы и отправили в Америку. После долгих скитаний и мытарств фермерствует сейчас Геннадий Саввич в штате Юта. И вот на склоне жизни решил он побывать в родном городе и сообщить об этом через брата старушки, что на следующей неделе, в четверг, они прилетают в Москву. В подтверждение правдивости своего рассказа поведала бабка, что у Геннадия искалечен палец на левой руке. Отец подтвердил, что еще перед войной колол Генашка дрова, и пытаясь подхватить падающее полено, тяпнул по пальцу топором, не сдержав замах, и знать об этом могли только близко знакомые люди.

Ошарашенный новостью, что у меня в Америке нашелся дядя, я не мог даже сообразить, что сказать по этому поводу и не отводил взгляда от рассказчицы. Старушка вдруг глянула на меня каким-то пронзительно-пристальным взглядом, от которого мне стало не по себе. Не страх, не ужас, а какая-то жуть и смутная тревога одолела меня и я почувствовал, что готов подчиниться чужой воле. Задрожала чашка с чаем в моей руке и, чтобы скрыть это, я отвел глаза, поставил чашку на край стола.

Сопротивляясь желанию остаться и слушать дальнейший сенсационный рассказ, я сказал, что мне надо на работу, что на улице меня ждет шофер и машина. Сразу как-то засуетилась старушка и, плотнее стянув узел шали, заспешила к двери. На мое предложение подвезти ее ответила отказом. Подождав, пока отец соберет передачу для матери в больницу, вышел следом. Старушки нигде не было. Меня поразило, что по чистому снегу от калитки сада к крыльцу вели только мои следы, а собака, всегда заливавшаяся истошным ляем даже на знакомых соседей, грозя оборвать цепь, мирно грелась на солнышке, повиливая хвостом.

По пути в вязальное производство фабрики заехал я в больницу к матери и передал ей все, что узнал. Залилась мать слезами:

— Господи, Генашка нашелся, ведь он лучше всех к нам относился!

Понял я, как дорого было его сочувствие ей, ярой комсомолке двадцатых годов, а затем и коммунистке, вышедшей замуж за сына торговца, выселенного с семьей новой властью из отчего дома в центре города и лишенного всех прав. Мать из партии исключили ... за «сожительство с социально-чуждым элементом» — моим отцом. Весь день провел я на работе под впечатлением услышанного, мысленно представляя, как встречу дядю, познакомлю его с женой, семьей и новой квартирой, но оставался в моей памяти и парализующий волю взгляд странной женщины. Что-то похожее испытал я при взгляде заезжего гипнотизера, выйдя на сцену заводского клуба в числе других добровольцев. Мысленно сопротивляясь его установкам, ощущал я необъяснимую жуть, и холодок пробегал по спине. Не добившись от меня желаемого, объявил он под хохот зала, что я, наверное, много пью и потому плохо поддаюсь внушению. С тех пор стараюсь не глядеть в глаза незнакомым и не приятным мне людям.

Ни на следующей неделе, ни позднее никаких сообщений не было, и только пошла какая-то полоса черного невезения. Пожар в вязальном производстве фабрики, смерть матери, а затем и отца отодвинула воспоминания об этом странном случае…

Начиналась «горбачевская» перестройка, рисовавшая перед нами радужные перспективы и лишающая этим воли к сопротивлению, ведущая великую страну к хаосу и развалу.

Татьяна Жадова

«И шепчет что-то нежное река»

* * *

Звенит в ушах густая тишина,
Раскинув руки, спят в блаженстве дети,
На облаке качается луна,
Молчат до срока клавиши рассвета,
Мне трудно улыбаться без тебя,
И сон не хочет сократить разлуку.
Глазами то к часам, то у окна,
Крест ожидания — сжигающая мука.
Раскладываю ночь по голосам:
Удары сердца — ноюще тревожны,
Соседский пес сердито прорычал,
Вот кошка пробежала осторожно.
Я узнаю из сотни голосов
Мотора звук, уверенно спешащий,
Не нахожу при встрече нежных слов,
Но улыбаюсь каждый раз от счастья.

* * *

Опять к щеке прильнула осень
Кленовым огненным листом.
От ветра легкого заносит
Лес удивительным ковром.
С дымком лениво вьются мысли.
Он ни о чем, наш давний спор.
Из детства мы как будто вышли,
В нем осень кружит до сих пор.
Дрожит в костре горячий воздух,
Разносит хвои аромат.
С прогулки мы вернемся поздно —
Сентябрь венчальный виноват.

* * *

На лету дикий бизнес хватает удачу,
Улыбается зеленью банков хитро.
Кто-то там загрустит, ну, а кто-то заплачет:
Состоятельным русским, боюсь, не легко.
Только слышишь: ночные разборки да пули,
Даты смерти на мраморе, дорогие цветы.
Вот еще одного, говорят, грабанули,
Слава Богу Всевышнему — бедные мы...

* * *

Три сотни за тушь на ресницы,
Помада — четыре по сто...
Косметика женщине снится,
Реклам «дорогое лицо»:
С поднятою тонкою бровью,
С туманом лиловых теней
И кожей, как персик, здоровой
От крема из фиточастей.
На шее колье с бриллиантом,
Волос фиолетовый блеск,
Волнующе пахнут романсом
Духи — плод французских чудес.
С обложки летит на обложку
Искусство пустой красоты,
И гладко побритая ножка
Уже за пределом мечты...
С рекламой решила сразиться —
Маняще оформила взгляд.
Жаль, ночь заставляет умыться.
И струйками краски скользят...
А утром луч солнечный ранний
Заглянет привычно в окно —
Любуясь, целует избранник
Жены дорогое лицо...

* * *

А песня осени еще не спета,
Пока рябина пламенем горит,
Шиповник-недотрога бабье лето,
Склонившись до травы, благодарит.
А песня осени еще не спета,
Покуда терн бросает синий взгляд,
Грибы снимают шляпы на рассвете
И кружится в раздумье листопад.
А песня осени еще не спета,
Пока румяным яблоком щека
И можно затеряться среди веток,
И шепчет что-то нежное река.

Нина Артемова

Маме

Жизнь была — словно песню пропела,
Соловьиный восход и закат.
Ты тепла для других не жалела,
Согревала детей и внучат.
Было все: утраты и слезы,
Бабий крест терпеливо несла.
Если нас где-то минули грозы,
Это ты отвести их смогла.
Мы за все благодарны, родная.
Пусть седеют поля ковылем,
Жизнь — полынью...
Но дома, я знаю,
Светят окна
Надежным теплом.

Осенний карнавал

Шумит прощальный карнавал,
Бросает листья королева — Осень.
— Последний бал! Роскошный бал! —
Трубят ветра в макушках сосен.
Такой торжественный орган.
Поет ивняк виолончелью,

Танцует тополь — хулиган,
Забыв друзей, с монашкой-елью.
Краснея от смущенья, клен
Березку кружит золотую.
Влюблен. Конечно, он влюблен!
Ну, где еще найдешь такую!
Поправив фрак, солидный дуб
Склонился к трепетной осине.
И, обнимая сотней рук,
Ведет в фокстроте вяз рябину.
Листва — цветною мишурой…
Цыганским прозвенев монистом,
Сгорает в пляске огневой
Калина над рекою чистой.
Стихает пестрый карнавал.
Беспечно посорив деньгами,
Клен, облетевший, задремал,
Березку обхватив ветвями.
Печальный лес уже нагой.
Осенний бал тому виною.
Гуляет ветер над казной,
Считая золото лесное.

Шмелиный мед

В Селезнево, Батаево, Родино
Я незваною гостьей приду.
Черноглазая встретит смородина
Да журавль на заросшем лугу.
Вспомню хлеб ароматный Березиных,
Нет, такого сейчас не пекут.
На дымящий ломтик отрезанный,
Бывало, и меду нальют.

Одиноко в безлюдье обедаю.
Болью в сердце звенит тишина.
Позабыта, порушена бедами
Ты, родная моя сторона.
Окраина здесь, а не пригород.
Для меня нет дороже земли.
Барышей не считая, без выгоды
Дарят мед мне душистый шмели.

Ольга Колобова

Кружевная сказка

То ли чудится мне, то ли снится:
В легком облаке райская птица
Замерла на узорном окне
В золотом, предрассветном огне...
Но спросонья не рамы, а пяльцы
Вижу я! Чьи же ловкие пальцы
Создавали всю ночь напролет
Полотно небывалых красот?..
Да ведь это ж зима-мастерица, —
Вышивальщица и кружевница!
Как искусно она заплела
На коклюшках берез кружева!..
Белошвейка! По белому — белым...
Вышивая наряды умело
Свет одела в гипюр и шитье...
И, едва поборов забытье,
В руки нитки беру я и спицы.
Я ведь тоже чуть-чуть мастерица!

Малиновый сироп

Малиновый сироп
Струится лентой сладкой.
И хочется его
Мне выпить без остатка.
Как бабочка нектар
Смакуя понемножку,
Я пью, на три глотка
Растягивая ложку.
Душистый, словно сок
Свежайших ягод спелых,
Вдруг — «ах!» — сироп потек
На пену кружев белых
И выкрасил манжет
Искусного плетенья

В нелепо яркий цвет!
Ну что за невезенье!
Сочувственен твой взгляд.
И мне уж не досадно.
Спасая мой наряд,
Застирываем пятна...
Ты шепчешь: «Не горюй,
Другое купим платье!»...

Как трепетны объятья!
Как сладок поцелуй!

Аквариум

Муж, «заболев» увлечением модным,
Пятый аквариум в дом приволок!
Счастлив, подводный лелея мирок,
Не до меня ему, и невдомек,
Как я мечтаю жить в царстве подводном!

Быть его рыбкой: в зеленой водице
Плавать, хвостом задевая растенья,
Прятаться в грот, заплывать под коренья,
Прямо из рук принимать угощенье, —
Мужней заботою вновь насладиться!

Так не хватает любви и участья,
Теплого взгляда и доброй улыбки!
Брака устои становятся зыбки...
Милый, опомнись, какие тут рыбки!
Рушится наше семейное счастье!

О моем брате

Мой младший брат шумлив и непоседлив.
Порой, невыносим бывает он.
То скрытен, то, как муха, надоедлив.
И, ангельски хорош, сморенный сном.

Огромнейшую радость доставляет
Ему стрельба рогаткой из окон.
Но, чаще он в прохожих попадает,
Чем в мимо пролетающих ворон.

Тащу я брата за ноги с окошка,
Внушать пытаюсь: «Игорь, не балуй!»
Звонок. Явился друг его, Сережка,
Такой же озорник и обалдуй.

Мгновенно позабыли про уроки,
Намылились на «великах» гонять.
Я вслед кричу, ругаясь на пороге,
Теперь уж мне их точно не догнать!

Валерий Комиссаров

* * *

Сам не знаю, что со мною —
Потерял покой и сон…
За окошком вьюга воет,
Пес голодный — в унисон.
Свет зажгу, открою двери
И обоих в дом впущу,
Накормлю и обогрею,
Пусть поспят в моей постели…
Я на печке погрущу...

* * *

Почему так стремительно
Время летит..,
А на жизнь Человеку
Отпущен лимит?
Почему так безжалостно
Короток Век?
Не повинен ли в этом
И ты, Человек?

Надежда Меньшикова

«Душа надеждою живет»

* * *

Я встретила слепого человека.
Он слушал напряженно тишину.
На рубеже сменившегося века
Он мне сказал: «Дорогу не найду».

Я расскажу ему, что небо синее,
что спит под снегом желтая листва,
деревья заблудились в белом инее...
На снежной ветке серая сова.

И на морозе солнце светит ясно,
дома как-будто тонут в серебре.
Ты знаешь, встречный, это же прекрасно,
что Иисус родился в январе.

Несется звон с далеких колоколен,
Даруя миру радостную весть…
А на земле лишь избранный достоен
Безропотно нести свой тяжкий, крест.

Я этот мир, знакомый и понятный,
Пытаюсь объяснить и ... не могу.
А он стоит — спокойный, гордый, статный
И что-то чертит тростью на снегу.

* * *

Чашка чая на столе,
Сухари да сахар.
Свечка теплится во мгле…
Кот на мягких лапах
Подошел ко мне тайком,
Вспрыгнул на колени.
Подмигнул одним глазком.
Гений, просто гений!

Размочу ему сухарь,
Покормлю с ладошки...
Дремлет звездная вуаль
В синеве окошка.
Сердце рвется под рукой
Тихо и неровно —
Где желанный мой покой?
Что так сердцу больно?
Может мне счастливый сон
Принесет удачу...
Знаю: будешъ ты прощен!
Оттого и плачу.
Серебристых звезд игра
Манит, да не греет.
Тише стали вечера,
Ночи холоднее.

* * *

Судьбы хотелось, как у всех, —
Не получилось.
Затих задорный звонкий смех, —
Слеза скатилась.
Горит лампадка у икон, —
О чем молилась?
Вдали растаял крик ворон, —
Иль мне приснилось?
Погаснет тонкая свеча, —
Затишье в храме.
Коль нет надежного плеча, —
Поеду к маме.
Она все знает, все поймет
И пожалеет.
Душа надеждою живет, —
А мать стареет…

Содержание

От чистых истоков 3

ПОЭЗИЯ 7

Н.А.Некрасов. 7
Николай Рубцов 9
Анатолий Передреев 12
Владимир Костров 18
Виктор Лапшин 25

ПРОЗА 32

Имени Писемского 32
Алексей Писемский. Признания (отрывок из романа) 35
Олег Каликин. Долгое молчание, повесть 44
Валерий Секованов. Бесплатные курсы, рассказ 85
Виктор Воронов. Маяк Арконы, рассказ 88

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ 97

В.Пашин. «Девятнадцать новых» 97
Алексей Базанков. Объединительные интересы 101
Владимир Корнилов. Возвышение человека 108
Александр Лобанов. «И я там был…» 116
Михаил Базанков. На остаточном принципе 125
Информационными строками 131
Михаил Базанков. Преодоление 134
Евгений Зайцев. Смена смене идет 141

ПАМЯТЬ 144

Татьяна Абатурова. Последняя книга 144
Память на века 146
Игорь Дедков. Подборка 147
Игорь Дедков. Размышление о «Грозе» 149
Виталий Пашин. Слово о друге 153
Галина Милова. Стихи 154

Виктор Куликов. Стихи 158
Мария Комиссарова. Стихи 162
Борис Гусев. Стихи 165
Леонид Попов. Стихи 167
Юрий Семенов. Стихи 170
Талантом освещенная судьба 174
Зинаида Чалунина. Стихи 175
Павел Мельников. Стихи 177
И слово отозвалось… 178
Виктор Смирнов. Стихи 179

МОЗАИКА 181

Анатолий Беляев. Стихи 181
Роман Семенов. Крепость без каменных стен 187
Ольга Гуссаковская. Мудрость мастера 190
Николай Палькин. Глава из поэмы 192
Лидия Егорова. Александр Зиновьев в Москве 196
Сергей Потехин. Стихи 198
Виктор Веселов. Стихи 202
Юрий Разгуляев. Стихи 204
Алексей Скуляков. Покшинская панорама 206
Татьяна Дмитриева. Стихи 211
Алексей Акишин. Декабрь, а встречи так теплы 212
Евгений Степаненко. Возрожденная «Кострома» 215
Издано в трудные годы 216
Виктор Хохлов. Из Москвы — в Кострому 219
Итоги литературного года 220

ДЕБЮТЫ 222

Анатолий Корсаков. Рассказы 222
Татьяна Жадова. Стихи 229
Нина Артемова. Стихи 231
Ольга Колобова. Стихи 233
Валерий Комиссаров. Стихи 235
Надежда Меньшикова. Стихи 236

Содержание 238

КОСТРОМА

Литературно-художественный сборник

**За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская областная писательская
организация.Телефон: 31-21-09.
Web page: http://www.kosnet.ru/~bam**

**Общеее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Дизайн, компьютерный набор и
оригинал-макет — А.М.Базанков**

Подписано в печать 30.03.2006.

**Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 16. Усл. п. листов 15. Заказ .
Тираж 500 экз.**

**Отпечатано в ГП «Областная типография им. М.Горького»
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.**